

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ
НИКОЛАЙ КАВАСИЛА

О ЖИЗНИ
ВО ХРИСТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
МОСКВА
2006

УДК 27
ББК 86.37
К12

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два солунских святых из XIV века носили имя Кавасилы. Старший Нил, дядя Николая, по общепринятому мнению, управлял Солунской паствой до 1340 года, при Иоанне Кантакузине. Младший, Николай, родился в 1320 году в аристократической семье в Фессалонике. Детство его прошло под наставничеством дяди. В 1335 – 1340 гг. Николай получает классическое образование в Константинополе, где изучает философию, риторику, грамматику, естественные науки. Впоследствии он принимает активное участие в политической и церковной жизни империи и упоминается в должности сакеллария Константинопольской Церкви².

При гражданских беспокойствах, вызванных движением зилотов, мы встречаем Николая Кавасилу на стороне Палеологов и военачальника Сигриана.

Патриарх Иоанн в 1343 году посылал его в числе других к императору Иоанну Кантакузину, чтобы убедить его отречься от престола³. Но когда тот был коронован в Адрианополе и когда Фессалоника и другие города перестали противодействовать благоприятствовавшей ему партии, посольство в 1346 году отправилось к сыну его Мануилу, чтобы обещать ему покорность под некоторыми условиями, и в этом посольстве был Николай Кавасила. Может быть, эти самые сношения приобрели Николаю благосклонность Кантакузина; по крайней мере, сам Кантакузин говорит, что удостоивал своей дружбы и даже причислял его к лучшим своим друзьям⁴. Будучи склонным к созерцательной монашеской жизни, Иоанн Кантакузин в 1349 году удалился

¹ Мать Николая называется сестрой трех архиереев (Georg. Phranze Annal. I. II. с. 5), кроме Нила, другие два неизвестны.

² Николай Кавасила был попечителем недвижимого церковного имущества. Du Cange Glossav. s. h. v. В расписании должностей великой Константинопольской Церкви великий сакелларий занимает второе место за великим экономом.

³ Cantac. hist. I. III. P. 445 ed. Bonnæ.

⁴ Ibid. P. 568. 72. 73.

в монастырь Святого Маманта и потом перешел в монастырь Манганийский, недалеко от Константинополя. В это добровольное изгнание последовали за ним Димитрий Кидоний и Кавасила, мужи, по словам самого императора, достигшие вершины внешней мудрости, не менее любомудренные и в делах, избравшие жизнь целомудренную и свободную от несчастий брака¹.

Пребывание императора и друзей его в монастыре было непродолжительным.

Когда Кантакузин, незадолго до своего отречения ради принятия монашеского пострига, призвал в соправители себе сына своего Матфея и Палеолога Андроника, Кавасила опять встречается в числе посредников, которым надлежало вызвать удалившегося патриарха Каллиста и заставить его короновать Матфея (Cantac. hist. lib. IV. Vol. III. P. 275). Но когда Каллист отказался, приступили к выбору нового патриарха, и на это место предложены были Кавасила и еще двое: Макарий Филадельфийский и Филофей Ираклийский; император избрал последнего, и он короновал Матфея. При сем случае Кантакузин называет Кавасилу мирянином (ῥντα ἔτι ἰδιότην); а это дает понять, что он пользовался большим уважением, если предлагали его прямо на патриаршью кафедру, что с мирянами бывало редко.

Около этого времени Николаю Кавасиле, как приверженцу исихастского учения, пришлось иметь спор о природе Фаворского света с Никифором Григорой, последователем Варлаама и Акиндина. Рассказ о встрече Никифора и Кавасилы и сущность их спора изложены у Никифора (L. XXI. XXII. 4).

На созванном в 1351 г. Влахернском Соборе Николай Кавасила выступал твердым защитником Православия и строгой аскетической жизни.

Один краткий перечень сочинений Николая Кавасилы может показать его литературную многосторонность и плодovitость. К самым ранним его произведениям относится отрывок из комментариев его на Птоломея²; ко времени занятий его делами церкви в звании сакеллария нужно отнести сочинения: «О росте против ростовщиков»³, книгу

¹ Ibid. Vol. III. l. 4. P. 105, 107.

² Construct. Ptolom. Basil. 1588. P. 151.

³ De usura contra foeneratores ed. Hoeschel. aug. vind. 1595.

о неправильных тяжбах гражданских начальств по отношению к церковным предметам. Немало осталось от него отдельных слов нравственных, на праздники и похвальных. Из них можно указать слова: на Страсти Христовы, на Вознесение, на великомученика Димитрия, на св. Феодору Чудотворицу, на трех вселенских святителей¹. Из богословских произведений его известны: «Какая цель воплощения Господа», «Против заблуждений Никифора Григоры», «Изложение на пророка Иезекииля», «О душе» и другие мелкие сочинения и письма².

Более известным творением Николая Кавасилы служит его «Изъяснение Божественной литургии»³, которое имел в виду истолкователь литургии Симеон Солунский⁴.

Слова Николая Кавасилы о жизни во Христе были распространены в Греции; это видно из того, что рукописи этих слов встречаются во многих библиотеках, и притом не в одном экземпляре⁵. Печатно издал их Гасс (*Beiträge zur kirchlichen Literatur. Bd 2. Die Mystik des Nicolaus Cabasilas. Greifswald. 1849*), сличив по многим спискам, со своим предисловием и примечаниями. Большая часть рукописей содержит в себе только шесть слов о жизни во Христе, Гасс в одной рукописи Венской библиотеки нашел и седьмое слово о жизни во Христе, которое, как нужно думать, написано позже после прочих и потому редко встречается в рукописях.

В своих словах о жизни во Христе Николай Кавасила рассуждал о том, что новая благодатная жизнь, даруемая верующим во Христа, получается ими и поддерживается в них силой спасительных Таинств, и деятельностью человека, сообразной с законом Христовым. В шестом и последнем слове Кавасила рассуждает, до какой нравственной высоты может достигнуть христианин еще здесь на земле, если только употребит старание сохранить и возрастить в себе сокровище Благодатных Даров. Возвышенное течение мыслей, сила и живость благочестивого чувства, глубокое разумение духа Священного Писания составляют

¹ Более подробное перечисление его слов см.: Fabr. Bibl. Graec. X. p. 28. Похвальное слово св. Феодоре напечатано: Act. SS. Apr. 5 д.

² Lambec. Comm. T. V. P. 183.

³ Изъяснение Божественной литургии. Слб., 1857.

⁴ Dialog contra. haer.

⁵ В Синодальной Московской библиотеке их два списка.

неотъемлемое достоинство слов Николая Кавасилы. Этим и объясняется многочисленность списков, в которых сохранились эти слова — они должны быть отрадным чтением для людей, ищущих спасения и подвигающихся в благочестии.

Выдающийся христианский писатель и богослов святой праведный Николай Кавасила был канонизирован Элладской Православной Церковью 3 июня 1982 года. День памяти фессалоникийского святого — 20 июня.

О ЖИЗНИ ВО ХРИСТЕ

СЛОВО ПЕРВОЕ

О том, что она создается посредством Божественных Таинств: крещения, миропомазания и священного приобщения

1. Жизнь во Христе зарождается в здешней жизни, и начало приемлет здесь, а совершается в будущей жизни, когда мы достигнем одного дня. И ни настоящая жизнь не может совершенно вложить ее в души людей, ни будущая, если не получит начатков ее в этой жизни.

2. Ибо поскольку в настоящей жизни помрачает плотское, и здешний мрак и тление, не могущие наследовать нетление, — то Павел почитал лучшим разрешиться, чтобы со Христом быть: *Разрешиться*, — говорит он, — *и быть со Христом, потому что это несравненно лучше* (Флп. 1, 23). А жизнь будущая, если и примет людей, не имеющих сил и чувств, которые необходимы для той жизни, то для таковых нисколько не послужит к благополучию, но как мертвые и несчастные будут они обитать в блаженном сем и бессмертном мире.

3. А причина та, что хотя свет сияет и солнце доставляет чистый луч, но не образуется тогда глаза ни у одного человека, и благоухание запаха изливается обильно и распространяется повсюду, но чувства обоняния от сего не получает тот, кто не имеет его. Посредством Таинств возможно сообщиться с Сыном Божиим друзьям Его и узнать от Него то, что слышал Он от Отца; но и приходиться к Нему нужно будучи другом Его и имея уши.

4. Ибо там нельзя составлять дружбу и отверзать уши и готовить брачную одежду и угождать прочее, что нужно в брачном чертоге, но местом для приготовления всего этого служит настоящая жизнь, и кто не приготовится прежде отшествия, у тех нет ничего общего с жизнью вечной.

5. И свидетелями этому — пять дев и человек, званный на брак, поскольку пришли не имея ни елєя, ни брачной одежды (Мф. 25) и не могли уже приобрести их. Подлинно внутреннего нового человека, созданного по Богу, чревоносит мир сей, и зачатый здесь и совершенно уже образовавшийся, рождается он в нестареющемся мире.

6. Пока зародыш находится в темной и ночной жизни, природа приготовляет его к жизни в свете и образует как бы по закону той жизни, какую можно ему воспринять; подобным образом случается и со святыми. И сказал это апостол Павел в Послании к Галатам: *Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос* (Гал. 4, 19).

7. Однако зародыши никогда не доходят до ощущения жизни; блаженные же и в настоящей жизни имеют многие ощущения будущего. А причина та, что для первых еще жизнь настоящая не настает, а есть для них в буквальном смысле будущая.

8. Во вместилищах зародышей не бывает ни луча, ни чего-либо иного, что поддерживает эту жизнь; у нас же не так, но будущая жизнь как бы вливается и примешивается к настоящей, и солнце воиссиявает человеколюбиво, и пренебесное миро истощено в зловонных местах, и хлеб ангельский дан и людям.

9. Посему не располагаться только и приготовляться к жизни, но и жить уже сей жизнью и действовать возможно святым даже в настоящей жизни. *Держись вечной жизни* (1 Тим. 6, 12), — пишет Павел Тимофею, и: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20); и божественный Игнатий: «Есть вода живая и говорящая во мне» (Послание к Римлянам, гл. 6), и многим подобным наполнено писание.

10. Самая Жизнь всегда соприсутствует святым, ибо сказано: *се, Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20), и зачем думать иначе?

11. Вверивший земле семена жизни, ввергший на нее огонь и меч, не удалился тотчас, предоставив людям возвращать, питаться, сжигать и употреблять меч, но Сам присутствует истинно, действуя в нас, и *производит в вас и хотение и действие,*

как говорит блаженный Павел (Флп. 2, 13), и огонь Сам возжигает и вносит, и меч держит Сам.

12. И подлинно не прославится секира без владеющего ею, и где не присутствует Благий, там не может быть ничего доброго. И не только присутствовать со святыми обещался Господь, но и пребывать у них, и, что лучше, обитель в них сотворить.

13. И что я говорю — когда сказано, что Он соединяется с ними так человеколюбиво, что бывает один дух с ними: *соединяющийся с Господом есть один дух с Господом* (1 Кор. 6, 17), и еще: *одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания* (Еф. 4, 4), по слову Павла.

14. Неизреченное человеколюбие и любовь Божия к роду нашему превосходит разум человеческий и приличествует одной Божественной благодати, — ибо это есть мир Божий, *который превышает всякого ума* (Флп. 4, 7); подобным же образом следует, что и единение Его с возлюбленными выше всякого единения, так что этого никто не может понять, и изобразить каким-либо подобием.

15. Потому и в Писании нужны были многие подобия, чтобы обозначить это соединение, так как одного подобия было недостаточно; и указывает оно то на жителя и дом, то на виноградную лозу и ее ветви, то на брак, то на члены и главу, из которых ничто не равно истинному единению, поскольку от этих уподоблений нельзя точно дойти до истины¹.

16. Весьма нужно, чтобы за дружеством следовало и соединение; что же может быть равным Божественной любви? Потом, кажется, что брак и согласие членов с головою всего лучше обозначают связь и единение, но и это весьма далеко отстоит от истины, и нужно еще многое, чтобы объяснить сущность дела.

17. Брак не так соединяет, чтобы соединенные пребывали и жили друг в друге, что случилось со Христом и Церковью. Почему божественный апостол, сказав о браке: *тайна сия велика, прибавил: я говорю по отношению ко Христу и к Церкви* (Еф. 5, 32), показывая, что удивляется не сему, а оному браку.

¹ Новая строка авторского оригинала в тексте дается с дополнительной отбивкой. — Прим. ред.

18. Члены действительно соединены с главою и живут этим соединением, и умирают, когда их отделят; но, кажется, что и они соединены со Христом более, нежели с своею главою, и Им живут больше, нежели союзом с главою. И это ясно в блаженных мучениках, которые одно переносили легко, о другом не могли и слышать; голову и члены отлагали с удовольствием, а от Христа не могли отступить даже звуком голоса. И скажу еще нечто новое.

19. Ибо может ли что-нибудь соединиться с другим теснее, нежели как соединяется оно само с собою? Но и такое единение меньше союза со Христом.

20. Из блаженных духов каждый есть одно и то же с самим собою, но с Спасителем соединен больше, нежели с самим собою, поскольку любит Спасителя более, нежели самого себя, и свидетельствует этому слову Павел, молясь быть отлученным от Христа (ср.: Рим. 9, 3) ради умудрения иудеев, дабы Ему было приложение славы. Если такова человеческая любовь, то Божественной нельзя и понять.

21. Если лукавые показывают такое благомыслие — что нужно сказать о Божественной благодати? Когда так превышеестественна любовь, нужно, чтобы и союз, в который вовлекает она любящих, превышал помысл человеческий, так что и объяснить его сравнением нет возможности.

22. Рассмотрим и таким образом: есть многое, чем нужно пользоваться для жизни: воздух, свет, пища, одежда, естественные силы и члены, но ничем не приходится пользоваться каждый раз и для всего, но иногда одним, в другой раз другим, так как иное иначе помогает в представляющейся нужде.

23. Так, одежда одевает нас, а пищи нам не доставляет; но нуждающимся в трапезе нужно искать чего-либо иного. И свет не дает нам дышать, а воздух не бывает для нас вместо луча; и действием чувств и членов не всегда пользуемся и употребляем их, но и глаз, иногда и рука остаются без дела, когда нужно слушать; и желающим прикоснуться, достаточно руки; а чтобы обонять, или слышать, или видеть, для сего руки недостаточно, но оставляя ее, мы обращаемся к другой силе.

24. Спаситель же с живущими в Нем всегда и во всем соприсутствует, так что всякую нужду восполняет и есть для них все, и не допускает обращать внимание на что-либо иное, ни искать чего-либо в другом месте. Ибо нет для нуждающихся ничего такого, чем бы Сам Он не был для святых; ибо Он и рождает, и возвращает, и питает; и свет для них, и дыхание, и Собою Самим образует для них око, Собою Самим освещает их и дарует им видеть Себя Самого.

25. Будучи Питателем, Он вместе и пища, и Сам доставляя хлеб жизни, Сам же ест и то, что доставляет. Он и жизнь для живущих, мир для дышащих, одежда для желающих одеться. Им только можем мы ходить, и Он же есть и путь, и кроме того, отдохновение на пути и предел его.

26. Мы — члены, Он — Глава; подвизаться нужно? Он спорствует; заслуживающим похвалу — Он Подвигоположник; побеждаем мы? Он готовый венец наш. Так во всем обращает к Себе Самому, и не допускает уму обращаться к чему-либо иному, ни воспламениться любовью к чему-либо сущему.

27. И если сюда устремим желание, Сам присутствует здесь и подает покой; если туда, и там Он; если в иное место, и на этом пути поддерживает и подкрепляет готовых пасть. *Аще взыду на небо, Ты тамо еси, сказано: аще сниду во ад, тамо еси; аще возму криле мои рано, и вселюся в последних моря, и тамо бо рука Твоя наставит мя и удержит мя десница Твоя* (Пс. 138, 8—10).

28. Принуждением некоторым удивительным и насилием человеколюбивым привлекая к Себе одному и соединяя с Собою одним. Таково, я думаю, принуждение, которым принудил Он войти в дом и на пиршество тех, кого звал, говоря рабу: *убеди придти, чтобы наполнился дом мой* (Лк. 14, 23).

29. Что жизнь во Христе не в будущей только, но и в настоящей жизни находится в святых, которые и живут ею и действуют, это видно из сказанного. А почему возможно так жить, и, как говорит Павел, *во обновлении жизни ходити*, то есть с творящими какие дела так соединяется Христос и так прилепляется к ним, и не знаю, как и выразить то, о чем станем говорить далее.

30. Происходит это, с одной стороны, от Бога, с другой — от нашего тщания, и одно вполне Его дело, другое и от нас требует

ревности. Впрочем, мы привносим не более того, сколько нужно, чтобы сохранить благодать, и не предать сокровища, и не погасить светильника, уже возженного.

31. Разумею же тех, которые не привносят ничего такого, что противодействует жизни и рождает смерть; ибо к тому только служит всякое человеческое благо и всякая добродетель, чтобы кто-нибудь не обнажил меча на самого себя, и не бежал от благополучия, и не свергал венцов с головы своей, так как существо жизни всаждает в души наши Сам Христос, соприсутствуя нам неизреченным неким образом.

32. Он присутствует истинно, и помогает начаткам жизни, которые Сам даровал Своим пришествием. Присутствует же не как прежде, и обхождением, и беседою, и обращением с нами, и общением, но иным некоторым и совершеннейшим образом, по которому мы становимся сотелесными Ему и соживущими, и членами и тому подобное.

33. Ибо как неизреченно человеколюбие, по которому столько возлюбив самых уничиженных, восхотел удостоить их величайших благодеяний, и как союз, которым Он соединяется с возлюбленными, превосходит всякий образ и всякое наименование, так и тот способ, коим Он присутствует и благоденствует, дивен и приличен Одному Творящему дивная.

34. Ибо тех, которые смерти Его ради нашей жизни подражают в некоторых символах, как бы на картине, Он самым делом обновляет и воссозидает и делает общниками Своей жизни.

35. Ибо, в священных Таинствах изображая погребение Его и возвещая Его смерть, через них мы рождаемся и образуемся, и преестественно соединяемся с Спасителем. Ибо через них-то мы, как говорит апостол, *Им живем и движемся и существуем* (Деян. 17, 28).

36. Поскольку крещение дарует бытие и всецелое существование о Христе; ибо оно, приняв мертвых и растленных, первое из всех Таинств вводит их в жизнь. А помазание миром совершает рожденного, влагая соответствующую сей жизни силу действия; Божественная же Евхаристия сохраняет и поддерживает его жизнь и здравие.

37. Ибо чтобы сохранить уже приобретенное и подкрепить живущих, сие дарует Хлеб жизни. Поэтому сим Хлебом живем, движемся миром, получив бытие от купели.

38. Этим образом живем в Боге, переместив жизнь от видимого мира в невидимый, переменяв не место, но дела и жизнь. Ибо не сами мы подвиглись, или взошли к Богу, но Он Сам пришел и нисшел к нам.

39. Не мы искали, но мы взысканы были, потому что не овца искала пастыря, и не драхма госпожу, но Сам Он приник на землю и нашел образ, и был в тех местах, где блуждала овца, и поднял ее и восставил от блуждания, не переместив людей отсюда, но пребывающих на земле и небесными соделал и вложил в них небесную жизнь, не возводя на небо, но небо преклонив и низведя к нам.

40. Говорит Пророк: *приклони небеса и сниде* (Пс. 17, 10). Так посредством сих священных Таинств, как бы посредством оконцев, в мрачный сей мир проникает Солнце правды и умерщвляет жизнь, сообразную с сим миром, и восстанавливает жизнь премирную, и Свет мира побеждает мир, что обозначает Спаситель, говоря: *Я победил мир* (Ин. 16, 33), когда в смертное и изменяющееся тело ввел жизнь постоянную и бессмертную.

41. Когда в дом проникнет луч, светильник не обращает на себя взоров смотрящих, но привлекает их преобладающая светлость луча: подобным образом и в этой жизни светлость будущей жизни, проникающая в души и внедряющаяся в них посредством Таинств, побеждает жизнь во плоти и омрачает красоту и светлость мира сего, и такова-то жизнь в духе, которою побеждается всякое пожелание плоти, по слову Павла: *поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти* (Гал. 5, 16).

42. Этот путь проложил Господь, пришедши к нам, и отверз дверь, вошедши в мир, и восшедши ко Отцу, не допустил заключить ее, но и от Отца через сию же дверь приходит к людям; более того, всегда присутствует с нами, и пребывает, и пребудет навсегда, исполняя данные Отцом обетования.

43. Итак, это не что иное, но дом Божий, и эти врата небесные, сказал бы Патриарх, которыми нисходят на землю не

только ангелы, так как они присущи каждому принявшему крещение, но и Сам Господь ангелов.

44. Как бы на письме предначертывая Свое Крещение, Сам Спаситель восхотел креститься крещением Иоанновым, Он отверз небеса, показывая, что только через крещение мы можем узреть небесные пространства, и тем указано было, что нельзя войти в жизнь некрещенному, тем же указано и то, что купель есть вход и дверь.

45. *Отверзите мне врата правды* (Пс. 117, 19), — говорит Давид, — желая, как я думаю, чтобы отверзлись эти врата. Ибо это есть то самое, что желали видеть многие пророки и цари, именно пришествие на землю Художника этих врат; почему, как говорит Давид, если бы случилось ему воспользоваться входом и пройти чрез эти врата, то он принес бы исповедание Господу, разделяющему стену.

46. *Вшед в ня*, говорит, *исповемя Господеви* (Пс. 117, 19), так как через эти врата получил бы он возможность достигнуть до совершеннейшего познания о благодати и человеколюбии Божиим к роду человеческому.

47. Какой может быть лучший знак благодати и человеколюбия Божия, как не то, что Он, омывая водою, очищает душу от нечистоты, помазуя миром, воцаряет в Небесном Царстве, и насыщает, предлагая Тело Свое и Кровь?

48. Что люди соделываются богами и сынами Божиими, и природа наша чествуется честью Божественною, и персть возвышается до такой славы, что соделывается подобочестною и даже подобною Божественной природе — с чем можно сравнить сие? Чего еще недостает в этом преизбытке обновления?

49. Добродетель Божия покрыла небеса, и всю превзошла тварь, и всякое дело Божие сокрыла, препобедив их величием и красотою. Ибо из всех дел Божественных, столь многих и столь прекрасных и великих, нет ни одного, которое бы яснее других показывало мудрость и искусство Творца; и нельзя сказать, чтобы из существующего могло быть что-либо и лучше и многообразнее.

50. Если же возможно, чтобы дело Божие было так хорошо, так благо, что состязалось с мудростью, и силою, и искусством

и, так сказать, уравнилось с беспредельностью, и, подобно отпущению, показывало все величие Божественной благодати, думаю, что оно может препобедить все.

51. Если дело Божие всегда в том, чтобы раздавать блага, и все творит Он для этого, и такова цель уже бывшего и того, что будет после (чтобы изливалось, сказано¹, благо и руководило), то сие совершая, всех Бог даровал благо самое большее, лучше которого не имел дать, так что это есть самое большее и лучшее дело благодати и конечный предел доброты.

52. Таково дело домостроительства, совершенное о людях. Ибо здесь не просто сообщил Бог естеству человеческому несколько блага, сохранив большее для Себя, но все исполнение Божества, всего Себя вложил в него как естественное его богатство. Потому и сказал Павел, что *в нем* [в Евангелии] *открывается правда Божия* (Рим. 1, 17): ибо если есть какая добродетель Божия и правда, она состоит в том, чтобы всем независтно даровать Свои блага и общение блаженства.

53. Священнейшие Таинства правильно можно назвать вратами правды, потому что крайняя к роду человеческому любовь и благодать Божия, в чем состоит Божественная добродетель и правда, их сделали для нас восходом на Небеса.

54. Иным еще способом, по некоему суду и правде воздвиг Господь сей трофей, и даровал нам сию дверь и сей путь. Ибо он не силою похитил пленных, но дал за них выкуп и связал сильного не тем, что имел большую силу, но осудив его судом праведным, и воцарился в доме Иакова, разрушив в душах людей насильственную власть, не потому, что возмог разрушить, но потому, что справедливо было разрушить ее.

55. На это указал Давид, говоря: *правда и суд уготование престола* (Пс. 88, 15). Правда не только растворила эти врата, но и достигла через них до нашего рода.

56. В первые времена, прежде нежели Бог пришел к людям, нельзя было найти правды на земле. Ибо взирал с небеси и искал ее сам Бог, от Которого она не могла сокрыться, если бы только

¹ Дионисий Ареопагит. De div. nomin., 4, P. 551.

была, но не нашел ее: еси сказано, *уклонишася. вкупе неключими быша, несть творяй благостыню, несть до единого* (Пс. 13, 3).

57. После же того, как истина от земли воссияла сидящим во тьме лжи и сени, тогда и правда с небесе причине¹, в первый раз истинно и совершенно явившись людям, и мы были оправданы, освободившись прежде всего от уз и наказания, когда Несотворивший неправды защитил нас смертью крестною, в которой понес наказание за то, что сделали мы дерзостного; потом чрез смерть эту сделались мы и друзьями Божиими и праведными.

58. Спаситель Своєю смертью не только освободил нас и примирил Отцу, но и дал нам область, *дал власть быть чадами Божиими* (Ин. 1, 12), с собою соединив естество наше посредством плоти, которую восприял, каждого из нас соединяя с Своєю плотью силою Таинств.

59. И таким образом Свою правду и жизнь низвел в души наши, так что посредством священных Таинств возможно стало людям и познавать и совершать истинную правду.

60. Если же, по Писанию, были многие праведные и други Божии прежде пришествия Оправдывающего и Примиряющего, нужно разуметь сие преимущественно по отношению к их поколению, а потом по отношению к будущему, именно, что они сделались таковыми и приготовлены были прибегать к имеющей открыться правде, и освобождены, когда даровано было искупление, узрели, когда явился свет, и отрешились от образов, когда открылась истина.

61. И в том различие между праведными и злыми, которые в одних находились узах и тому же подлежали рабству, что одни с неудовольствием переносили порабощение и рабство, и молились, чтобы разрушено было узилище и разрешились узы, и желали, чтобы глава тирана сокрушена была пленниками, а другим ничто настоящее не только не казалось странным, но они еще утешались, находясь в рабстве.

62. В те блаженные дни были и подобные им, которые не приняли воссиявшего в них солнца, и старались, сколько мож-

¹ Воззрела. — Прим. ред.

но, погасить его, делая все, что, по их мнению, могло уничтожить лучи его. Почему одни освободились от рабства в аде, когда явился царь, другие же остались в узах.

63. Как из болящих те, которые и всячески ищут врачевания и с удовольствием видят врача, обыкновенно бывают лучше и терпеливее тех, которые даже и не знают, что они больны и удаляются от лекарств; ибо таковых, кажется мне, врач, еще не врачуя, назовет уже выздоравливающими, если только не сознает, что его искусство бессильнее болезни: таким же образом в прежние времена Бог призывал праведных и некоторых возлюбленных Ему.

64. Со своей стороны они сделали все и показали возможную правду, что и сделало их достойными разрешения, когда явится Могущий разрешить, но не разрешило их. Если бы это была истинная правда, то и они, отложив сие тело, были бы в мире и в руке Божией, говорит Соломон; теперь же, когда отходили они отсюда, их принимал ад.

65. Истинную правду и содружество с Богом, не как прежде бывшую в чуждых странах только, возвратил Владыка наш, но Сам ввел ее в мир, и путь, возводящий на Небо не как прежде существовавший только нашел, но Сам проложил его.

66. Ибо если бы путь сей существовал, то и иной кто-либо из прежних открыл бы его; теперь же *никто не восходил на небо, как только Сшедший с небес Сын человеческий* (Ин. 3, 13). Поскольку же прежде Креста нельзя было найти отпущения грехов и освобождения от наказания, — как можно было думать о правде?

67. Несообразно, думаю, было бы прежде примирения стать в лик друзей и еще обложенных узами прославлять увенчанными; словом, если бы все это совершил агнец (пасхальный), какая нужда в последующем? Если бы тени и образы доставляли искомое блаженство, излишни были бы истина и дела.

68. Смертью Христа разрушена вражда, и уничтожено средостение, и мир и правда воссияли во дни Спасителя, и какое бы они имели место, если бы прежде жертвы сей были друзья Божии и праведные?

69. Тогда Закон соединял нас с Богом, а теперь вера и благодать и подобное. Отсюда ясно, что тогда было рабство, а теперь сыновство и содружество служит общением людей с Богом; ибо закон для рабов, а для друзей и сынов — благодать, и вера, и дерзновение.

70. Из всего этого становится ясным, что перворожденный из мертвых есть Спаситель, и никто из умерших не мог ожить в бессмертную жизнь, когда еще не воскрес Он; подобным образом и к освящению и правде руководит людей один Он; и это показал Павел, написав: *предтечею за нас вошел Иисус* (Евр. 6, 20).

71. Ибо вошел во Святая, Себя самого принося Отцу, и вводит желающих, приобщившихся Его смерти, умерших не как Он, но в купели изобразивших Его смерть, и возвестивших ее при священной трапезе, и неизреченным некоторым образом помазанных и благоухающих Самим умершим и воскресшим. И вратами этими вводя в Царство, ведет их и к венцам.

72. Сии врата много досточестнее и удобнее врат райских. Те не отверзаются ни для кого, кто не прошел прежде чрез сии врата, а сии отверсты и тогда, когда заключены те; те могут и вон выводить, сии вводят только, а не выводят никого.

73. Те и могли быть заключены и опять отверзлись, и в них навсегда разрушены и уничтожены завеса и средостение, и нельзя уже восстановить преграду и приделать двери, и стеною отделить миры один от другого.

74. И не просто отверзлись, но и разверзлись небеса, сказал чудный Марк (ср.: Мк. 1, 10), показывая, что не осталось уже ни дверей, ни затворов, ни завесы какой-либо. Ибо примиривший, и соединивший и умиротворивший высший мир с низшим, и средостение ограды разрушивший, не может отречься самого себя, говорит блаженный Павел (2 Тим. 2, 13).

75. Врата, отверзтые ради Адама, конечно, надлежало заключить, когда Адам не пребыл в том, в чем должен был пребыть. А эти отверз Сам Христос, который не сотворил греха, и не может согрешить, ибо правда Его, сказано, пребывает во веки. Поэтому совершенно необходимо, чтобы они оставались отверстыми и вводили в жизнь, а выхода из жизни не доставляли никому.

76. Я пришел для того, — сказал Спаситель, — чтобы имели жизнь (Ин. 10, 10); а жизнь, которую принес Господь, состоит в том, чтобы приходящих посредством этих Таинств сделать участниками Своей смерти и причастниками страданий, а без этого никому нельзя избежать смерти.

77. Ибо некрещенному водою и Духом нельзя войти в жизнь, равно и не вкушающие Плоти Сына человеческого и не пьющие Крови Его, не могут иметь жизни в себе самих.

78. Жить в Боге еще не умершим для грехов не возможно, а умертвить грех возможно только одному Богу. Но сделать это надлежало бы людям. Будучи праведными, мы способны были бы, потерпев поражение, возобновить борьбу, но это сделалось совершенно невозможно и не по силам нашим, когда сделались мы уже рабами греха.

79. Каким же образом сделаемся мы лучшими, оставаясь в рабстве? И хотя бы сделались лучшими, но раб не больше господина своего.

80. Поскольку же тот, кому следовало уплатить долг и одержать победу, был рабом того, над кем надлежало получить власть через борьбу, а Бог, для которого все возможно, никому не был должен, потому ни тот, ни другой не предпринимал борьбы, и грех жил, и не возможно было уже, чтобы воссияла для нас истинная жизнь, — эта победная награда, с одной стороны, имеющего долг, с другой — имеющего силу: потому надлежало соединиться тому и другому, и одному и тому же иметь оба естества, и подлежащее брани, и могущее победить.

81. Так и сделалось. Бог Себе присвоит борьбу за людей, ибо Он человек; а человек побеждает грех, будучи чист от всякого греха, ибо Он был Бог. И таким образом естество освобождается от поношения и облагается венцом победы, когда пал грех.

82. А из людей никто не победил и не боролся; не смотря на это люди разрешены от уз греха; сотворил же это Сам Спаситель тем, что каждому из людей дал власть умерщвлять грех и соделываться общником Его победы.

83. Поскольку после оной победы надлежало быть увенчану и торжествовать, а Он испытал раны и крест, и смерть, и, как

говорит Павел: *вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление* (Евр. 12, 2); что же случилось?

84. Он не сделал никакой неправды, чтобы нести такое наказание, не сделал греха и не имел в себе ничего такого, в чем бы мог обвинить Его клеветник самый бесстыдный, а раны, и скорбь, и смерть изначально измышлены были за грех. Как же допустил сие Владыка, будучи человеколюбив? Ибо благодати не свойственно утешаться страхом и смертью.

85. Потому вслед за грехом допустил Бог смерть и скорбь, что не столько наказание налагал на согрешившего, сколько предлагал врачевство заболевшему. Поскольку же к делам Христовым нельзя было применить такого наказания, и Спаситель не имел в себе никакого следа немощи, которую нужно было бы уничтожить принятым врачевством, то на нас переходит сила Его чаши, и умерщвляет находящийся в нас грех, и раны невинного становятся наказанием за повинных во многом.

86. И поскольку наказание было велико и удивительно, и гораздо больше, чем нужно было, чтобы воздать за человеческое зло, то оно освободило не только от наказания, но принесло такое обилие благ, что на самое Небо восходят и там приобщаются Царства Божия сущие от земли, враждебные, связанные, порабощенные, побежденные.

87. Драгоценна была смерть Господа, насколько — человеку нельзя и понять, хотя и за малую цену куплена была убийцами, по соизволению Спасителя, чтобы и это восполнило Его убожество и бесчестие и через продажу, претерпев свойственное рабам, сокровиществовать поношение.

88. Приобретением почитал бесчестие за нас, а маловажностью цены означает, что туне и даром принял Он смерть за мир. Добровольно умер никому не сделавший неправды ни в чем, ни в отношении к жизни, ни к обществу, предначав и для убийц благодеяния, много превышающие все желания и надежды.

89. Но что я говорю о сем? Умер Бог, кровь Божия излита на кресте. Что может быть драгоценнее сей смерти, что страшнее ее? Чем столько согрешило естество человеческое, что нужно было такое искупление? Какова должна быть язва, что для увра-

чевания ее нужна была сила такого врачевства? Ибо надлежало, чтобы грех был искуплен каким-либо наказанием и чтобы понесшие достойное наказание за то, в чем согрешили пред Богом только, избавлены были от осуждения.

90. Уже не может быть обвинен наказанный в том, за что понес наказание; из людей же нет никого, кто, будучи чист, сам потерпел бы за других, так как никто не в силах вынести надлежащее наказание ни за себя самого, ни весь род человеческий, хотя бы можно было ему умереть тысячекратно.

91. Какая цена в том, что постраждет ничтожнейший раб, сокрушивший царский образ и оскорбивший его величие? Посему безгрешный Владыка, претерпев многие страдания, умирает и несет язву, приняв на себя защиту людей, как человек; освобождает же весь род от осуждения и дарует связанным свободу, потому что Сам не имел в ней нужды, будучи Богом и Владыкою.

92. А почему именно истинная жизнь нисходит в нас через смерть Спасителя — это видно из следующего. Способ, каким мы привлекаем ее в наши души, — есть тот, чтобы совершаться Таинствами, омываться, помазываться, наслаждаться священной трапезою.

93. К совершающим это приходит Христос и водворяется в них, и соединяется с ними, и прилепляется к ним, и исторгает в нас грех, и влагает Свою жизнь и силу, и соделывает общниками победы, — о, благодать! — омываемых препоясывает и вечеряющих похваляет.

94. Почему же и по какой причине от купели, и мира и трапезы победа и венец, которые суть плод трудов и пота? Потому что, хотя мы не подвигаемся и не трудимся, совершая сие, но прославляем этот подвиг, и удивляемся победе, и прославляем трофей и оказываем весьма великую и неизреченную любовь.

95. И раны Господни, и наказание, и смерть усвоаем себе, и сколько возможно привлекаем их в себя и бываем от плоти Умершего и Воскресшего. Почему справедливо наслаждаемся теми благами, которые от смерти и подвигов Христа.

96. Ибо если кто, проходя мимо мучителя уловленного и ожидающего казни, хвалит его и удостаивает венца, и оказывает

уважение к мучительству, и сам думает умереть с его падением, и вопиет против законов, и негодует на правду, и делает сие не со стыдом и не скрывая своей злобы, но явно говоря и свидетельствуя и указывая на него, какого приговора почтем его достойным? Не накажем ли также, как и мучителя.

97. Очевидно так. Совершенно противное этому, если кто удивляется храброму, и радуется о победителе, и соплетает ему венцы, и возбуждает крик одобрения, и потрясает театр, и с удовольствием припадает к торжествующему, и лобызает его голову, и целует его десницу, и весьма восторгается о воителе и о победе, одержанной им, как будто бы ему самому надлежало украсить свою голову венцем.

98. Не будет ли он от благомыслящих судей признан участником в наградах победителя, как тот, думаю, разделит с мучителем наказание? Если касательно злых сохраним то, что должно, требуя наказания за намерение и помышление, не будет соответственно лишит и добрых следующего им.

99. Если же прибавить и то, что приобретший победу сам не нуждается в наградах за победу, а всему предпочитает то, чтобы видеть славным на позорище своего ревнителя, и то почитает наградой за свой подвиг, чтобы увенчан был друг его, ужели несправедно и незаконно сей последний без труда и опасностей принял бы венец за войну? А это может сделать для нас сия купель и трапеза, и благоразумное наслаждение миром.

100. Приступая к Таинствам, мы мучителя порицаем, и презираем, и отвращаемся, а Победителя хвалим, и удивляемся Ему, и почитаем, и любим Его всею душою, так что обилием желания жаждем Его как хлеба, помазуемся, как миром, и как водою окружаемся.

101. Явно же, что если за нас вступил Он в борьбу и чтобы победили мы, Сам претерпел смерть, то нет ничего несообразного и несогласного в том, чтобы через сии Таинства доходили мы до венцев.

102. Мы показываем возможную готовность, и слыша о воде сей, что она имеет силу смерти Христовой и погребения, веруем всесовершенно и приступаем охотно и погружаемся, — а Он,

ибо не малое дает и не малого достаивает, — приступающим с любовью сообщает то, что было следствием смерти и погребения, не венец какой-либо доставляя, не славу даруя, но Самого Победителя, Себя Самого увенчанного.

103. И выходя из воды, мы Самого Спасителя несем в наших душах, в голове, в очах, в самых внутренностях, во всех членах, чистого от греха, свободного от всякого тления, каким Он воскрес, и являлся ученикам и вознесся, каким придет опять, обратно требуя от нас сего сокровища.

104. А чтобы мы, будучи так рождены и запечатлены от Христа как бы некоторым видом и образом, не внесли никакого чуждого вида, Он Сам охраняет входы жизни. Посредством чего мы, принимая воздух и пищу, помогаем жизни тела, через то же самое и Он проникает в наши души, и Своими делает оба эти входа, одного касаясь как мир и благоухание, другого как пища.

105. Мы и вдыхаем Его, и пищею бывает Он для нас, и таким образом, всячески внедряя Себя в нас, и соединяя Себя с нами, соделывает нас Своим Телом, и бывает для нас тем же, чем и глава для членов.

106. Потому и благ всех приобретаем мы в Нем, ибо Он Глава, а принадлежащее голове необходимо переходит и в тело. И сему нужно удивляться, что мы не участвуем с Ним в язвах и смерти, но один Он подвизался; а когда надлежит увенчаваться, тогда Он делает нас Своими сообщниками.

107. И это дело неизреченного человеколюбия не превышает разума исообразности. Ибо мы соединились со Христом уже после Креста, а когда Он еще не умирал, у нас ничего не было общего с Ним.

108. Он Сын и Возлюбленный, а мы — оскверненные, и рабы, и враги своим помыслом; когда же Он умер и отдана была цена искупления, и разрушено узилище диавола, тогда мы получили свободу и усыновление, и сделались членами этой блаженной Главы.

109. А принадлежащее Главе делается и нашим. И теперь посредством воды мы переменяемся в безгрешных, посредством мира участвуем в его благодеяниях, посредством трапезы живем

одною с Ним жизнью, и в будущем мы боги через Бога и наследники одного и того же с Ним, царствующие в одном с Ним Царстве, если только добровольно Сами не ослепим себя в этой жизни и не раздерем царского хитона.

110. С нашей стороны то только требуется для сей жизни, чтобы соблюдать дары и хранить благодеяния и не сбрасывать венца, который сплел для нас Бог многим потом и трудом. Такова жизнь во Христе, которую поддерживают Таинства.

111. Ясно же, сколько имеет для нее силы и человеческое усердие; почему желающему говорить о ней, прилично прежде рассудить о каждом из Таинств; потом по порядку сказать и о действовании по добродетели.

СЛОВО ВТОРОЕ

Какое содействие оказывает ей Божественное крещение

1. Что священная жизнь образуется священными Таинствами, это показано в предыдущем, а теперь посмотрим, как каждое из Таинств вводит в жизнь. Ибо жизнь во Христе есть самое соединение со Христом, а каким образом каждое Таинство принимающих его соединяет со Христом, о том и будем говорить.

2. Со Христом соединиться, ради чего и пришел Спаситель, всячески возможно тем, которые приходят к Нему, ради чего и все терпят, и соделываются такими, как и Он Сам. Он соединился с плотью и кровью, чистыми от всякого греха, и от начала будучи Богом по естеству, Он обожил и то, чем сделался после, то есть человеческое естество; а умирая, Он и умер плотью и воскрес.

3. Желающему соединиться с Ним надлежит и плоть Его принять, и в обожении участвовать, и гробу приобщиться, и воскресению. А за тем и крестимся мы, чтобы умереть Его смертью, и воскреснуть Его воскресением; помазываемся же, чтобы сделаться с Ним общниками в царском помазании обожения.

4. Когда же питаемся священнейшим Хлебом и пьем Божественную чашу, сообщаемся той самой плоти и той самой кро-

ви, которые восприняты Спасителем, и таким образом соединяемся с Воплотившимся за нас, и Обоженным, и Умершим и Воскресшим.

5. Почему же мы не сохраняем того же самого, как и Он, порядка, но начинаем оттуда, где Он окончил, и оканчиваем тем, чем Он начал? Потому что Он сошел за тем, чтобы мы взошли, и хотя один и тот же предлежит путь, но Его делом было сойти, а мы восходим, подобно тому, как на лестнице: что было для Него последним, когда Он сходил, то становится для нас первым, когда мы восходим.

6. Иначе и быть не может по самому делу. Ибо крещение есть рождение, миро бывает в нас причиной действия и движения, а Хлеб жизни и Чаша благодарения есть пища и истинное питье.

7. Прежде рождения нельзя иметь движения или питаться. Кроме того, крещение примиряет человека с Богом, миро удостоивает даров от Него, а сила Трапезы Плоть Христову и Кровь сообщает принимающему Таинство.

8. Прежде же примирения невозможно стать вместе с другими и удостоиться дарований, какие им приличны, и нельзя безгрешную пить Кровь и вкушать Плоть тем, кто подвластны лукавому и грехам. Потому мы сперва омываемся, потом помазуемся, и, таким образом, когда мы уже чисты и благоуханны, приемлется нами Трапеза. О сем довольно.

9. Посмотрим еще на каждое из Таинств, какое содействие доставляют они священной жизни, и во-первых, на крещение — что может внести оно в сию жизнь.

10. Креститься значит родиться во Христе и получить самое бытие и существование тем, кто еще не существует. Уразуметь это можно многими способами.

11. Во-первых, из порядка, потому что к этому Таинству мы приступаем прежде прочих Таинств, и прежде других оно вводит христиан в новую жизнь; во-вторых, из имен, которыми называем его; и в-третьих, из того, что в нем совершается и поется.

12. С самого начала установлен такой порядок, чтобы сперва омываться, потом, помазавшись миром, приступать к священной трапезе, что служит сильным доказательством того, что купель есть начало жития, основание жизни и тому подобное предуготовление; потому и Сам Христос, так как со всем прочим, что принял за нас, необходимо было Ему и креститься, принимает крещение прежде прочего.

13. И наименования сего Таинства к чему иному могут привести? Мы называем его и рождением (γεννησις), и возрождением (ἀναγεννησις), и воссозданием (ἀνάστασις), и печатью (σφραγίς); кроме того крещение есть и одевание (ἐνδυσις), и помазание (χρίσμα), и дар (χάρισμα), и просвещение (φῶτισμα), и купель (λουτρόν) — все же сие имеет один и тот же смысл, что Таинство это для сущих и живущих по Боге есть начало бытия их.

14. Ибо рождение, кроме сего понятия, конечно, не может означать ничего иного; и возрождение, и воссоздание обозначают одно то, что рожденные уже и созданные рождаются и в другой раз, и потерявшие образ теперь вторым рождением вдруг возвращаются к первому виду; подобно тому, как художник, придав вид веществу разбитой статуи, возрождает образ и воссоздает его; потому что и самое дело крещения в нас есть вид и образ.

15. Ибо оно начертывает некоторый вид и напечатлевает образ на душах наших, являя их сообразными смерти и воскресению Спасителя, почему именуется и печатью, так как образует по подобию царского образа и блаженного вида. Поскольку же сей вид облекает вещество и сокрывает безобразие, потому Таинство сие называем одеждой и погружением (βάπτισμα).

16. И Павел, объясняя то, что одежда и печать указывают на это Таинство, иногда говорит, что Христос пишется и воображается в христианах, иногда — что облекает их подобно одежде. Сказано также о приемлющем Таинство, что он облекается и погружается: *дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!* (Гал. 4, 19), и: *предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый* (3, 1); другое в том же послании: *все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (3, 27).

17. Золото, и серебро, и медь, пока не потечет, расплавившись от огня, представляет взору только вещество, потому и называется оно только золотом или медью, что служит именованьем вещества. Когда же образовательными формами сжато будет в определенный вид, тогда прежде всего представляется взору уже не вещество, а определенный вид, подобно одеждам на теле; почему получает и особенное какое-нибудь наименование, ибо называется уже статуей или перстнем, или чем-либо подобным, что означает уже не вещество, а только вид и образ.

18. Потому, может быть, и спасительный день крещения называется у христиан днем наречения имен (δνομασθηριος), потому что тогда мы образуемся и запечатлеваемся, и жизнь наша, не имеющая образа и определенного вида, получает и вид и предел.

19. Иначе, будучи тогда познаны Знающим своих, и, как говорит Павел, — *познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога* (Гал. 4, 9), мы слышим в тот день знаменующее слово — проименование, так как тогда мы истинно бываем познаны; ибо быть познаны (γνωσθηῖναι) Богом значит быть истинно знаменитым (γνωριςος).

20. Почему о тех, которые не имеют ничего общего с этой жизнью, Давид сказал: *ни помяну же имен их устнама моима* (Пс. 15, 4); ибо неизвестны и неявлены те, кто поставили себя вдали от оногo света.

21. Как для глаз без света не бывает ничего ясным из того, что может быть видимо, так для Бога не бывает ведом тот, кому не случится принять луча оттуда. А причина та, что на самом деле совершенно не существует то, что не бывает явно для оногo света, как по сему слову: *познал Господь Своих* (2 Тим. 2, 19), так и в другом месте говорит, что Он не знает юродивых дев (ср.: Мф. 25, 12).

22. Крещение потому есть просвещение (φωτισμα), что, доставляя истинное бытие, соделывает ведомыми Богу, и руководя к свету, удаляет от темного зла. Потому оно и купель, что оно просвещение; ибо позволяет свету сообщаться непосредственно, когда всякую нечистоту, которая застеняет от душ наших Божественный луч, уничтожает как бы некое средостение.

23. А дар (χάρισμα) оно потому, что оно есть рождение; и может ли кто заплатить что-нибудь за свое рождение? Потому, если кто захочет рассудить, увидит, что как бывает при естественном рождении, так не можем мы привнести и самого желания благ крещения. Ибо мы желаем того, о чем можно помышлять, а такое и на сердце человеку не приходит, и рассуждать о сем невозможно, прежде нежели познаем на опыте.

24. Слыша об обещанной свободе и царстве, мы помышляем о некоей благополучной жизни, которую можно обнять человеческим помыслом, а на самом деле это есть нечто совершенно иное, высшее и мысли и желания нашего. помазание (χρίσμα) оно потому, что помазанного для нас Христа, оно напишет в приемлющих Таинство; оно есть и печать (σφραγίς), отпечатлевающая Самого Спасителя.

25. Помазание отовсюду по всему образу проникая в тело приемлющего и усвоившись ему, соделывает помазанного знаменованным, и показывает вид его, и составляет по истине печать. Из сказанного видно, что от рождения оно может быть названо печатью, равно как и от печати одеянием и погружением.

26. Поскольку же и благодатный дар, и просвещение, и купель относятся к одному и тому же, как творение и рождение, ясно, что всякое наименование крещения означает одно то, что купель есть рождение и начало жизни нашей во Христе. А что совершаемое и произносимое в Таинстве имеет тот же смысл, явно будет для тех, кто подробно рассмотрит Таинство.

27. Ясно, что приступающий к Таинству, прежде нежели получит Таинство, еще не примирен с Богом, еще не освобожден от древнего поношения. Ибо когда он приступает, совершающий Таинство, прежде нежели совершит что-либо таинственное, молится об освобождении его от обдержавшего демона, и не с Богом только беседует о нем, но и диавола злословит, и бичуя изгоняет его.

28. А бич для него есть имя, *выше всякого имени* (Флп. 2, 9). Тому нельзя быть живым, и сыном, и наследником, кто еще раб мучителя; ибо кто сопребывает с лукавым, тот, конечно, совершенно удален от Бога, а это значит быть вполне мертвым. Поэтому так как жизнь еще совсем не получена, совершитель

Таинства, подходя, дует на лицо, ибо дыхание от начала есть признак жизни.

29. И прочее все сообразно с этим; ибо все свойственно тем, то как бы недавно восстал и отвращается настоящего и находящегося под руками, а обращается к иному. Ибо им должно в отношении к мирам один презреть, другой почтить, и в отношении жизни — от одной отказаться, другою начать жить, и в отношении к вождям жизни — одного всячески избегать, к другому со всею ревностью стремиться.

30. Из того, что отвергаешь настоящее, ясно видно, чего отрицается еще и теперь не изменившийся; а тем, что через это Таинство получает то, что кажется ему лучшим и что предпочел он настоящему, показывает, что крещением начинает он достохвальную жизнь. Ибо входя в священный дом, отлагает одежду, и развязывает сандалии, одеждою с сандалиями, которые вспомоществуют в жизни, означая прежнюю жизнь.

31. Потом, смотря к западу, выдувает из уст дыхание, знак жизни во тьме, протягивает руки и отталкивает лукавого, как бы он тут был и наступал, и плюет на него, как на нечистого и омерзительного, и отрицается всяких вражеских и неверных и во всякой гибели виновных союзов, и расторгает вполне горькое содружество и объявляет ему вражду.

32. И потом бежит от тьмы и прибегает к дню, и обратившись к востоку, ищет солнца, и освободившись от рук мучителя, поклоняется царю, и отвергшись чуждого, познает своего Владыку, и молится, чтобы покориться Ему и служить Ему всею душою, а прежде этого веровать в Него, как Бога, и познать о Нем, что нужно.

33. Ибо начало блаженной жизни есть истинное познание о Боге: *еже бо знати Тебе*, — говорит Соломон, — *корень есть бессмертия* (Прем. 15, 3), так как, напротив, неведение Бога внесло смерть в начале.

34. Поскольку Адам, не зная Божественного человеколюбия, подумал, что Благий завистлив, и забыв о премудрости, думал скрыться от Премудрого, и презрев Владыку, прилепился к беглому рабу, и за это изгнан был из рая, и лишился жизни, и

подвергся скорбям, и умер: потому поспешающему к жизни и к Богу всячески необходимо быть приведену к познанию Бога.

35. А совершенным обнажением и отложением последнего хитона мы показываем, что касаемся пути, ведущего в рай и к жизни райской. Ибо Адам от блаженного одеяния дошедший до наготы, от нее дошел до бедственной одежды; а мы, от кожаных одежд переходя к наготе и выходя на самую середину, открыто выступаем, чтобы возвратиться на тот же путь и поспешить к царской одежде; и откуда и ради чего Адам нисшел в мир сей, через то же самое мы выходим отсюда.

36. Может обнажение служит знаменем и того, что теперь чисто приступаем к истинному свету, не закрываясь ничем таким, откуда мрак смерти, и все то, что заслоняет блаженный луч от душ человеческих, подобно тому, как одежды составляют некоторую преграду между светом и телами.

37. Равно и помазание елеем может быть знаком и иного чего-либо, может относиться и к следующему. Вспомним камень Иакова, который он, помазав елеем, принес Богу; вспомним также царей и священников, которые им же освящались для общества и Бога, и которые жили совсем не для себя, а для Бога и общества, для чего и были поставляемы.

38. И мы собственную свою жизнь и нас самих уступаем Богу, а это значит, отвергнуши древний вид, сделаться подобными Ему; и кроме того, этот символ вполне свойствен и приличен имени Христианина.

39. Мы помазываемся и желаем уподобиться Христу, Который Божеством помазал человечество; почему этим помазанием сообщаемся Его помазанию; а что это помазание есть знак Его помазания, показывает совершающий Таинство в тех словах, которые поет, помазуя приступающего к Таинству.

40. Это слова, которыми Давид указывает на помазание и царство. Ибо священник говорит: помазуется сей, — разумея приемлющего Таинство, — елеем радости, а Давид сказал о Спасителе: *помаза Тя, Боже, Бог Твой елеем радости паче причастник Твоих* (Пс. 44, 7), причастниками называя нас, по человеколюбию делая общниками Царства.

41. До сего времени мы еще не живы. Ибо для принимающего Таинство все это служит знамением и некоторым предварением и приготовлением к жизни. После же того, как приемлющий Таинство, сокрывшись в воде, троекратно поднимается из нее с призыванием Троицы, тотчас он получает все желаемое; и рождается, и создается рождением дня и созданием, как сказал Давид, и приемлет прекрасную печать, и имеет всякое желаемое благополучие, и становится светом, бывши прежде тьмою, и начинает существовать прежде бывший ничто, и усвоется и сыноплагается Богу, от уз и крайнего рабства будучи возведен на царский престол.

42. Эта вода одну жизнь погубляет, другую же создает, и ветхого человека умерщвляет, а нового восстанавливает. Для испытанных это ясно из самых дел; потом и видимое при Таинстве во всем представляет выражение сего.

43. Ибо когда, погружаясь в воду, человек сокрывается, он видимо бежит жизни в воздухе; а бежать жизни — значит умирать; когда же опять поднимается, стремится видимо к жизни в соприкосновении с воздухом и светом и тотчас получает ее.

44. Потому и Творца призываем здесь, что совершающееся есть начало жизни и второе творение, много лучшее первого. Ибо тщательнее прежнего нарисуется образ, и статуя образуется в яснейший Божественный вид. Поэтому надлежит, чтобы Первообраз указан был теперь совершеннее.

45. Крещающие, призывая при купели Бога, возглашают не общее Троице имя Бога, что не совсем ясно и отдельно для богословствующих, а тщательно и точно указывают свойства каждой из Ипостасей.

46. Ибо хотя Троица по единому человеколюбию спасла род человеческий, но вместе с тем, говорят, что каждая из Блаженных Ипостасей привнесла к этому некое собственное содействие. Ибо Отец примирился, Сын примирил, а Дух Святой соделался даром для сделавшихся уже другими; Один освободил, Другой — цена, за которую мы освобождены, а Дух — свобода: *где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17), — говорит Павел.

47. Один сотворил, Другим мы сотворены, а Дух животворит; потому и в первом творении Троица изобразилась как бы в сени. Один творил, Другой был рукою для Творящего, а Утешитель духом для Вдыхающего жизнь.

48. И что я говорю сие? В одном ли этом из Божественных действий различается Бог? Из многого, чем от века благодетворил Бог твари, не найдешь ничего такого, что относилось бы только к Отцу, или к Сыну, или к Духу, но все обще Троице, поскольку все соделывается единой силой, и промыслом, и творчеством.

49. В домостроительстве же и восстановлении нашего рода это было новое, что и восхотело нашего спасения, и промыслило, — как должно сие совершиться, вся вообще Троица, а действует не вся вообще. Ибо Совершитель (αὐτοῦρουός) есть не Отец, и не Дух, а Одно Слово, и Один Единородный приобщился плоти и крови, и потерпел биения, и скорбел, и умер, и воскрес, чем оживлено естество и установлено крещение, — сие новое рождение и воссоздание.

50. Итак, тем, кои получают священное воссоздание, которое одно показало Бога разделенным, должно при Божественной купели призывать Бога, разделяя Ипостаси (во имя Отца, и Сына, и Святого Духа).

51. А при крещении что воспоминаем мы, как не домостроительство, — и особенно это? По истине, но не тем, что говорим, а тем, что делаем. Ибо когда человек, погружаясь трижды, возникает из воды, кто не видит, что этим указывает на тридневную смерть Спасителя и воскресение, что составляет конец всего домостроительства?

52. Не напрасно, думаю, учение о Боге провозглашаем, а домостроительство в молчании показываем делами. Ибо одно было от начала и в познание людей приходит через голос, а другое совершено и было видимо для глаз людей, и даже осязаемо руками. Почему блаженный Иоанн знал, что то и другое — одно и то же в отношении к двоякому Спасителю, сказав: *что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни* (1 Ин. 1, 1).

53. Кроме того, в учение о Боге должно только верить, а обнаруживается вера словами; ибо, сказано: *сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10); а домостроительству необходимо нужно и подражать, и показывать в делах. Ибо должно, как сказано, последовать стопам (1 Пет. 2, 21) за нас Умершего и Воскресшего.

54. Поэтому Троицу изображаем голосом, а страсть и смерть напишем на теле водою, преобразуя самих себя в блаженный вид и образ.

55. Не неявно из сказанного, что во всем касающемся крещения — и в порядке его, и в именах, какими называем его, и в совершаемом при нем, и воспеваемом познаем то, что жизнь во Христе получает начало бытия от купели.

56. Остается рассмотреть, что значит самое бытие жизни. Ибо, поскольку одно теряем, другим становимся, одно отвергаем, другое сохраняем, то когда ясно будет, в чем состоит то и другое, будет ясно и то, что значит существовать во Христе.

57. Одно есть грех, другое — правда, одно — ветхий человек, другое — новый. Рассудим же о сем тщательнее. Так как грех двояк и проявляется в том и другом, бывает в действиях и состоит в привычке, а самое действие не остается надолго и не пребывает, но как скоро совершено, его и нет уже; подобно тому, как стрела пролетает вместе с самым ударом, оставляет же она рану на подлежавших ее действию, — образы зла и стыд, и повинность суду.

58. А привычка к худым действиям, как болезнь, приставшая душам от худой жизни, бывает постоянна и связывает душу неразрешимыми узами и порабощает мысль и производит все самое худшее, увлекая плененных ею к самым худым действиям, от которых рождается сама и которых постоянно рождает, будучи рождаема, и рождая в то же самое время, как бы в круге.

59. От этого происходит то, что грех бывает нескончаем, когда привычка порождает действия, от умножения же действий возрастает привычка. И таким образом, при постоянном взаимном успехе того и другого зла, *то грех ожил, а я умер* (Рим. 7, 9), поскольку не вчера и ныне началось зло, но с тех пор, как существуем мы.

60. С тех пор как Адам, поверив лукавому, презрел благого Владыку и извратил волю, с тех пор и душа погубила здоровье и благосостояние, от чего и тело пришло в согласие и в соответствие с душою, и было превращено, как орган рукою художника.

61. Ибо душа сообщается с телом теснейшим единением страстей; а признак сего тот, что краснеет тело, когда стыдится душа, и тускнеет чело, когда озабочена душа. Поскольку же естество наше исходит и род человеческий размножается, происходя от первого тела, то происходящим от него телам, как и иное что-либо из естественного, передастся и зло.

62. Поскольку же тело не мимоходом только получает вред от страстей души, но и участвует в них (ибо и радуется душа, и скорбит, и целомудренны бывают некоторые, и свободны, судя по тому или другому расположению тела); отсюда следует, что душа каждого наследует зло первого Адама, от души его, переданное телу, от тела же — его происшедшим от него телам, а от сих тел — переходящее на души.

63. И это есть ветхий человек; его — это семя зла, получив от предков вместе с самым бытием, мы не знаем и одного дня чистого от греха, даже и не вздохнем ни разу свободные от зла, но, как говорит пророк, — *очуждишася грешницы от ложесн, заблудиша от чрева* (Пс. 57, 4), — не остановились мы на несчастном наследии — грехе прародительском, и не удовольствовались теми бедствиями, которые наследовали, но столь много еще приложили зла и умножили лукавое богатство, что последнее закрывает первое, и подражатели являются много хуже образцов.

64. И что важнее всего, — никто не получает отдыха от зла, но болезнь идет постоянно, и, может быть, по этой причине невозможно, чтобы род человеческий достаточен был для уврачевания самого себя. Он никогда не вкушал свободы, а не испытывал ее, не может прийти даже к желанию ее, и получить расположение к ней, и противостать мучительству.

65. От этих тягчайших уз, от осуждения, от болезни, от смерти освобождает купель — и так легко, что не требует и времени, так всецело и совершенно, что не оставляет и следа, и не только освобождает от зла, но и доставляет противоположное расположение.

66. И тем, что умер Сам Владыка, Он дал нам власть умерщвлять грех; поскольку же воскрес, соделал нас наследниками новой жизни. Ибо смерть Его поскольку была смертью, умерщвляет лукавую жизнь; поскольку же была казнь, она освобождает от наказаний за грехи, в которых виновен каждый по своим лукавым действиям.

67. Купель являет чистыми от всякого расположения и действия греховного, так как делает нас общниками этой животворящей смерти. Через купель мы приобщаемся воскресения, Христос дает нам иную жизнь, и члены образует, и влагает силы, которые нужны для стремящихся к будущей жизни.

68. Через это я совершенно освобождаюсь от преступлений и тотчас получаю здравие, особенно потому, что это дело единственно Бога, Который не применяется ко времени и Который не теперь только делает добро роду человеческому, чтобы не достало ему времени для этого, но уже сделал ему добро. И не теперь несет Владыка наказание за то, в чем согрешили мы, не теперь приготовляет врачевания и образует члены и влагает силы, но уже образовал и вложил и приготовил.

69. Ибо с тех пор как восшел Он на крест, и умер и воскрес, восстановлена свобода людей, утвержден вид и красота, приготовлен новый образ и новые члены; теперь же нужно только прийти и приступить к благодати. И это может доставить нам купель: мертвым — жизнь, связанным — свободу, поврежденным — блаженный образ.

70. Цена уплачена, теперь нужно только выйти на свободу; миро излито, и благоухание его наполняет все, остается только вдыхать, даже и дыхание не нужно. Ибо и возможность дышать приготовлена Спасителем, равно как и возможность быть разрешену и быть просвещену.

71. С пришествием Его в мир не только свет воссиял, Он и глаз приготовил; не миро только излил, но и чувства даровал. Теперь же священная эта купель усвоит омываемым все чувства и силы. Подобно веществу безвидному и не имеющему образа, погружаемся мы в воду, и в ней вдруг получаем прекрасный вид.

72. Вдруг сообщаются нам все блага. Ибо все приготовлено; *обед мой*, — сказано, — *тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пир* (Мф. 22, 4). Остается только прийти званным на праздник, а пришедшим что еще нужно для благополучия? — Совершенно ничего.

73. В будущий век мы войдем со Христом уже приготовленные, теперь же входим, чтобы приготовиться. Тогда нужно приходиться уже имея все, а в настоящем веке входящие должны получить все. Тогда брачный чертог не будет доступен для юродивых дев, а в настоящем веке и безумных призывают к пиршеству и вечери.

74. Тогда невозможно восстать мертвому, прозреть слепому, исправиться поврежденному, а в этой жизни нужно только желание и произволение, и все последует; ибо сказано: *Я пришел для того, чтоб имели жизнь* (Ин. 10, 10), и: *свет пришел в мир* (Ин. 3, 19).

75. И в том неизреченное человеколюбие, что Он, совершив все, освободил нас, и оставил для нас нечто, чем можем мы приходиться в свободу — именно веровать во спасение через крещение и желать приходиться к Нему, чтобы за это вменено было нам все то, чем Сам Он благосотворил нам, и то, для чего уплатил за нас долг. И когда потом омытым случится скоро отойти из жизни, ничего не вынося с собою, кроме печати, призывает их к венцам как бы подвизавшихся ради сего царства.

76. От чего освобождает крещение и как переменяет души, об этом сказано. Поскольку же и жизнь дарует ради Воскресшего, посмотрим, какая это жизнь. Прилично ей быть не такой, какой мы жили прежде, но лучшей прежней, то есть свойственной природе.

77. И если прежнюю имеем и теперь, зачем надлежало бы и умирать? Если другую, но имеющую ту же силу, это не значило бы воскреснуть. Если ангельскую, что общего у нас с ними? Ибо человек пал, а человеку падшему сделаться по восстании ангелом не то же, что быть воссозданным человеком.

78. Подобно тому, как если сокрушена статуя и на медь налагается не человеческий образ, но иной вид; что значит производить нечто иное, а не статую воссоздавать. Из этого следует, что

жизнь эта — человеческая, и новая, и лучшая прежней, и соответствует единой жизни Спасителя.

79. Жизнь новая — поскольку ничего не имеет общего с ветхой; лучшая, насколько можно помыслить, ибо она Божия; она свойственна и естеству, ибо была жизнью человека, и живший этой жизнью был и Бог, и человек истинный; и по естеству человеческому чист был от всякого греха. Когда возрождаемся мы, нам совершенно необходимо получить жизнь Христову, поэтому и безгрешными выходим мы из воды сей.

80. Это еще и из следующего становится ясным. Рождение в крещении есть начало будущей жизни, и приобретение новых членов и чувств есть приготовление к тамошней жизни. А приготовиться к будущему можно не иначе, как здесь уже получив жизнь Христа, Который сделался Отцом будущего века, как Адам настоящего, ибо к жизни в тлении довел людей он.

81. Как никому нельзя жить жизнью человеческой, если не получить чувств Адама и человеческих сил к жизни; подобным образом нельзя живущему перейти в блаженный мир, если не приготовиться жизнью во Христе, и не быть образовану по виду¹ Его и по образу Его.

82. Купель есть рождение. Рождает Он, рождаемся мы; а всякому рожденному, как известно, свою жизнь влагает рождающий.

83. В этом есть нечто удивительное. Ибо не омытые только, но и те, кому не случилось силою Таинств приготовиться к бессмертной жизни, и вообще все люди украсятся нестареющими телами и восстанут нетленными.

84. Удивительно, что в воскресении, которое введено в мир одною смертью Христовой, будут участвовать те, кто не получил крещения, через которое мы сообщаемся с животворящей смертью. Так как если убежали от врача и не приняли пособия и отвергли единственное врачевство, что остается у них достаточного для бессмертия?

85. И кажется приличнее быть одному из двух, или чтобы все без изъятия получили все то, виновником чего стал для нас

¹ Κατὰ τὴν ἰδέαν.

умерший Христос, и с Ним воскресли, и сожительствовали Ему, и соцарствовали Ему, и имели всякое иное благополучие, если Он не имеет нужды в нашем; или если и нам нужно привнести что-либо,образнее, казалось бы, чтобы не принесшие веры в Спасителя и не воскресали.

86. Об этом нужно сказать следующее. Воскресение есть восстановление естества; его Бог дарует туне. И как создает нас, хотя мы не желали, так и воссозидает, хотя ничего не привнесли прежде. Царство же Божие и созерцание Бога, и соединение со Христом есть наслаждение желания.

87. Оно доступно только восхотевшим, и возлюбившим, и возжелавшим. Ибо им и прилично наслаждаться, когда настанет желаемое ими, а невосхотевшему — не возможно.

88. Как может он и наслаждаться, и утешаться, получая то, к чему не имел желания при его отсутствии, тогда он не может ни желать, ни искать; потому что не видит красоты, и, как говорит Господь, — *не может принять, потому что не видит Его и не знает Его* (Ин. 14, 17); так как переходил в вечную жизнь слепым и лишенным всякого чувства и силы, которыми возможно и знать Спасителя, и любить, и желать пребывать с Ним, и иметь к тому силу.

89. Поэтому не должно удивляться, если все будут жить бессмертно, но не все блаженно, потому что промыслием Божиим о природе наслаждаются все вообще одинаково, а даров, украшающих хотение, одни только благочестивые в отношении к Богу.

90. А причина та, что Бог желает всем всякого блага и всем равно раздает Свои дары, и такие, какими благодетельствует, и те, какими исправляет естество; а мы все и не желая получаем благодеяния Божии, касающиеся естества нашего, потому что не можем избежать их. Ибо и нежелающим благотворить принуждает человеколюбно, и хотели бы отказаться от благодеяния, да не можем. Таков дар Воскресения.

91. Не в нашей воле состоит не родиться и после смерти воскреснуть или не воскреснуть. А что зависит от хотения человеческого, то есть избрание добра, отпущение грехов, исправление

нрава, чистота души, любовь к Богу — наградою за это служит последнее блаженство.

92. А получить его или удалиться от него в нашей власти; почему желающим можно, а нежелающим как возможно наслаждаться им? Ибо нельзя хотеть против воли и быть принуждену к желанию, особенно же по следующей причине.

93. Поелику один Господь освободил естество наше от тления, душу от греха одно тем, что сделался перворожденным из мертвых, другое тем, что предтечею о нас вниде во Святая святых, так как Он умертвил грех и примирил с нами Бога, и средостение разрушил, и за нас посвятил Самого Себя, да и мы будем священны воистину. Ясно, что только те по праву освобождаются от тления и греха, которые сообщаются с Ним желанием, и естеством в одном отношении как люди, в другом как возлюбившие явление Его, повинующиеся велениям Его и возжелавшие того же, что и Он.

94. А которые одно имеют, а другого не получили — людьми случилось им быть, а веровать Спасителю во спасение и сообщаться с Благим волею не случилось, они поскольку отступили разумом, естественно, должны быть лишены отпущения грехов и венцов правды, а получить им свободу и воскреснуть нет препятствия, так как они имеют то же естество, какое и человек-Христос.

95. Крещение есть причина блаженной жизни во Христе, а не просто жизни. Ибо просто бессмертную жизнь одинаково доставляет всем Христова смерть и воскресение.

96. Поэтому воскресение есть дар общий всем людям, а отпущение грехов и венцы на Небесах и Царство получают только те, кто оказывает вспомоществующее содействие, кто здесь располагает себя так, каким нужно быть для Небесной жизни и брачного чертога.

97. Они рождены вновь, потому что от нового Адама сияют добротою и сохраняют красоту, которую даровала им купель, потому что *Он красен добротою паче сынов человеческих* (Пс. 44, 3), и голову держат прямо, подобно олимпийским борцам, потому что Он есть венец; имеют они слух, потому что Он Слово; имеют очи, потому что Он солнце; имеют обоняние, потому что

Жених есть миро и миро изливанное; честны же они и в одеждах ради брака. Да будет!

98. Это же ведет и к другому вопросу, который несправедливо оставить без внимания. Если необходимо возжелать и уверовать и прийти к дарам крещения, и это одно соделывает способным получить рождение; а удаляться от этого, значит удаляться всего блаженства; то тех, которые отрелись после принятия, и солгали в прежнем разуме, и отверглись Христа, но познав в чем согрешили, прибегают к Церкви, казалось, следовало бы приводить к купели и снова совершить над ними Таинство как над потерявшими все, а между тем по священному закону, помазав тела их Божественным миром и ничего более не прибавив, вписывают их в число верных, что сказать о сем?

99. Поскольку в двух вещах имеем мы нужду для благочестия по Боге, — сперва получить через Таинства глаз, потом пользоваться им и взирать на Божественный луч, то изменившие христианству теряют второе, а первое остается, то есть способность смотреть и средство к сему.

100. А причина та, что желающие удобно могут отказаться от этого; так как наше дело — или обращаться к солнцу, или закрывать глаз от луча его, но вырвать самый глаз и совсем испортить строение его для нас невозможно.

101. И если из сил души, с которыми родила нас природа, не можем разрушить ни одной, тем менее можем разрушить ту, которую непосредственно вложил в нас Бог, возрождая нас. Поскольку и самое начальственное в нас, что бы оно ни было, образует и влагает купель, — будь то самозаконие разума и воли, или как его должно назвать иначе — то, чему покоряется всякая сила души и что управляет движением ее, чего ничто не может подчинить и изменить — ни само оно себя, ибо лучше его нет ничего, и даже Богу несвойственно изменить его.

102. У нас не отнимается ни один из данных даров, *дары*, сказано, и *призвание Божие непреложны* (Рим. 11, 29), и, словом, будучи беспределен в благодати, желает нам всякого блага, и дарует, не нарушая самого существенного преимущества — нашего свободного произволения. Таково благо крещения.

103. Оно не стесняет воли и не удерживает; однако будучи силой, пользующимся ею ничем не препятствует оставаться лукавыми, как и обладание здоровым глазом не препятствует жить во тьме желающим сего, и это очевидно, поскольку ясными свидетелями служат те самые, которые омылись и получили от крещения все, и после того впали в крайнее нечестие и злобу.

104. И так как не отнимаются силы, вложенные при втором создании, священник не омывает опять, как не имеющих в том нужды, а, помазуя, сообщает им духовную благодать благочестия и страха Божия, и любви, и тому подобное, что может оживить в них прежнюю волю. Ибо такие дары сообщает миро приемлющим его. О сем довольно; прострем же слово на дальнейшее.

105. Из сказанного очевидно, что возрожденные крещением живут жизнью Христовой. Что же такое жизнь Христова, то есть что за расположение души, которое получается в крещении и которым омытые сообщаются с жизнью Христовой, это еще не ясно; большая же часть этого выше разумения человеческого.

106. *И вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века*, — как говорит Павел (Евр. 6, 5), — и приготовление к жизни вечной. Потому как, не выходя на свет, нельзя узнать достоинства глаз и приятность цветов, и как спящим, пока они спят, нельзя знать о делах бодрствующих: подобным же образом и касательно новых членов и сил, которыми вполне воспользоваться можно только в будущей жизни, нельзя в настоящей жизни узнать, какие они и какая в них красота.

107. А для этого нужно, чтобы красоте соответствовал и свет. И то, что мы члены Христовы, есть дело крещения, а светлость членов и красота их состоит в главе; явно, что не хороши члены, если не соединены с главою.

108. Глава же сих членов сокрыта в настоящей, а явится только в будущей жизни; тогда и члены воссияют и откроются, поскольку воссияют вместе с главою; и указывая на это, Павел говорит: *вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе* (Кол. 3, 3, 4). И блаженный Иоанн: *еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны*

Ему (1 Ин. 3, 2). Познать в совершенстве силу жизни этой невозможно даже для самых блаженных, но и они по большей части сознаются, что не знают ее, а познают только в гадании, в зеркале, и отчасти, а что и могут познать, того не могут изъяснить никаким словом.

110. Но ощущение ее и познание хотя и возможны для чистых сердцем, но невозможно найти такого слова или речи, которая бы соответствовала познанному и для незнающих была знаком блаженного расположения души. Ибо это есть то, что слышал апостол, будучи восхищен в рай и *восхищен был до третьего неба* и слышал *неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать* (2 Кор. 12, 24).

111. А что и познается и может быть сказано на словах и служит обнаружением жизни и сокровенного — это успехи принявших Таинство, новый нрав омытых, сохранивших свою степень; добродетель их вышеестественная и превосходящая законы человеческие, которую не может произвести ни мудрость, ни подвиги, ни природа, ни иное что-либо из человеческого.

112. Ибо иногда и душа устремляется к тому, чего и вообразить невозможно людям, а тело не погашает ее желания, но предпринимает такие труды, каких желает душа; но поскольку силы души и тела ограничены, то всего труда не может вынести ни душа, ни тело, и случается, где и можно бы победить, душа отрывается, а тело изнемогает.

113. А блаженные души и тела не удерживает ничто, но какие бы ни видели они труды, каких бы помыслов ни изобретал свободный разум, все переносят и во всем мужественны, и не скажем ли мы самого странного? Они и не переносят, и нет для них нужды в мужестве.

114. Не по надежде на высшие награды и лучшую жизнь презирают они жизнь настоящую, то есть не по решению некоему и рассуждению дошли они до этого дерзновения, и не против воли переносят, как больные переносят огонь и нож врача, но всего удивительнее то, что любят свои раны, любят свои труды, саму смерть считают вождеденной, хотя бы и ничего не было обещано впереди.

115. Одни желали мечей, мучений и смерти, и, испытывая их, получали еще большее желание; иные восхотели вести скорбную жизнь, трудиться и жить без всякого послабления, и своей пищей почитать то, чтобы умирать ежедневно; и тело содействовало сему и помогало подвизающимся против законов телесных.

116. И таких не двое, не трое или сто, и не одни мужи, и не возрастные только, но тысячи и множество превосходящее число, и притом людей всякого возраста. Это особенно ясно в мучениках.

117. Ибо из числа их и те, кто были верующими прежде гонений, и те, кому Христос во время самых гонений даровал истинную жизнь, единодушно обнаруживали пред гонителями веру свою во Христа, и исповедывали Его им, и желали смерти, и единогласно призывали мучителей, и как бы на что-нибудь доброе одинаково устремлялись — и женщины и девы, и мужи и дети, и всякого сословия и всякого рода жизни.

118. Потому что не мало различия между людьми; не одинаково переносит подвиги и труды тот, кто проводит жизнь трудовую, и тот, кто ведет роскошную жизнь, и на меч и смерть не одними и теми же глазами смотрит воин и человек придворный.

119. Но ничто из сего не могло воспрепятствовать дивному влечению, и не воспрепятствовало тому, чтобы все одинаково достигали высоты любомудрия; но поскольку одна была сила, всех рождающая и творящая, то все достигли последнего предела добродетели, почтили благо и возлюбили его превыше законов естества, иные же ради его презрели и саму душу.

120. Ибо и женщины театральные, и развращенные мужчины, и подобный народ принимали слово общего нам спасения, и переменились, и преобразовывались, приходя в прекрасную стройность, и также тихо, и также легко, как бы переменив маску.

121. Случалось, что получали совершенство в сем лике и многие еще не омывшиеся, когда они еще не были крещены водою от Церкви, которых крестил Сам Жених Церкви.

122. Многим посылал Он и облако с небеси, и воду из земли сверх ожидания, и таким образом крестил их, а большую часть воссоздал сокровенно.

123. Ибо как лишение Христово восполняют члены Церкви (см.: Кол. 1, 24), Павел или иной кто подобный ему, так нет ничего странного, если лишение Церкви восполнит Глава Церкви. Ибо если бывает нечто, в чем члены по видимому помогают главе, насколько справедливее, чтобы самая Глава приложила то, чего недостает членам? Это так и бывает.

124. Но нужно обратить слово к прежнему. Той силы, которой смелы в дерзновении, пламенны в желании и могут наконец достигать того, чего возжелали, нельзя найти в природе человека и нельзя объяснить разумом, а так как она есть, то по необходимости нужно причиной ее почтить благодать крещения, так, видно, каким способом купель производит в них сие.

125. Явно, что труды эти и подвиги предпринимают только любящие, и что стрелы Христовы и любовь приводят их к сему новозаконою. А что служит причиной любви, и чем возбуждаются они к таковой любви, и откуда приняли огонь, об этом будем рассуждать теперь же.

126. Познание есть причина любви, и оно рождает ее, и никто не может получить любви к благу, если не узнает, какую оно имеет красоту. Поскольку же случается иногда познать ее вполне и совершенно, иногда несовершенно, то естественно и любви быть таковой же. И из прекрасного и благого, что познается совершенно, то и любимо бывает совершенно и соответственно таковой красоте; а что не совсем ясно для любящих, к тому и любовь слаба.

127. Становится очевидным, что купель вложила в них некоторое познание Бога и ощущение Его, и что ясно познали они добро и восчувствовали доброту и испытали красоты его. Говорю же, что научаемые совершеннее могут познать из некоего опыта, нежели из учения.

128. Поскольку у нас познание о предметах двояко, одно — которое человек получает чрез слух, другое, когда познает сам собою; первым способом мы не обнимаем самого предмета, а видим его в словах, как бы в образе каком-либо, и притом не в образе его собственного вида. Ибо в существующем не возможно найти во всем подобный Ему образ, который для пользующихся им достаточен был бы к познанию Его. А испытать са-

ним значит встретиться с предметом, отчего сам вид его входит в душу и возбуждает желание, как след соразмерный красоте.

130. При этом теряется отличительный признак предмета, отчего он обобщается с другими, мы получаем неясный и смутный образ его, и с ним соразмеряем стремление к предмету; поэтому не любим его настолько, насколько он должен быть любим, и не переносим столько, сколько он может действовать на нас, (потому что мы не испробовали¹ его вида).

131. Как различный вид существования каждого предмета влагает в душу различный помысл; так то же бывает и с желанием. Не то же ли бывает в нас и с любовью к Спасителю? Когда не будет открыто ничего нового и высшего, ясно, мы останемся при одних звуках, какие получили о Нем, из которых можно ли познать Его хорошо, когда нельзя найти ничего подобного Ему, ничего общего между Им и другими, никакого образца, с которым бы можно было сравнить Его, ни того, кому Он служит образцом, — как же познать красоту и возлюбить достойно этой красоты?

132. А у кого есть таковое желание, что они преступают пределы естества, желают и могут больше, чем свойственно желать людям, — сих уязвил Сам Жених (Песн. 2, 5; 5, 8); Сам Он показал очам их некоторый луч красоты.

133. Ибо величина раны указывает на стрелу, а желание на Уязвившего. И этим отличается Новый Завет от Ветхого, и в этом имеет преимущество, потому что тогда учило слово, а ныне Сам пришедший Христос неизреченным образом устрояет и образует души людей. Посредством же слова, учения и законов невозможно людям достигнуть желаемого конца.

134. Если бы можно было достигнуть посредством слова, не было бы нужды в делах, и притом в высшестественных, — в воплощении Бога, в распятии Его и смерти. Это очевидно прежде всего на самых отцах нашего благочестия — на апостолах.

135. Преподано было им всякое учение, и притом учение Самого Спасителя, и были они самовидцами всего — и того, какие дарования сообщил Он естеству, и что претерпел за людей, и как

¹ Τελευτήνοι

по смерти воскрес, и как вознесся на небеса — и зная все сие, они не показали ничего нового, ни мужественного, ни духовного, ни лучшего прежнего, до тех пор, пока не были крещены.

136. Когда же получили крещение и Утешитель нисшел в души их, они сделались новыми и получили новую жизнь и стали руководить других, и сами себя и других привлекли к любви Христовой.

137. Находились они при солнце и были общниками и жизни и учения, но еще не было у них ощущения луча, пока не приняли духовной купели: подобным образом совершал Бог впоследствии и всех святых. И они познали Его и возлюбили, не словами только, будучи убеждены, но быв расположены к сему силою купели, когда пересозидал и преобразовывал их Сам возлюбленный, Который творит, извергая сердце плотяное, нечувственное, и написует, но, как говорит Павел, — *не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца* (2 Кор. 3, 3), — и не закон только, но Самого Законодателя, Сам Себя Самого.

138. Это всего яснее открылось над многими из святых, которых, когда они ни из слов не могли познать истину, ни из чудес не уразумели силы возвещаемого, вдруг показала ревностными христианами принятая ими купель.

139. Так блаженный Порфирий, бывший в те времена, когда закон Христов овладел всею вселенною и голос проповедников услышали все люди, трофеи же мученических подвигов воздвигнуты были повсюду, яснее слова свидетельства об истинном Божестве Христа, и тысячекратно слышав учение, и бывши самовидцем таковых подвижников и чудес, оставался в заблуждении и ложь почитал вместо истины.

140. Когда же крестился, и притом для шутки в игре, не только вдруг сделался христианином, но и совершился в лике мучеников. Ибо он был комедиантом, и занимаясь сим делом дерзнул и на сию смелость, чтобы возбудить смех, и представил на зрелище крещение, и крестил самого себя, сойдя на театр в воду и провозгласив Троицу.

141. Одни смеялись, кому казалось это театральным представлением, а для него происшедшее было не смех и не тень, но

истинное рождение и воссоздание и то самое, что составляет Таинство. Ибо вместо комедианта вышел, имея душу мученическую, тело мужественное, как бы привыкшее к любомудрию и подвигам, язык, извлекший у тирана вместо смеха гнев. И так возревновал он, проведший жизнь в игре, и так возжелал Христа, что, претерпев многие мучения, умер с радостью, даже и языком не изменив любви.

142. Так же и Геласий возлюбил Христа и познал тем же образом, и одинаково как тот, так и другой пришли со враждой и неприязнью, но когда Гонимый отверз очи души его и показал собственную Свою красоту, он тотчас же изумился красоте и показал совершенно противоположное направление и сделался почитателем вместо врага.

143. Эта любовь была восхищением, потому что плененных ею увлекала далее человеческих пределов; и показывая это, Пророк говорит: *ужаснутся, о Тебе мнози* когда беседа ко Христу о кресте и смерти, сказал: *якоже ужаснутся о Тебе мнози, тако обесславится от человек вид Твой, и слава Твоя от сынов человеческих* (Ис. 52, 14).

144. Мужественный Ардалион крестился, желая этим вместо игры угодить зрителям; ибо он был и смехотвор, и доставлял присутствующим различного рода удовольствия. А крестился, не в символах и образах подражая страсти Спасителя, но самим делом.

145. Он притворно произнес доброе и мученическое исповедание, и ради шутки обнаженный поднят был на древо играющими. Когда же произнес имя Христово и почувствовал удары, вдруг переменился, и душа пришла в согласие с голосом, а воля в сообразность с вымышленным представлением.

146. И истинно сделался он тем, чем назвал себя в шутку — христианином, и это было делом шуточных ударов и притворного слова, и сказав, что любит Христа, он тотчас возлюбил Его, когда любовь, подобно огню, вдохнул от уст своих в самое сердце. И у других благое от благого сокровища — сердца исходит на уста, — у Ардалиона сокровище небесных рек (Ин. 7, 38) перешло от уст в сердце.

147. О, неизреченная сила Христова! Ибо не благодеяниями, ни раздаянием венцов, ни благими надеждами привлек его к себе, но сделав соучастником в ударах и бесчестии, избрал и возвысил его так, что убедил в том, чего он прежде не терпел и слышать.

148. Вдруг переменил он привычки, которые укоренило в нем продолжительное время, устремил волю к совершенно противоположному направлению, обратив ее от самого худшего и самого злого к самому лучшему из всего; ибо ничего не может быть развращеннее комедианта, и ничего любомудрственнее мученика. У них что общего?

149. Для естественного разума сообразно ли, чтобы раны и бесчестие рождали любовь и чтобы тем, из-за чего следовало бы избегать христианства, — уловлять врага и карать его тем самым, чему он был врагом? Кто, причиняя болезнь, надеется этим убедить к любви того, кто старается ненавидеть, и вместо врага и гонителя этим средством приготовить себе друга и ревнителя?

150. Поэтому слово учения, кажется, как будто не имеет никакой силы, а все совершает сила крещения. И Ардалион слышал слово общего нам спасения, и был очевидцем многих чудес дерзновенно подвизавшихся при нем мучеников, но, тем не менее, слепотствовал и был врагом света, пока не крестился, приняв знамения Христовы и провозгласив благое исповедание.

151. Цель крещения, чтобы подражать исповеданию Христа пред Пилатом и твердости в нем даже до креста и смерти; а подражать можно в образах и в сих священных символах, можно и самыми делами, среди опасностей показывая служение, когда вызывают к тому обстоятельства.

152. Из многих врачеваний, придуманных во все века для больного рода человеческого, одна смерть Христова может доставить истинную жизнь и здравие, и возродиться новым рождением, и жить блаженною жизнью, и достигнуть здравия не иное что есть, как пить сие врачевство, и насколько возможно людям исповедать исповедание, и претерпеть страсть, и умереть смертно.

153. Такова сила нового закона, так рождается христианин; так достигает он чудного любомудрия, прилепляясь к прекрас-

ным делам, имея непоколебимую веру, не по необходимости послушания веруя и не по требованию законов устроая нрав, но то и другое получая от силы Божией и посредством того и другого преобразуясь в блаженный вид Христа.

154. *Царство Божие*, — сказано, — *не в слове, а в силе* (1 Кор. 4, 20), и *слово о кресте для нас, спасаемых*, — *сила Божия* (1, 18); потому закон духовный, что все совершает дух, а закон этот писанный, потому что останавливается при письменах и звуках, по причине коих он и сень и образ, а дело и истина в настоящем.

155. Слова и письмена имели значение образа до тех пор, пока не осуществились дела. Прежде нежели пришли они в исполнение, Бог устами пророков долгое время провозвещал о них.

156. *Завещаю*, — говорит, — *завет новый, не по завету, его же завещах отцем их; но какой же это? Сей*, — говорит, — *завет, его же завещаю дому Израилеву и дому Иудину, дая законы моя в мысли их, и на сердцах их напишу я* (Иер. 31, 33), не голосом провозвещающая его, но напишу непосредственно Я Сам Законодатель. И не научит, — сказано еще, — *кийждо брата своего и кийждо ближнего своего: познай Господа, — яко вси познают Мя от мала даже и до велика их* (Иер. 31, 34; 8, 10).

157. Об этом закон и Давид блаженно возгласил: *аз познах, яко велий Господь* (Пс. 134, 5); я познал, говорит, опытом, а не учение других выслушав: почему привлекая и других к тому же, говорит: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9). Многими словами воспеваает он благодать Божию, но поскольку слова не могут показать сущности, то самих призывает слушателей к опыту воспеваемого.

158. Опыт этот купель влагает в души крещаемых и делает Творца известным твари, уму — истину, желанию — единого Вожделенного. Потому и велико расположение, и неизреченно стремление, и вышеестественна любовь, что ни в чем нет недостатка, и все сообщает, ни в чем не отказывает, и кроме этого представляет всякий избыток. Рассмотрим сие.

159. Бог вложил в души желание, так что если имеют они нужду получить благо, то нужно им помышлять об истине; того

и другого, впрочем, желаем мы в совершенном виде: блага без зла, истины без лжи. Ибо не веселится обманутый и не может радоваться заблуждающийся и получающий зло вместо добра.

160. Желаящим не всегда случается получать в совершенном виде, но у нас благо и истина не есть то самое, что так называется, но нередко даже противоположное ему. Почему не ясно для нас здесь, какова сила любви и радости, поскольку нет пред нами того, что нужно любить и чем можно утешаться, неизвестны ни узы и желания, ни то, каков огонь.

161. Ибо вожделенным не было ничего, а для вкусивших Спасителя вожделенным служит то самое, к чему как бы к некоему правилу и пределу из начала приспособлена была любовь человеческая, подобно сокровищнице, столь великой и столь обширной, что может принять она в себя Бога. А владеющие всеми благами в жизни никакого не получают от них насыщения, ничто не останавливает на себе желания, но будут жаждать еще, как бы ничего не получив из того, что желали.

162. Ибо жажда душ человеческих нуждается в некоей беспредельной воде, а ограниченный мир сей как может быть для нее достаточен? И на это указывает Господь, говоря жене Самарянской: *пияй от воды сея вжаждается паки. Всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую я дам ему, тот не будет жаждать вовек* (Ин. 4, 13—14). Сия-то вода успокаивает желание душ человеческих.

163. *Насыщуся*, — сказано, — *внегда явити ми ся славе Твоей* (Пс. 16, 15). Ибо и глаз устроен такой, какой пригоден для света, и слух для голоса, и что чему соответствует, желание же души стремится к одному Христу. И это служит для нее успокоением, потому что и благо, и истина, и все вожделенное есть Он один.

164. Постигшим Его ничто не препятствует любить, насколько вложено в душу любви от начала, и радоваться, насколько может радоваться природа и если что привнесла им добродетель и вода возрождения. В отношении же к благам жизни не может быть действительной любовь, ни радость, поскольку они обманывают своим названием. Если же и кажется что-либо прекрасным, оно бывает ложным изображением истины.

165. Здесь же, поскольку нет ничего препятствующего, открывается удивительная и неизреченная любовь, и такая радость, какой нельзя изъяснить. Особенно же потому, что каждое из этих расположений души Бог вложил для Себя Самого, чтобы мы любили Его, о Нем одним радовались. И следует, думаю, сохранить некоторое уважение к беспредельному благу, и в словах о нем соблюсти соразмерность.

166. Посмотрим же, каково его величие, потом какой признак преизбытка его. Ибо за все блага, какие Он даровал нам, единственным вознаграждением почитает Он любовь, и если получает ее от нас, прощает долг. А то самое, что у Бога-Судии равноценно бесчисленным благам, как не назвать преестественным?

167. Ясно, что преизбытку любви совершенно равняется радость, и стремлению соответствует во всем удовлетворение, и самому большему соответствует самое большее. Явно, что в душах человеческих находится великое некоторое и удивительное предрасположение к любви и радости, которое тогда становится вполне действенным, когда явится по истине радостное и возлюбленное. И это самое Спаситель называет радостью исполненною (см.: Ин. 16, 24).

168. Когда нисходит на кого-либо Дух и сообщает ему обещанные им плоды, первое из них место занимают любовь и радость. *Плод же духа*, — сказано, — *любовь, радость* (Гал. 5, 22). Причина же этому та, что в таком первом ощущении Бог дарует Себя душе, приходя в нее.

169. Ощущающему же благо нужно и любить его и радоваться о нем; почему и телесно явившись людям, прежде всего требовал от нас познания Себя. И сему учил, и сие принес тотчас же; даже более, ради этого ощущения Он пришел и ради этого делал вес. Ибо говорит: *Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине* (Ин. 18, 37).

170. А как истиною был Сам Он, то почти так сказал: да покажу Меня Самого. Сие и ныне творит, приходя к прощающимся и свидетельствует истину, мнимое благо отвергая, истинное же вводя и открывая, и как Сам сказал, Сам являя им Себя Самого (Ин. 14, 21).

171. А что это справедливо, и что омытые этой купелью как бы опытно познают Бога, то открывается, как сказано, от дел их. Если нужны свидетельства, то хотя и много есть боголюбивых и великую имеют они силу в том, о чем свидетельствуют, но из всех достаточно ответит за всех Иоанн, которого душа светлее луча и голос блистательнее золота. Нужно привести речения благого языка.

172. «Что значит: *взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ* (2 Кор. 3, 18)? Это было яснее, когда действовали дарования чудес. Впрочем, кто имеет очи веры, тому и ныне не трудно уразуметь это. Как скоро мы крещаемся, душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца.

173. И мы не только, взираем на славу Божию, но и сами получаем от нее сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, испускает лучи не от собственного естества только, но и от блеска солнечного: так и душа, очищенная и сделавшаяся блистательнее серебра, принимает луч от славы Духа в славу доступную нам, в какую надлежит от Господня Духа. И не много далее.

174. Хочешь ли, я покажу тебе это яснее и ближе к твоим чувствам на апостолах? Помысли о Павле, и одежда его имеет действие, и о Петре, чья тень имеет силу. Если бы они не носили образ Царя, и недоступен был им блеск, как могли бы столько иметь действия их одежды и тень? Ибо одежда царская страшна и для разбойников.

175. Хочешь ли видеть, как сиял Он и через тело? Сказано: *смотря на лице Стефана, видели лице его, как лице Ангела* (Деян. 6, 15). Но это еще ничего не значило в сравнении с славою, мившею внутри его.

176. Моисей имел некогда на лице, то же самое и еще больше носили они в душе. Ибо бывшее у Моисея доступно чувствам, а сие бестелесно. Ибо как тела, когда осветит их огонь, от светлых тел кидают отблеск на ближайшие тела и передают им собственный свет, так бывает и с верными. И когда они достигают сего, оставляют уже все земное и заботятся только о небесном.

177. Увы мне! хорошо теперь и восстекать горько, потому что получив такое благородство, не понимаем и того, что говорят, поскольку скоро погубили дела и ниспали в чувственное. Ибо сия неизреченная и страшная слава остается в нас только на один или на два дня, а потом мы погашаем ее, обуреваясь бурей житейских дел, и густотою облаков застения лучи» (Иоанн Златоуст. Беседа 7, на 2 Кор. 3).

178. Не одним только помыслом, и размышлением, и верою возможно крещаемым познавать Бога, но можно обрести в водах сих нечто лучшее и ближайшее к делу.

179. Думать, что луч оный влагает в мысль познание Божие и составляет некоторое научение разума, не будет спасительным словом, так как его случается потерять через день или два, если принявших Таинство охватит волнение и смущение; а из не знающих веры нет никого, хотя бы он заботился о том самое краткое время; возможно и дела иметь, и уметь хорошо богословствовать, и, что еще более, быть подвержену нападению худых страстей, и не быть неведущим в слове спасения и истинного любомудрия.

180. Отсюда ясно, что есть некоторое непосредственное ощущение Бога, когда луч от Него невидимо касается самой души. Символ луча в том, что он сопровождает крещение. Ибо все исполнено светлости, светильники, песни, лики, гимны; нет ничего, что не сияло бы, вся одежда светлая и приспособлена к зрелищу света, а головное одеяние изображает самый Дух и имеет вид, знаменующий Его пришествие.

181. Сделано оно наподобие языка, чтобы удобно было и голове иметь одеяние, и удержать тот вид, в котором в первый раз явился Дух, крещая апостолов. Затем коснулся Он этой части их тела, и можно было на главе каждого из них видеть огонь в образе языка, чтобы, думаю, видом языка объяснить причину нисшествия, потому что Он нисшел, чтобы изъяснить сродное Себе Слово и вразумить о Нем неведущих.

182. Таково дело языка, который износит изнутри сокровенное, будучи провозвестником тайных движений души. Ибо Слово возвещает о Родившем Его, а Дух о Нем Самом. *Я прославил*

Тебя (Ин. 17, 14), — сказал Спаситель, — говоря к Отцу, и *Он прославит Меня* (Ин. 16, 14), говоря об Утешителе. Поэтому Он и явился им в сем образе.

183. Символ же обращает мысль нашу к тому чуду и к тому прекрасному дню, который видел первое ниспослание крещения, дабы мы знали, как те, на кого прежде всего пришел Дух, передали Его последующим за ними, а они следующим за ними, и таким образом даже до нас дошел Он, переходя, и не оскудеет дар, пока действительно присущ нам Сам Виновник его.

184. Когда отнимется прикровение, Владыка дарует блаженным чистое ощущение Себя, а теперь, насколько возможно, для прикрытых грубою плотью. Плод этого ощущения есть неизреченная радость и преестественная любовь, а также величие подвигов и удивительное обнаружение дел и то, чего достигают все победившие и увенчанные.

185. Вооруженные сими орудиями, они не могут быть побеждены ни страхом, ни удовольствием. Ибо радость умеряет печальное, а приятное не может ни увлечь, ни ослабить утвержденных и связанных силою любви.

186. Дело крещения в том, чтобы разрешить от грехов, примирить Бога с человеком, усыновить человека Богу, открыть очи душевные для Божественного луча, то есть приготовить к будущей жизни. Итак, правильно делаем мы, полагая ему наименования возрождения и иные, имеющие тот же смысл, и другие, потому что оно доставляет познание Божие душам приемлющих Таинство.

187. Оно есть жизнь, и основание, и корень жизни, так как и Сам Спаситель определяет жизнь вечную познанием единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа (Ин. 17, 3); а Соломон говорит Богу: *еже знати Тебе, источник есть бессмертия* (Прем. 15, 8). Если нужно приложить доказательство, кто не знает, что истинное бытие и превосходство людей состоит в том, чтобы мыслить и познавать!

188. Если же в мышлении и знании состоит бытие человека, конечно, оно должно состоять и в познании лучшем из всех и свободном от лжи. А когда Сам Бог отверзает очи душе

и обращает к Себе Самому, какое знание может быть лучше и чище от всякого заблуждения, чем познание Бога? А оно есть плод крещения.

189. Из всего сказанного ясно, что начало жизни во Христе и причина того, что люди существуют, и живут, и преуспевают в истинной жизни и существовании, есть Таинство. Если же не со всеми крещаемыми случается такое, не должно признавать в этом немощь Таинства, а должно относить его или к страсти получивших Таинство, или к тому, что не хорошо были они приготовлены для благодати, или что предали сокровище.

190. Гораздо правильнее такое различие относить к самим получающим Таинство, которые различным образом пользуются крещением, и Таинство, которое одно и то же есть во всех, обвиняют в противоположных действиях.

191. Ясно, что совокупность упомянутых благ не есть дело естества, ни подвига, но крещения. Если же и противное ему бывает, как не почесть несообразным, чтобы одно и то же и могло просвещать, и не могло, и могло делать небесными и несколько не возвышать над земным.

192. Мы не обвиняем солнца и не признаем его темным от того, что не все видят луч его, но произносим суд о смотрящих. И касательно просвещения незаконно поступим, думая, что оно может производить что-либо иное, кроме того, чем именуется.

СЛОВО ТРЕТЬЕ

Какое содействие доставляет ей Божественное миро

1. Тому, кто таким образом рожден, следует получить и действие, которое бы соответствовало таковому рождению, и сообразное тому движение.

2. Его доставляет нам Таинство Божественного мира; ибо деятельными соделывают духовные действия — то одно, то другое, судя по тому, какую имеет кто приемлемость к Таинству. И ныне с омывшимися совершается то же, что в прежние

времена соделывали руки апостолов с крещенными от них; ибо когда апостолы возлагали руки на принявших Таинство, сказано, подавался им Дух Святой, и теперь Утешитель нисходит на помазуемых.

3. Доказательства этого следующие. Первое, в Ветхом Завете одинаково помазывались цари и священники; закон Церкви, первых воцаряя миром, на священников возлагает руки и молится о благодати Духа, показывая этим, что то и другое — одно и то же, и что то и другое имеет одну силу.

4. Они имеют общее в именах, первое называется помазанием, другое — сообщением Духа. Ибо рукоположение священников Божественнейшие из иереев называют помазанием, и наоборот, о тех, кого совершают Таинством мира, и молятся, и веруют, что они общники Святаго Духа, и когда приступающим к Таинству объясняют, что оно такое, называют его печатью дара Духа Святаго.

5. Сие и воспевают при помазании. Помазанником сделался и Сам Владыка, не потому, что принял на главу излиянное миро, но ради Духа Святаго, когда для восприятой им плоти сделался хранилищем всякого духовного действия, и не помазанником только, но и помазанием; ибо сказано: *миро излиянное имя Твое* (Песн. 1, 3), одно с самого начала, другое впоследствии.

6. Пока Он не сделался тем, чему мог Бог сообщить свои дары, Он был миром, пребывающим в себе самом; когда же стала существовать блаженная плоть, принявшая всю полноту Божества, которой, как говорит Иоанн, *не мерою дает Бог Духа* (Ин. 3, 34) Он вложил в нее всякое духовное богатство, тогда излиянное на нее миро сделалось истинным и стало называться помазанием.

7. Быть сообщену для него значило соделаться помазанием и быть излияну. Ибо не переменил Он места, не разрушил стену и не преступил через нее, но уничтожил разделяющее Его от нас тем, что Сам, приняв его в Себя, не оставил ничего между Собою и нами.

8. Ибо не местом отличается от людей Бог, наполняющий всякое место, но отстоит различием, и природа сама отделяет себя от Бога тем, что во всем, что имеет, отличается от Него,

а общего не имеет с Ним ничего; потому что Он Бог, а природа только человек.

9. Когда же плоть была обожена и природа человеческая принята в Ипостась Самого Бога, миро уже перешло через ограждение. И различие это не имеет уже места, когда одно уже было, а другое сделалось единой Ипостасью, которая уничтожает расстояние между Божеством и человечеством, будучи общим пределом каждого естества, а между разстоящими не бывает общего предела.

10. Не сообщимым для внешнего не может остаться миро, ни внутри, ни в себе самом; равным образом когда наша природа обожилась в Спасителевом теле, не осталось ничего отделяющего род человеческий от Бога, почему и участвовать в Его благодеяниях ничто не препятствует нам, кроме греха.

11. Поскольку же двоякое было преграждение — одно от естества, другое от воли, развращенной злом, то одно уничтожил Спаситель воплощением, другое распятием. Грех разрушен Крестом. Поэтому после крещения, имеющего силу Креста и смерти, в мире получаем общение Духа. Когда же уничтожено то и другое препятствие, ничто не удерживает, чтобы Дух Святой излился на всякую плоть, — сколько возможно это в настоящей жизни.

12. Для непосредственного сопребывания с Богом есть и третье препятствие — смерть, и носящим смертное тело нельзя обойтись без гадания и зерцала. Итак, люди тройко отстоят от Бога — природой, грехом и смертью; Спаситель сделал, чтобы истинно сообщались и непосредственно приходили к нему, уничтожив одно за другим все, что препятствовало этому, одно — приобщившись человечеству, другое — смертью на кресте, а последнее средостение — владычество смерти, совершенно изгнал из природы воскресением.

13. Посему Павел говорит: *последний же враг истребится — смерть* (1 Кор. 15, 26); не назвал бы он ее врагом, если бы она не была препятствием для нашего истинного благополучия, ибо наследникам бессмертного Бога нужно быть свободными от тления, так как *тление не наследует нетления* (1 Кор. 15, 50).

14. Ибо после общего воскресения людей, причина которого воскресение Спасителя, зеркало и гадание прейдут, а лицом к лицу узрят Бога очищенные сердцем.

15. Дело Таинства — преподать действия Святого Духа; а мир вводит Самого Господа Иисуса, в Котором все спасение людей, вся надежда благ, и от Него нам общение Святаго Духа, через Него же и приведет к Отцу.

16. Воссоздание людей хотя производит вся Святая Троица, но деятелем служит одно Слово, и не в одно только время, когда Оно было общником в жизни людей, и себе принесе, говорит Павел, — *чтобы подъять грехи многих* (Евр. 9, 14, 28), — но с того времени и навсегда, пока еще носит естество наше, ради которого мы имеем в Нем ходатая к Богу, Сам Собою очищает совесть нашу от мертвых дел, Сам Собою подает нам Духа.

17. Таинство в прежние времена сообщало крещаемым дарования исцелений, и пророчества, и языков, и тому подобное, что для всех людей служило ясным доказательством превосходящей силы Христовой. Ибо в них была нужда, когда утверждалось и устанавливалось благочестие.

18. И ныне то же бывает с некоторыми, то же сказано и о прежнем, и о будущем: и демонов изгоняли они, и от болезни освобождали одной молитвой, и не во время жизни только, но и умершие уже могли совершать подобное, поскольку духовная сила не оставляет и почивших блаженных.

19. А что сообщает мирю каждому из христиан и к чему удобно всякое время — это есть дар благочестия, и молитвы, и любви, и целомудрия, и иного, что благопотребно для приемлющих. Если же сие чуждо многим из христиан, и сокрыто от них, то какова сила Таинства и, по сказанному в Деяниях, не знают они, что Дух Святой есть. Это оттого, что они получили Таинство в раннем возрасте и приняли дары его бессознательно, и когда пришли в возраст, обратились к чему не должно и ослепили око души.

20. Таким образом Дух принимающим Таинство сообщает дары свои, *разделяя каждому особо, как Ему угодно* (1 Кор. 12, 11), и не престал Господь благодворя нам, так как и обещался пребы-

вать с нами всегда. Ибо не напрасно Таинство, но как от Божественной купели получаем отпущение грехов и от священной трапезы приобретаем Тела Христова, и не прекратится сие до тех пор, пока не придет явно Самый Тот, Кто служит основанием их, — подобным образом совершенно необходимо, чтобы христиане и от Божественного мира получали что нужно, и общались даров Святаго Духа.

21. Какая сообразность сомневаться в действительности отдельных Священных Таинств, и было бы полезно знать, что возведенное о них, по словам Павла (Евр. 10, 22), верно. Должно или ни об одном не думать, или и о других думать одно и то же, так как одна и та же сила действует во всех, и единое зачатие единого Агнца и Его смерть и Кровь доставляет совершение всем.

22. Истинно преподается Святыи Дух, одним — дабы они могли благодетельствовать другим и, как говорит Павел, назидать Церковь (Деян. 9, 31), предрекая будущее, или уча Таинствам, или словом освобождая от болезней, другим — чтобы сами сделались лучшими, сияя благочестием, или преизбытком целомудрия, или любви, или смиренномудрия.

23. Для получившего возможно целомудрствовать помыслом и нравом, и упражнять нрав свой в правде, и молиться, и любить, и во всем прочем быть ревностным. Возможно для движимого Богом удержать волю от страстей, быть человеколюбивым и справедливым, и оказывать иное любомудрие.

24. Как в людях, действующих под влиянием лукавых духов, существуют скотские страсти, так, наоборот, когда движит Сам Бог, — существуют добродетели Божественные и высшие человеческого закона. Таким образом любил блаженный Павел, кроток был Давид, и другие из восхваляемых показали разум выше естества человеческого.

25. Так, написал он Филиппийцам, что любит их любовью Иисуса Христа (Флп. 1, 8), о Давиде же сказал Бог: *нашел Я мужа по сердцу Моему* (Деян. 13, 22). И вера есть дар духовный, который желали получить апостолы от Спасителя, говоря; *умножь в нас веру* (Лук. 17, 3), и Сам Он просит для них освящения от Отца: *освяти*, — говорит, — *их истиною Твоею* (Ин. 17, 17).

26. И Бог дает молитву молящемуся, и *Сам Дух ходатайствует о нас воздыханиями неизреченными* (Рим. 8, 26), доставляя, думаю, силу молитвы, и Дух Святой есть вполне дух премудрости, и разума, и совета, и крепости, и благочестия, и прочего, от чего получают наименования те, кому сообщает Он дары свои.

27. Итак, всем приступающим Таинство сообщает свои дары, а ощущение даров и ревность о богатстве, чтобы воспользоваться данным, — не всем, поскольку одни, по причине возраста, еще не могут иметь разума, другие не приготовлены и не показывают правильного изволения, из которых у некоторых впоследствии раскаяние во грехах, и слезы, и жизнь по правому слову обнаруживают вложенную в души их благодать.

28. Почему и Павел, говорит: *не ради о пребывающем в тебе даровании* (1 Тим. 4, 14), так как и по принятию дара нет никакой для нас пользы, если мы будем нерадивы, и потому еще, что желающим иметь душу деятельную в этом — нужны труды и бдения: так что если кто из ревностных явится преуспевающим в любви, или в чистоте целомудрия, или преизбытком смиренномудрия, или благочестия или подобного чего-либо, выше естества этих людей, причиной чего должно почитать Божественнейшее миро и верить, что таковому дарован дар в то время, когда он принимал Таинство, а сделался он деятельным впоследствии.

29. Подобным образом и умеющие правильно говорить о будущем и без помощи искусства быть спасителями для развратившихся волей и иначе немощствующих, и иное что-либо показывающие, все это имеют от Таинства.

30. А если бы Таинство и при самом совершении не соделывало приемлющих его деятельными в духовных силах и если бы причиной того, что впоследствии они действуют духовно, было не Таинство, тогда зачем бы и приступать к Таинству? К чему нам послужит принятие Божественного мира, если оно не может вести к тому, ради чего и желают его? И тогда нельзя сказать, что если сего не получаем от помазания, то это Таинство могло доставить нам иную помощь.

31. И если не доставляется того, что обещано и к чему все направлено, и о чем молится совершитель Таинства, и в чем уве-

ряет он и приемлющего Таинство, что тотчас получит, тем менее, должно ожидать от него какого-либо иного блага. Если же не напрасно Таинство, как и все прочее в христианстве, — *проповедь наша не тщетна и не тщетна и вера ваша* (1 Кор. 15, 14); и если можно найти в людях какую-либо духовную силу, и что-либо из круга духовных дарований, то нужно относить их к этим молитвам и священному помазанию.

32. Нет совершенно никакого блага, сообщаемого от Бога избавленным людям, которое бы получалось без посредника между Богом и людьми, а найти посредника, и получить, и принять от него все блага не может ничто, кроме Таинств. Ибо они делают нас сродными Божественной Крови и тех дарований, какие получил Он ради плоти, и общниками того, что Он восхотел претерпеть.

33. Поскольку двояко то, что приближает к Богу и в чем спасение людей, — принимать Священные Таинства и упражнять волю в благочестии, для второго, то есть для человеческой ревности, нет иного дела, как сохранить данное и не предать сокровища; остается потому одна подательница всех благ — сила Таинств.

34. У каждого из Таинств есть своя цель, а сообщение Духа и Его даров зависит от всесвятого мира; поэтому если кто может показать духовное дарование, хотя бы оно было не во время самого совершения Таинства, но много спустя, не должно оставаться в неведении о причине и о том, откуда эта сила.

35. Просвещение от крещения тотчас по крещении входит в души получивших Таинство, но не для всех бывает оно очевидно тогда же, а в некоторых из ревностных обнаруживается, когда они очистили око души многим потом, и трудами, и любовью ко Христу.

36. Через мир до молитвы помогает нам в молитвах. Помазуемые миром бывают для нас тем самым, чем именуются, потому что изливанное миро становится за нас ходатаем к Богу и Отцу уже потому, что изливано и сделалось помазанием, и излилось даже на нашу природу.

37. Жертвенники же уподобляются руке Спасителя, и Хлеб от помазанной трапезы мы принимаем как Тело от пречистой

руки Христовой, и прием Кровь его, как те первые, которых Владыка приобщил Священной трапезе, предыспив на Вечери Прощальную чашу, полную ужаса.

38. Он, как Священник и Пастырь, и жертва, и приводящий жертву, разделил сие между Таинствами, одно отдав Хлебу благословения, а другое — миру. Ибо и жертвенник есть Спаситель, и приносящий жертву через помазание. От начала Он установил быть жертвеннику помазываемым, а для священников быть священниками значит быть помазанными, жертва же Он через крест и смерть, которыми Он умер для славы Бога и Отца, а смерть и жертвоприношение мы возвещаем, когда только вкушаем, как сказано, Хлеб сей.

39. Мир же есть Христос, и помазание через Духа Святаго, через Которого совершает священнейшее из всех и освящает, но не освящается сам и не испытывает чего-либо подобного. Это свойственно алтарю, и приносящему жертву, и приводящему, а не приводимому и приносимому в жертву. Так и об алтаре говорится, что он освящает; алтарь, сказано, — *освящающий дар* (Мф. 23, 19); Хлеб же Он ради плоти освященной, и обоженной, и принявшей то и другое, — помазание и раны.

40. *Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдаю как жертву, за жизнь мира* (Ин. 6, 51). Посему как приносится хлеб, приносится и мир, и в Себе Самом обожив плоть, и нас соделывает общниками помазания. Представляя этот образ, Иаков, помазав камень елеем, вознес его Богу, принося его тем самым помазанием и указывая или на краеугольный камень — плоть Спасителя, на которую излил мир Божества истинный Израиль, единый ум, видящий Отца, или на нас, которых из камней Сам соделал чадами Авраама, преподав нам помазание.

41. Дух Святой, изливаемый на помазующихся, есть для нас и нечто иное, и Дух сыноположения, и *свидетельствует*, — сказано, — *духу нашему, что мы — дети Божии*, вопия в сердцах наших: *Авва, Отче!* (Рим. 8, 15—16). Так Божественнейшее миро помогает желающим жить во Христе.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

Какое содействие дарует ей священное приобщение

1. После мира мы приступаем к трапезе, тому пределу жизни, достигшие которого ни в чем уже не имеют нужды для желаемого благополучия. Ибо принимаем от сей трапезы уже не смерть, и гроб, и общение жизни лучшей, но Самого Воскресшего, и не дары Святого Духа, какие только можем мы получить, но Самого Благодетеля, сам Храм, в котором находится вся полнота благодатных даров.

2. Ибо есть Он и в каждом Таинстве, и Им Самим мы помазуемся, и омываемся, и Он же есть и наша вечеря. Присущ же Он приемлющим Таинство и сообщает им Свои дары, но не во всех Таинствах одним и тем же образом, но, омывая, освобождает от нечистоты зла и влагает в него Свой образ; помазую, содействует деятельным в действиях Духа, коих сам сделался хранилищем ради своей плоти.

3. Когда же приводит к трапезе и дает вкушать Тело, всецело изменяет получившего Таинство и преобразует в собственное свойство, и персть, приняв царский вид, бывает уже не перстью, но телом Царя, блаженнее чего нельзя и измыслить.

4. Потому оно и последнее Таинство, что нельзя и простирается далее, нельзя и приложить большего. Ибо ясно, что первое нуждается в среднем, а сие в последнем. После же Евхаристии нет уже ничего такого, к чему бы нам стремиться, но остановившись здесь, должны стараться узнать то, как до конца сохранить сокровище.

5. Хотя при нашем крещении Таинство сообщило нам все свои дары, но мы вполне имеем нужду получать еще, так как еще нет даров Святаго Духа, которые соединены со всесвятым миром. *Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса. Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго* (Деян. 8, 16—17).

6. Когда же мы получаем Его и Таинство обнаруживает в нас свою силу, мы дарованную нам благодать имеем, а сообщать иное нет необходимости для Благодетеля, хотя невозможного нет

ничего; возможно в ином подвергаться ответственности, и это нисколько не препятствует совершиться Таинству, и данному не быть повреждену, и быть недостаточным в том, что требуется.

7. Много свидетелей тому было у Коринфян при апостолах. Они, изобилуя дарами Духа, и пророчествуя, и говоря языками, и иные дары показывая, не были однако вполне божественными и духовными, но и недалеко были от зависти и неуместного любочестия, и споров, и тому подобных зол. И на это указывает им Павел, говоря: *вы плотские и по человеческому обычаю поступаете* (1 Кор. 3, 3). Хотя и были они духовными по участию в дарованиях, но сего было для них недостаточно к тому, чтобы извергнуть всякое зло из своей души.

8. В Евхаристии же нет ничего подобного, поскольку хлеб жизни бывает действителен тем, чем спасены мы от смерти, и если вечеряющие не имеют и не приносят ничего худого, никто не может ни в чем обвинить его. Ибо невозможно, совершенно невозможно, чтобы Таинство было во всем действительно и принимающие Таинство были участниками в каком-либо зле. Почему? потому что в том и состоит действительность Таинства, чтобы приемлющие его не были лишены ни одного из его плодов.

9. Обетование трапезы водворяет нас во Христе, и Христа в нас. *Пребывает во мне*, сказано, *и Я в нем* (Ин. 6, 56), а когда Христос пребывает в нас — в чем будет недостаток, какое из благ сокроется от нас? Пребывая во Христе, чего иного будем мы желать? И обитатель наш Он, и обитель наша, так что блаженны в обители, блаженны и потому, что сами сделались обителью для Него.

10. Какого же из благ недостает при таком устройении? Что общего у зла с получающими здесь светлость? Какое зло противостанет такому обилию благ? Какое присутствующее в душе зло может остаться, какое отсутствующее может превзойти, когда Христос так существенно пребывает с нами, и всех нас проникает, и обдержит всю внутренность, и около нас находится?

11. Когда извне бросают в нас стрелы, Он препятствует им коснуться нас, потому что отовсюду окружает нас, ибо Он есть обитель наша. Если же есть нечто худое внутри, Он извергает и

изгоняет его, ибо есть обитатель, наполняющий всю Свою обитель. Ибо мы принимаем не малое нечто из Его даров, но Его Самого, и не луч какой-либо и свет, но самое солнце принимаем в свои души, так что и обитаем в нем, и служим для него обителью, и становимся единым с ним духом.

12. И душа, и тело, и все силы тотчас становятся духовными, потому что душа смешивается с душою, тело с телом и кровь с кровью. И что же от сего? Лучшее осиливает слабейшее и Божественное овладевает человеческим, и, как говорит Павел о воскресении, — *смертное поглощено бывает жизнью* (2 Кор. 5, 4). И еще: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20).

13. О величия Таинств! Как возможно ум Христов смешать с нашим умом, волю Его с нашей волей, тело соединить с телом и кровь с кровью нашею! Каков же ум наш, когда владеет нами ум Божественный, каково желание наше, когда присутствует хотение блаженное, какова персть, когда препообеждает ее Божественный огонь?

14. А что бывает так, показывает Павел, говоря, что он не имеет ни своего ума, ни хотения, ни жизни, но все в нем Христос, ибо говорит, *мы имеем ум Христов* (1 Кор. 2, 16) и *вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне* (2 Кор. 13, 3), и *думаю, и я имею Духа Божия* (1 Кор. 7, 40), и *люблю всех вас любовью Иисуса Христа* (Флп. 1, 8), откуда явно, что имеет одно и то же с Ним хотение, и все совокупляя, говорит: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20).

15. Так совершенно это таинство, высшее всякого Таинства, и приводит к самой вершине благ; потому и всякой человеческой ревности последний предел здесь же. В нем мы сообщаемся с самим Богом, и Бог соединяется с нами совершеннейшим единением. Сделаться единым духом с Богом — какое лучшее может быть единение?

16. Другим Таинствам быть совершенными дарует только одно из Таинств — Евхаристия, и помогает им в самом совершении, так как без нее они не могут совершать; помогает и после совершения в принявших Таинства, когда нужно бывает вызвать из тьмы грехов луч, излившийся из Таинств.

17. Падших и умерщвленных грехами мгновенно оживить — дело одной Священной трапезы. Ибо невозможно человеческой силой восстановить падшего человека, и человеческой правдой невозможно людям освободиться от нечестия. Грех составляет обиду Самому Богу, ибо *преступлением закона*, сказано, *бесчестишь Бога* (Рим. 2, 23), и нужна вышечеловеческая добродетель, которой бы можно было освободиться от осуждения.

18. Для худшего весьма удобно нанести обиду лучшему, а вознаградить за обиду честью невозможно и, особенно, когда обиженному он одолжен многим, и притом столь высоким, что нет сему и меры. Ибо для того, чтобы освободить от осуждения, нужно возратить отнятую у обиженного честь, стараясь при этом привнести более, чем должен человек, и одно восстановить, а другое вознаградить в той мере, в какой поступал он несправедливо. Но так как человек не может приблизиться к тому, что должен делать, как будет он в состоянии стремиться к большему?

19. Потому ни один человек не мог примирить с собою Бога, принося собственную правду, почему ни древний закон не мог разрушить вражды, ни живущим во благодати для получения такого мира не было бы достаточно одной ревности, ибо все это лишь дело силы человеческой, и есть правда только человеческая.

20. Блаженный Павел и самый закон называет правдой человеческой; *они не покорились*, — говорит он, — *праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность* (Рим. 10, 3), разумея ветхий закон, ибо только такую он имел силу в отношении к нашим бедствиям, чтобы приготовить к здоровью и сделать достойными руки врача. Ибо закон, говорит он, *был для нас детоводителем ко Христу* (Гал. 3, 24), и блаженный Иоанн крестил в Грядущего, и вся философия человеческая, и всякий труд их были некоторым преддверием и приготовлением к истинной правде.

21. Поэтому-то, когда мы своими средствами и сами собой не могли показать правду, сам Христос *сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением* (1 Кор. 1, 30),

и разрушает вражду плотью и примиряет с нами Бога, не просто всю природу, и не тогда только, когда умер, но каждый раз и для каждого из людей; тогда как распинаемый, теперь как предлагающий Вечерю, когда, познав свои прегрешения, желаем приступить к Нему.

22. Только один Он мог и всю подобающую честь воздать родившему, и вознаградить за лишение ее, одно Своей жизнью, другое Своей смертью. Ибо как равноценное вознаграждение за нашу обиду принеся после долгого приготовления Свою смерть, которой для славы Отца умер на кресте, Он с преизбытком вознаградил за ту честь, пред которой мы виновны своими грехами, а жизнью Он воздал всякую честь — и ту, которой надлежало почтить Его, и ту, которой надлежало быть почтено Отцу.

23. Кроме этого показал Он многие и великие дела, которые были высшей почестью для Отца, с одной стороны, проводя жизнь чистую от всякого греха, с другой — в точности и совершенстве соблюдая Его законы, не только в том, что делал сам, ибо говорит он: *Я соблюдаю заповеди Отца Моего* (Ин. 15, 10), но и в том, что законоположено для жизни людей, один из всех показав и насадив на земле небесное любомудрие; воздал еще Он Отцу честь и самыми чудесами, виновником которых исповедывал Родившего Его.

24. А кроме же всего этого кто не видит, что одним уже тем, что был с людьми и так приискренно приобщился плоти, Он всего тщательнее и яснее показал благодать и человеколюбие Пославшего и воздал подобающую Ему славу!

25. Если благодать должно измерять благодеянием, то Бог в домостроительстве такое оказал благодеяние роду человеческому, что не пощадил ничего, относящегося к этому, но все богатство Свое вложил в природу, ибо сказано: *в Нем обитает вся полнота Божества телесно* (Кол. 2, 9), явно, что во Спасителе познаем мы последний предел Божественного человеколюбия и своими делами один Он научил людей тому, как возлюбил Бог мир и какво попечение Его о роде человеческом. Потому и Никодима, чтобы познал он человеколюбие Отца, подводит к

этому и указывает на прекрасный знак Его беспредельной благодати: *так, говорит, возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16).

26. И если больше и лучше тех дарований, какие Отец вложил в природу при нисшествии Его Единородного, Он не мог дать ничего, ясно, что благодать и человеколюбие не могли получить славы больше той, какую получили здесь, и потому Спаситель таким способом чрез Себя Самого воздал Отцу честь, достойную и Себя Самого, и Родившего.

27. Честь Божия в том, чтобы всего яснее обнаружилось, что Он благ. И эту славу давно надлежало принести Ему, но никто из людей не мог воздать ее, и посему говорит пророк: *еще Отец есть аз, где слава моя* (Мал. 1, 6). Ибо одному Единородному возможно сохранить все, что требовалось для Отца, и показывая, что именно один Он мог вступить в сей подвиг, совершив все дело к славе Отца, Он сказал: *Я прославил Тебя на земле, открыл имя Твое человекам* (Ин. 17, 4, 6) надлежащим образом.

28. Слово носит точный образ Родившего, есть сияние славы и образ Ипостаси Его. И после того, как приобщился Он плоти, для живущих в чувстве понятно стало, что Он изъяснил всякое благое желание Родившего Его ума. На это, думаю, указывают слова Спасителя Филиппу, искавшему видеть Отца: *видевший меня видел Отца* (Ин. 14, 9), на этом же основании сказал Исаия: *нарицается имя Его: велика совета Ангел* (Ис. 9, 6).

29. Таким образом, Единородный, не опустив ничего, касающегося славы Отца, один разрушает средостение вражды и освобождает человека от осуждения. Поскольку же по другой из природ, то есть по нашему человечеству, почтил Отца двойственный Иисус, и от тела Своего и крови соплел Отцу чудный венец славы, потому одно врачевство от греха Тело Христово и одно отпущение грехов — Кровь Его.

30. Ибо для этого и воплотился Он в начале, чтобы прославить Отца, и как сказал Сам Спаситель, для того родился и для того пришел в мир и во все остальное время частью для того совершал всякое дело, частью же выше того понес труды.

31. Это тело сделалось хранилищем полноты Божества и было непричастно греху, исполнило же всякую правду, возвестило однородным неведомого им Отца, и одним сказало о Нем, другим показало Его, — то самое тело, которое пожерто на кресте, и будучи ведóмо на заколение, трепетало, и мучилось, и облито было потом, и было предано, и схвачено, и претерпело незаконных судей, и свидетельствовало перед Понтийским Пилатом доброе исповедание, как говорит Павел, и потерпело наказание за исповедание — смерть, и притом на кресте, и приняло бичи на рамена, в руки и ноги гвозди, в ребро копье, болело бичуемое, скорбело пронзаемое гвоздями, — та самая кровь, которая, истекши из ран, угасила солнце, и поколебала землю, и освятила воздух, и весь мир омыла от нечистоты греха.

32. Потому как писанный закон необходимо имел нужду в законе духовном, несовершенный в совершенном, не могущий сделать исполнителя совершенным в могущем; так и те, кто, согрешив после купели, трудами и слезами испрашивают благодати, имеют нужду в Крови Нового Завета и в пожертвом Теле, так как без них нет ничего вспомоществующего.

33. А Божественный Дионисий говорит, что и священные Таинства не совершали бы, и сами не имели бы силы, если бы не была предложена Священная Трапеза, тем менее возможно, чтобы труд и правда человеческая могли отпускать грехи и производить что-либо подобное. Хотя одно из священных Таинств людей, сознавших свои грехи и исповедавшихся перед священником, освобождает от всякой ответственности перед Богом Судиею, но и оно не может быть действенно, если не будут они вкушать Священной Вечери.

34. Потому омываемся мы однажды, а к Трапезе приступаем часто, потому что каждому человеку случается прогневлять Бога, а для того чтобы искушаемые освободились от осуждения, им нужны покаяние, и труды, и победа над грехом. Но что можно сделать против греха, если одно только врачевство предложено для человеческих зол?

35. Как хорошая маслина, будучи привита к дикой, сразу переменяет ее свойства на свои, и плод бывает уже не такой, какой

свойствен дикой маслине; подобным образом и правда людей сама по себе не ведет ни к чему, а для соединившихся со Христом и приобщившихся Плоти и Крови Его, тотчас делаются возможными высшие из благ, отпущение грехов и наследие Царства, что составляет плод правды Христовой.

36. Ибо как от Священной Трапезы получаем мы Тело Христово, Тело благ превосходящих, так потому и правда наша бывает отсюда правдой христоподобной. Следует думать, что изречение: *И вы — тело Христово, а порознь — члены* (1 Кор. 12, 27) сказано не об одном теле, но справедливее изъяснять его об общении в душе и ее действовании. Потому и словами: *соединяющийся с Господом есть один дух с Господом* (1 Кор. 6, 17) обозначается, что общение это и существование состоит преимущественно в уме и душе.

37. Для сего не одним телом облекся Он, но принял и душу, и ум, и желание, и все тому подобное человеческое, дабы можно было всецело соединиться с нами, и всецело обитать в нас, и нас разрешить в Себя, со всем нашим соединяя все свое; почему с согрешающими Он несообразен и несоединим с ними, ибо в том только общее у нас с Ним.

38. И принял все от нас человеколюбно, и сообщает нам человеколюбиво. В одном случае нужно было Богу снизойти на землю, в другом — нас возвести на Небо, там Ему вочеловечиться, здесь человеку быть обожену; там вообще освобождает природу от поношения в одном теле и в одной душе, победив грех, здесь каждого из людей очищает от грехов и сопоставляет Богу, а сие человеколюбнее оного.

39. Невозможно нам было, возшедши, соединиться с Ним. Он, сошедши к нам, воспринял наше и столь искренно соединился с воспринятым, что, отдавая нам воспринятое от нас, передает и Свое, и приобщаясь плоти и крови человеческой, мы душами принимаем Самого Бога, и Тело Божие, и Кровь, и Душу Божию, и ум, и желание, нисколько не менее, как и человеческое.

40. Надлежало и сему быть, и оному сделаться врачевством моей немощи. Ибо если бы Он был только Бог, не соединившись таким образом, то как соделался бы Вечерию для нас? Ес-

ли же был бы только тем, что мы, не совершил бы сего. А теперь и то и другое вместе; таким образом, с одной стороны, соединяется и сродняется с людьми как с однородными, с другой — может превысить и победить естество и переменить в Себя.

41. Большие силы не позволяют меньшим силам оставаться тем же, когда соединятся с ними, и железо ничего железного не сохраняет, сходясь с огнем, и земля и вода, будучи подвержены действию огня, переменяют свои свойства в свойства огня. Если в однородных силах лучшие так действуют на худшие, что должно думать об оной вышеестественной силе?

42. Ясно, что когда изливается в нас Христос и соединяет с нами Себя Самого, Он переменяет и в Себя преобразует нас, как бы малую каплю воды, влитую в беспредельное море мира; ибо миро столько имеет силы над впавшими в него каплями, что не просто делает их благоуханными и только пахнувшими миром, но самым благоуханием, природою самого изливаемого за нас мира. Ибо *мы*, — сказано, — *Христово благоухание* (2 Кор. 2, 15).

43. Таковую силу и благодать имеет Вечера для приобщающихся, если приступим к ней чистыми от всякого зла и впоследствии не привнесем ничего лукавого; ибо когда мы таковы и так приготовлены, ничто не препятствует Христу приискренно соединиться с нами. *Тайна сия велика* (Еф. 5, 32), — говорит блаженный Павел, восхваляя это единение. Ибо это и есть тот знаменитый брак, на который Всевялый Жених, как деву, приводит невесту свою — Церковь.

44. Здесь Христос воспитывает лик присных Своих; посредством этого одного Таинства мы соделываемся плотью от плоти Его и костями от костей Его. Этим самым апостол, определяя брак, показывает, что Христос есть Жених и имеет невесту, как говорит невестоводитель Иоанн.

45. Это Таинство есть свет для очищенных уже, очищение для очищаемых еще, помазание для подвижающихся против лукавого и против страстей. Ибо для одних уже не остается ничего иного, разве только, подобно глазу, очищенному от тины, принимать свет мира, а для нуждающихся в том, кто имел бы силу очищать, какое может быть иное очищение?

46. *Кровь Сына Божия очищает нас от всякого греха* (1 Ин. 1, 7), говорит по преимуществу возлюбленный Христу Иоанн. А кто не знает, что победу над лукавым получил один Христос, тело Которого есть единственный трофей над грехом и что может Он подавать помощь подвизающимся посредством того тела, в котором пострадал Сам и победил, когда подвергся искушению?

47. Поскольку плоть не имела ничего общего с духовною жизнью и была ей чрезмерно неприязненна и враждебна — *ибо плоть*, — сказано, — *желает противного духу* (Гал. 5, 17), поэтому против плоти измышлена плоть, против земной духовная, и законом плоти разрушается плотский закон и плоть покоряется духу, и помогает против закона греха.

48. Никому невозможно было жить духовною жизнью, пока не была еще создана сия блаженная плоть; тогда не спасал и самый закон, хотя не совсем чуждый любомудрия, и не имел никакой силы в людях, так как самая природа наша помогала прирожденной нам худшей части. *Закон, ослабленный плотью*, сказано, *был бессилен* (Рим. 8, 3), и нужна была другая плоть, могущая дать ему силу. [Потому-то] *Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти* (Рим. 8, 3).

49. Мы всегда имеем нужду в сей плоти и постоянно наслаждаемся Трапезою, дабы действен был в нас закон духа, и для жизни плоти не оставалось никакого места, и не имела она времени склоняться к земле, подобно тяжелым телам, лишившимся поддержки.

50. Таинство сие совершенно во всем, и нет ничего такого, в чем приступающие имели бы нужду и чего оно не доставляло бы им вполне. Но поскольку же худое свойство вещества не дозволяет печати оставаться неизменной, так как *сокровище сие мы носим в глиняных сосудах* (2 Кор. 11, 7), — поэтому не однажды, но постоянно принимаем врачевство, и Художнику всегда нужно присесть брению¹ и тотчас восстанавливать сливающийся образ, и нам нужно постоянно иметь руку врача, поддерживающую осла-

¹ Соединяться с творением. — Прим. ред.

бевающее вещество и исправляющую уклоняющуюся волю, чтобы не похитила нас пришедшая смерть.

51. *Нас*, — сказано, — *мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом и Кровь Христа очищает совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому* (Еф. 2, 5; Евр. 9, 14). Истинную жизнь от Божественного сердца привлекает в нас сила Священной Трапезы, и чтобы чисто служить Богу — есть ее же дар.

52. Если чистое служение Богу состоит в том, чтобы подчиняться, покоряться Ему, делать все по Его внушению, не знаю, когда лучше можем мы быть покорны Богу, если не тогда, когда становимся членами Его? Кто и над кем может лучше господствовать, нежели как глава над членами? А чтобы сделаться членами Христовыми, это, и при действии всякого иного священного Таинства, совершеннее дарует нам Хлеб жизни.

53. Как члены живы посредством главы и сердца, *так и ядущий Меня*, но, *жить будет Мною* (Ин. 6, 57). Можно жить посредством пищи; Таинство же имеет не такой вид, ибо пища, не будучи сама живой, не может сама собой ввести в нас жизнь. Поскольку же она помогает жизни, присущей телу, то и представляется, что она есть причина жизни для приемлющих ее.

54. А Хлеб жизни сам жив, и ради Него истинно живы те, кому преподается он, почему и пища претворяется в питающегося, и рыба, и хлеб, и все иное вкушаемое в кровь человеческую, здесь же все напротив.

55. Ибо Хлеб жизни сам движет питаемого, и изменяет, и прилагает в Себя Самого, и что свойственно только сердцу и голове, мы движемся и живем, и в сем уподобляемся Ему, как и Он имеет жизнь; что показывая и Сам Спаситель внушает, что не вид пищи поддерживает жизнь нашу, но Сам Собою вдыхает Он ее и доставляет, как сердце или голова членам жизнь, потому и назвал себя Хлебом живым, и сказал: *ядущий Меня жить будет Мною* (Ин. 6, 57).

56. И так очевидно, что поклоняться Богу духом и истиною, и служить Ему чисто — есть дело Священной Трапезы; ибо не только быть членами Христа и уподобляться Ему даруют нам сии Таинства, но и то, что мертвым нельзя служить Живому Богу,

а сделаться живыми и освободиться от мертвых дел не иначе можно, как всегда вкушая эту Вечерю.

57. Так как Бог есть Дух и поклоняться Ему должно духом и истиной, так и живым надлежит быть тем, которые избирают для себя служение живому, ибо сказано: *Бог не есть Бог мертвых, но живых* (Мф. 22, 32).

58. Так жить по правому слову и устремляться к добродетели — значит служить Богу, но это было делом и рабов, ибо сказано: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие* (Лк. 17, 10). Такое служение свойственно одним сынам, а мы призваны не в число рабов, а в лик сынов. Потому и приобретаем мы Плоти и Крови Его, ибо *дети*, сказано, *причастны плоти и крови* (Евр. 2, 14).

59. Почему и Он, чтобы сделаться Отцом нашим и иметь возможность сказать: *се Аз и дети, яже ми даде Бог* (Ис. 8, 18), сделался общником нам в плоти и крови. Почему и мы, чтобы сделаться чадами Его, необходимо должны принять принадлежащее Ему, и таким образом не только Его членами соделываемся посредством Таинства, но и чадами, так чтобы служить Ему, покоряясь добровольно и по произвольному желанию, подобно чадам, а точнее, подобно членам; ибо так удивительно и столь сверхъестественно служение, что нужен и тот и другой образ, — и сынов и членов, так как один из двух недостаточен для обозначения сущности. Ибо что удивительного в том, что не имеющие сами в себе никакого движения, движутся Богом, подобно как члены главою? Что великого в том, чтобы покориться Отцу духов, так же как отцам по плоти?

61. Но то и другое вместе преестественно; когда сохраняя свободу разума как дети, можем подчиниться как члены. И в том важность прославляемого усыновления, не в слове состоящего, как у людей, и не потому только почитаемого. У нас усыновляемые сообщаются с родителями только в имени, и ради этого только общий у них Отец, а нет ни рождения, ни скорбей его. А здесь есть и рождение истинное, и общение с Единородным не по имени только, но самым делом, общение крови, тела, жизни.

62. И что лучше, когда Сам Отец признает в нас члены Единородного Своего, когда самый образ Сына находит в лицах наших!

63. Ибо кого Он предугадал, — сказано, — тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего (Рим. 8, 29). И что говорить о усыновлении, когда это сыноположение искреннее и родственнее сыновства естественного и когда рожденные так больше сыны Бога, нежели родивших их, и настолько больше, насколько последние более усыновивших.

64. Что соделывает истинными отцами нашими? То, что из плоти их имеем мы плоть нашу и из кровей их произошла жизнь наша. То же имеем мы и в отношении к Спасителю — мы плоти от плотей Его и кости от костей Его; но между тем и другим общением велико расстояние.

65. Ибо в естественном порядке кровь детей теперь не то же, что кровь родителей, а была их кровью прежде нежели сделалась кровью детей, и самая порода состоит в том, что теперь детям принадлежит то, что прежде принадлежало родителям. А дело Таинства таково, что кровь, которою живем, и теперь есть Кровь Христова, и плоть, которую создает для нас Таинство, есть Тело Христово, и общие члены и общая жизнь. Таково истинное общение, когда и тому и другому присуще одно и то же, и притом в одно и то же время; а если каждый имеет попеременно сначала один, потом другой, это не столько общение, сколько разъединение.

66. Не совокупляет то, что неодинаково находится ни в том, ни другом, почему и не сообщаются они друг с другом, и никогда не были истинно общи в чем бы то ни было. Но хотя одно и то же то, что прежде принадлежало одному, а теперь принадлежит другому, но это только некоторый вид общения.

67. Ибо нельзя назвать сожителем того, с кем жил в одном доме, если живущий после не имеет ничего общего с тем, кто жил прежде, ни в начальстве, ни в делах, ни в мыслях; но называют сожителем того, кто не только живет в том же месте, но и занят теми же делами, и притом живет в одно и то же время. Подобным образом бывает и здесь; с родившими не вполне и

не в одно и то же время имеем общее по плоти и крови, а с Христом мы сообщаемся истинно, с Ним всегда общи у нас и тело, и кровь, и члены, и все подобное.

68. Если чадами соделывает то, чтобы быть общниками плоти и крови, ясно, что мы сродственнее становимся Спасителю, через Трапезу, чем самим родителям через естество, ибо Он не удаляется, дав жизнь и существование, как они, но всегда присутствует и соединяется и Своим присутствием животворит и укрепляет. При отсутствии родивших ничто не препятствует существовать, а удалившимся от Христа не остается ничего иного, как умереть.

69. И почему не сказать больше? Ибо сынам существовать самим по себе не иначе возможно, как отделившись от родивших, и тем, что одни родили, другие родились, производит начало разделения. А усыновление в Таинствах состоит в сосуществовании и общении, а это уже значит быть поглощену и не существовать. Итак, если кто общение обозначает именем родства и тех называет родными, кто соединен общей кровью, то одно может быть общением крови, одно сродством и усыновлением, тем самым, которым мы сообщаемся с Христом.

70. Почему и об естественном рождении умалчивает, когда рождаются сим рождением. Ибо сказано: *тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими* (Ин. 1, 12), хотя были рождены и были у них плотские родители и это рождение прежде сего, но второе настолько превзошло прежнее, что не осталось ни следа, ни имени его, и таким образом Священный Хлеб, вводя нового человека, с корнем исторгает ветхого.

71. И это дело Священной Трапезы, ибо принявшие Его, сказано, рождены не от крови, а когда принимаем Хлеб, мы узнаем это изречение: также и то, о каком из Таинств сказано оно, разумею же слово: «приимите».

72. Ясно, что этим словом приглашаем мы к трапезе некоторой, и руками истинно берем Христа, и устами принимаем, и душою соединяемся, и телом сообщаемся, и кровью смешиваемся, и это на самом деле. Ибо для тех, кто таким образом и при-

нимает Спасителя, и постоянно сохраняет Его — Он есть своеобразная Глава, а они для него приличные члены, членам же следует родиться одним и тем же рождением с головою.

73. Не от крови плоть эта, не от похоти плоти, не от похоти мужа, но от Бога Святого Духа, *ибо родившееся в Ней*, — сказано, — *есть от Духа Святого* (Мф. 1, 20), прилично, чтобы и члены были рождены таким же образом, чтобы рождение главы было то же, как и рождение блаженных членов.

74. Составленность членов значит то, что глава рождена. Если же началом жизни для каждого служит рождение и начинать жить значит родиться, а Христос есть жизнь для прилепляющихся к Нему, то они рождены тогда, когда Христос вошел в эту жизнь и родился.

75. Такое обилие благ рождается для нас от Священной Трапезы: она освобождает от наказания, снимает стыд греха, возвращает красоту, привязывает к Самому Христу крепче естественных уз, словом сказать, преимущественно пред всяким Таинством делает совершенными в истинном христианстве.

76. Здесь многим пришлось бы удивляться касательно Таинства, что, будучи совершеннее всех, меньше, по-видимому, крещения, имеет силы к уничтожению вины, хотя и больше его; ибо первое совершает без всякого труда, а второе после предварительных трудов.

77. И у очищенных нет никакого различия с теми, кто не получал совсем древнего осквернения, а из приступающих к Вечери на многих есть следы грехов; и рассматривая точнее, нужно сказать следующее: поскольку эти четыре вещи усматриваются в согрешающих: совершитель греха, худое действие, вина за него, и от этого вложенная в душу склонность к худому — то здесь надлежит действующему изменить действие, и, прекратив его, идти к купели, а все остальное, хотя бы никто ничего не сделал, крещение уничтожает вдруг, и вину, и болезнь, так что веруем, что уничтожается и самый грешник, ибо умирает он в водах и новым человеком бывает тот, которого отдает купель.

78. А Священный Хлеб, кого приемлет уже после скорби и трудов, тому справедливо отпускает вину грехов, но не омывает душу от злого навыка и не умерщвляет его, ибо не может

воссоздавать снова, и один этот знак греха оставляет неизменным и допускает оставаться тому, что хотя не подлежит осуждению, но, тем не менее, есть дерзновение на проступки.

79. Есть такие, которые носят на себе знаки болезни и язвы древних ран, когда меньше чем нужно заботятся о ранах своих и представляют приготовление души, не соответствующее силе врачевства. И это очищение не умерщвляет согрешающего и не воссоздает, но только очищает, между тем как он остается тем же, да и то бывает для нас не без трудов.

80. Но это относится не к Таинству, а приводит к самому существу дела, именно что виновным нужно очищаться там, омываясь, и здесь, вечеря. О том, что нужны труды, скажу следующее: крещение, принимая еще не созданных и не приобретших какой-либо силы стремления к лучшему, не напрасно все совершает в нас туне и не требует от нас ничего, так как мы не можем привнести ничего.

81. Трапеза, предлагаемая уже созданным и живущим, и могущим достаточествовать самим по себе, оставляет пользоваться силой и данными орудиями, и стремиться к добру, так как мы уже не насильно бываем приводимы и влекомы к ней, но по собственному изволению, и сами по себе стремимся и направляемся к ней, как умеющие уже совершать течение.

82. Ибо зачем и получать то, чем не должно пользоваться? Зачем укрепляться и вооружаться намеревающемуся сидеть дома? Если бы не были благовременны борьба и труды, не знаю, как были бы мы полезны для самих себя: каким было бы дело человека, прекратившего стремиться к добродетели, далее более, что было бы хуже того дела, если не делать ни одного похвального дела, а для злого всегда иметь деятельную душу.

83. Надлежит, чтобы для людей избрано было место для дел и время для подвигов, и надлежит сделаться мужами совершенными тем, кто получил уже от Таинств возможность и имеют силу делать дело, сообразное с природою, и когда является день, который сотворил для этого Господь, уже не сидеть, но выходить на дела, и как говорит Давид, *исходить человеку на дело свое и на делание свое до вечера* (Пс. 103, 23).

84. Как после обыкновенного дня наступает ночь, в которую никто не может делать, так и прежде дня была совершенная невозможность делать и никто не знал, куда должно идти, поскольку была ночь на земле, в которой, сказано, *ходящий во тьме не знает, куда идет* (Ин. 12, 35), а когда воссияло солнце и повсюду через Таинства разлился луч солнца, необходимо, чтобы не было никакой остановки в делах и трудах человеческих, но в поте лица нужно снестать хлеб наш как за нас ломимый, особенно же потому, что назначен он для одних обладающих разумом, и должно, как говорит Господь, делать пищу пребывающую (см.: Ин. 6, 27). Это служит повелением, чтобы к Вечери приступали не ленивые и недеятельные, но делающие.

85. Если Павлов закон отводит ленивых и от гибнущей трапезы, *кто не хочет трудиться*, — сказано, — *тот и не ешь* (2 Сол. 3, 10), какие потребны дела призываемым к той Трапезе?

86. А что таким образом надлежит прикасаться к Священным Дарам и потому самим нам нужно очищаться прежде Таинства, это ясно из сказанного, а что оно не только не меньше других Таинств, но и больше имеет силы, явно будет из следующего.

87. Во-первых, если лучшим большее дарует Бог, Который и ярмом некоторым, по пророку, утверждает милость (см.: Иер. 5, 5), и правдою творит все, то когда еще лучшими соделывает нас уже принявших Таинства и уже подвизавшихся в добродетели, нежели когда еще не были омыты совсем, следует, чтобы и благодать эта была лучше и высшие блага получали уже принявшие Таинство.

88. Первое есть крещение, а второе Священная Вечера, которую настолько надлежит почитать совершеннейшей, насколько большее требуется приготовление от желающих приступить к ней. Ибо несообразно, чтобы когда все желают лучшего, менее даваемо было тем, кто очищается подвигами, нежели тем, кто очищается только Таинствами. Напротив, здесь благоразумнее отдавать преимущество и почитать совершенным то, чего нельзя получить без многих и мужественных дел.

89. Потом и то нужно знать, что Христос, насыщая нас, споборствует нам, споборник же подает руку не лежащим и не больным,

а исполненным силы и дерзновения и мужественно противостоящим врагу. Ибо Сам Христос, действующий в каждом Таинстве, всем бывает для нас: — творцом, укреплением, споборником, первым — когда оmyвает, другим — когда помазует, последним — когда питает.

90. Там вначале устрояет члены, здесь укрепляет их Духом, а в Святой Трапезе присутствует приискренно и помогает в подвиге, и по окончании его будет подвигоположником, и воссядет со святыми как судия тех трудов, в коих Сам был общником, потом Сам же Он и победа, и когда нужно увенчать испытанных, — венец их.

91. К тому же, чтобы могли дерзать на подвиги любомудрия и совершать их, — для сего образующий и помазующий дарует все, споборствует же не во всем, и во время подвига даже ни в чем. Ибо тому, кто укрепляет и созидает, неприлично оставить без внимания все, что может быть приготовлено для подвижника, равно и споборнику закон общения не позволяет все взять на себя самого и другому предоставить наслаждаться, а самому одному приготовляться на брань; и подвигоположнику неприлично или самый венец сплестать или делать и уготовлять врачевства, ни пособлять подвижникам в победе или мужеством, или силою, или крепостью, или чем-либо подобным, а только уметь украшать победу, когда она есть и для всех очевидна.

92. А для самых мужественных лучше быть увенчанными, нежели только подвизаться для победы, и лучше быть победителями, нежели только быть приготовленными к победе. Потому что они для победы, победа же ради венцов. Но если бы признаком несовершенства и худшей участи служило то, что не совсем очищает, не приготовляет и не образует, то и самый совершенный предел блаженства мало служил бы к благополучию. Разумею то, что при Трапезе под покровом принимают Самого увенчивающего Бога, так что Трапеза имеет и приготовление некоторое, и очищение, а венцов совсем не имеет.

93. Не должно удивляться, если Вечера, будучи Таинством более совершенным, менее видимо очищает, особенно же когда, по сказанному, и награда за подвиг есть ее дар, и такого рода на-

грады не соделывают и не производят победителей, а показывают только и укрепляют их. Ибо в Вечери Христос не очистилище только и споборник, но и награда, которую нужно получить подвизавшимся; ибо какая иная награда блаженным за здешние труды, как не то, чтобы принять Христа и сожительствовать с Ним?

94. И Павел сказал о успокоении в самом последнем — соединении со Христом: *имею желание разрешиться*, говорит, *и быть со Христом, потому что это несравненно лучше* (Флп. 1, 23), и это по преимуществу дело Трапезы.

95. В других Таинствах можно обрести Христа, но так только, чтобы возможно было приготовиться к соединению с Ним, а здесь так, чтобы истинно принять Его и соединиться с Ним. В одном этом из всех Таинств и единое тело, и единый дух, и пребывание в Нем, и возможность иметь Его в себе, почему, думаю, и Сам Христос блаженством праведных назвал Вечерю, на которой прислуживает Сам Он (см.: Лук. 12, 37).

96. Таким образом и Хлеб жизни служит наградой. Поскольку же приемлющие этот дар еще попирают землю и совершают путь, поскольку и прахом засариваются, и спотыкаются, и страшатся рук разбойников, то для всех представляющихся им нужд вполне достаточен этот Хлеб, — он и силу поддерживает, и служит вождем, и очищает, пока не достигнут туда, где, по слову Петра, хорошо быть человеку (см.: Мф. 17, 4), так как для пребывающих уже в свободной от дел стране не нужна никакая иная страна, и единственный венец их есть Христос, искренно спребывающий им.

97. И потому Христос, как очищение и для сего существующий от начала, очищает нас от всякой скверны, и как общник наш в подвигах, в которых служит и вождем, прежде всех вступив в них, подает нам силу против врагов. Поскольку же он награда, то и не без трудов; если же Вечеря есть награда и последнее блаженство, какое основание доказывать, что она имеет силу меньше других Таинств? Подобным образом должно рассуждать, и думать и о прочем, что оно не опровергает совершенства Таинства.

98. Не потому не воссозидает оно поврежденного грехом, что немного имеет силы, но потому, что он сам не может этого принять и получить, так как имеет еще первое создание, о котором сказано в предшествовавших словах и которого не может уничтожить и исторгнуть из души однажды крещенных даже самое крайнее зло, если они не дерзнули отречься от того служения, какое исповедали общему Владыке; и так как и высшая философия не могла вложить более, чем простое исповедание, и далее потому, что человек еще остается лучше умершего и уничтоженного, а без сего не возможно воссоздание.

99. Смерть есть признак ветхой породы, и может умереть тот, кого произвела персть; *секира*, говорит Иоанн, *при корне дерев лежит* (Лук. 3, 9.). А омытый носит уже нового человека, и как же можно умереть тому, кто соединен с Адамом, который уже не умирает? И для кого умирать ему, когда он уже носит в душе Того, для принятия Которого нужно умереть?

100. Этого нельзя получить и от самой купели. Каким образом одно Таинство может быть лучше другого в том, чего нельзя одинаково найти у обоих! Ибо и крещение не имеет такой силы, чтобы уже существующих и сотворенных возрождать вновь, и потому священный закон ни одного человека не омывает дважды, не обычай какой-либо сохраняя и порядок, но потому что дважды родиться одним и тем же образом невозможно.

101. Но, может быть, скажет кто-либо, что крещение же есть и то, чтобы умереть, показав перед гонителями истинное богопочтение, а многие из совершенных водой прошли и по этому пути, приняв вторую купель. Здесь нужно сказать следующее.

102. Что касается до предизбранных сопребывать и жить со Христом, для них нужно для благого создания, с одной стороны, быть созданными от руки Его, с другой — посредством добродетели и похвальных дел самим достигать сего. Крещение водой создает человека и только в этом одном имеет силу, а смерть за Христа очевидно имеет и то, и другое; и то, что дарует вода, и то, что должно быть привнесено нами.

103. И потому для не принявших еще Таинства оно есть крещение и создание, когда они свидетельствуют о Христе и спо-

гребаются Христу, в чем и состоит цель крещения: есть и добродетель, полная подвигов ради добра и крайнего мужества, а для получивших Таинство первым она не бывает, так как они созданы уже и живут, вторым же бывает, ибо служит подвигом благочестия и обнаружением добродетели и того, что они знают Христа и любят Его выше всего, что может быть любимо, и ничего не почитают несомненнее надежды на Него, — для всего этого она служит живым свидетельством, подтверждающим и мечом, и огнем, и всяким насилием.

104. Однажды принявшим крещение никак не позволительно опять употреблять его, так как оно не может даровать ничего более того, что мы, получив от него, уже имеем, а подвергаться мученичеству вполне возможно, так как оно может не возрождать только и творить, но и венцы соплетать за мужественные дела, и потому не получившим Таинства доставляет и то, и другое, а получившим Таинство только одно из двух.

105. Ибо когда оно полезно в двух отношениях, ничего странного нет в том, чтобы не имеющие нужды в обоих, получали одно из двух, то именно, в чем нуждаются, как и дары Священной Трапезы могут очищать еще не получивших сего, могут и просвещать уже очищенных и подобным образом ничто не препятствует приступать к Таинству ради второго, когда кто имеет уже первое. Но о сем довольно.

106. Наша речь началась о том, что всецелое общение людей с Богом — нужно ли назвать его служением, или усыновлением, или тем и другим вместе — производит именно Священная Вечеря, которая соделывает нас родственными со Христом более, нежели рожденных самими родителями их.

107. Не слабые некие основания тела влагает в нас, и не малые начатки крови, но совершенное Тело и Кровь сообщает нам Господь, и не виновник только жизни Он, как родители, но и самая жизнь, и не потому называется Жизнью, что виновник жизни, как апостолов называет светом, потому что они руководители света для нас, но потому, что есть то, чем должно жить поистине, есть самая жизнь, поскольку и святыми соделывает прилепившихся к Нему и праведными, не только наставляя и научая чему

должно, и упражняя душу в добродетели, и приводя в действие ту силу, какую имеет она в отношении к истинному разуму, но и Сам будучи для них правдой от Бога и освящением.

108. Этим-то преимущественно образом и совершается, что святые соделываются блаженными и святыми ради соприсутствующего им Блаженного, через которого они соделались из мертвых живыми, мудрыми из неразумных, святыми и праведными и сынами Божиими из непотребных и лукавых рабов.

109. В них самих и в человеческой природе и ревности не было ничего, за что бы могли они истинно назваться таковыми, но и святыми именуются ради Святого, и праведными и мудрыми по причине сопребывающего им Праведного и Премудрого, и вообще, если кто-либо из людей истинно достоин слышать это великое и досточестное, то оттуда получает и проименование, особенно же потому, что их собственные качества и усилия не только не могут сделать их праведными и мудрыми, но еще злом служит правда их и явным безумием мудрость их. Хотя и весьма честными делает нас, и украшение доставляет нам добродетель, но поскольку для сего мы имеет правду и мудрость, более нежели человеческую и достигаемую нашим тщанием, то и наименование прилично иметь от сей, а не от той.

110. Ибо как не от постороннего и чуждого получаем мы прозвание, а обыкновенно получаем свидетельство и название от своего собственного, и от того, что есть в природе нашей, ибо не дом или одежда располагает нас к тому или другому нраву, и не они дают имя добродетели или пороку, притом из собственного их то более свидетельствует и дарует общее наименование, что более наше. А Христово гораздо более наше, чем наше собственное.

111. Оно есть собственное наше потому, что мы соделались членами и сынами, и приобщились Плоти, и Крови, и Духа Его; оно сродственнее нам не только того, что от подвига, но и того, что от природы, поскольку Он оказался сродственнее нам самых родителей наших. Потому все мы обязаны не человеческое вносить любомудрие, не в подвигах быть твердыми, но жить самой новой жизнью во Христе и оказывать Божественную правду.

112. Если бы она не была прилична нам, не была бы она особенно предназначена для нас. Ибо для того соединены мы со Христом через крещение, чтобы *ходить в обновленной жизни* (Рим. 6, 4), и Тимофею говорит Павел: *держись вечной жизни* (1 Тим. 6, 12), и *по примеру призвавшего вас Святаго, и сами будьте святы* (1 Пет. 1, 15), и *будьте милосерды, не милосердием человеческим, но как и Отец ваш милосерд* (Лук. 6, 36), и *да любите друг друга; как я возлюбил вас* (Ин. 13, 34).

113. Таковой любовью возлюбил Павел — *любовью Иисуса Христа* (Флп. 1, 8), почему и Сам Спаситель, повелевая ученикам иметь мир, даровал им Свой мир; *мир Мой*, говорит, *даю вам* (Ин. 14, 27), и к Отцу говорит: *да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет* (Ин. 17, 26).

114. И как рождение есть нечто Божественное и превышеестественное, так и жизнь, и образ жизни, и любомудрие, и все сие ново и духовно. И объясняя это, сказал Спаситель Никодиму: *рожденное от Духа есть дух* (Ин. 3, 6).

115. И Павел: *найтись*, говорит, *в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере* (Флп. 3, 9.). А Писание говорит, что это есть царская одежда, ибо наша одежда рабская; свобода же и Царство, к которому должно стремиться, каким образом будут рабскими? Ибо невозможно явиться достойными Царства, не показав ничего более, кроме добродетели рабов.

116. Как тление нетления не наследует, — *тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие* (1 Кор. 15, 53), — подобным образом и дела рабские не могут быть нам достаточны для Царства, но нужна для того правда от Бога.

117. Сыном надлежит быть наследнику, а не рабом, ибо *раб*, — сказано, — *не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно* (Ин. 8, 35). Почему каждому из приходящих к наследию нужно, отложив вид раба, показать в себе сына, это значит, нося на лицах своих образ Единородного, с этой красотой явиться Родителю. Это значит быть освобождену Сыном Божиим от всякого рабства и соделаться истинно свободными, что и разумеет

речение Христа к Иудеям: *если Сын освободит вас, то истинно свободны будете* (Ин. 8, 36).

118. Освобождает рабов и соделывает их сынами Божиими, потому что сам, будучи Сыном и свободным от всякого греха, общими соделывает им и тело, и кровь, и дух, и все Свое. Ибо таким образом Он и воссоздал нас, и освободил, и обожил, соединив с нами себя всецелого, свободного и истинного Бога, и таким образом Христос, будучи истинной правдой, нашим благом, учреждает для нас Священную Вечерю, превыше самого естества, так что мы и хвалимся ее благами, и как бы сами соделав доброе, приобретаем славу и получаем от нее именование, если только сохраним общение, и если тот, кто называется истинно святым и праведным и тому подобными похвальными именами, получает похвалу ради того, что получил от Него.

119. *О Господе*, — сказано, — *похвалится душа моя* (Пс. 33, 2) и *благословятся о Нем вси народы* (Гал. 3, 8). Потому не человеческое что-либо, но Христово должны мы и вносить в души, и нося отходить, и прежде венцов всячески показывать таковое любомудрие, и соблюсти новое сокровище, не прилагая к нему ничего лукавого, поскольку одна эта ноша достойна Небесного Царствия.

120. Поскольку же награда, какую должны получить подвижавшиеся, есть Сам Бог, нужно, чтобы сообразны были с наградой и божественны подвиги и чтобы Бог был для подвижников не только помощником и вождем подвигов, но и Сам исправлял их, так чтобы искомая цель соответствовала приготовлению и приготовление цели.

121. Как на землю посылая нас, не сделал и не требовал от нас ничего вышеестественного, так приводя к Богу и перелагая от земли, не позволяет иметь ничего человеческого, но в чем была для нас нужда, ко всему приспособил Себя Самого и не оставил без Себя ничего из того, что может приготовить к оной цели.

122. Ибо если кто наше назовет болезнью, а оное врачевством, то Он не только Сам пришел к страждущему, и осмотрел его, и подал ему руку, и Сам приготовил что нужно для врачевания,

но соделался и самым врачевством, и образом жизни, и иным подобным, что ведет к врачеванию. Если же это воссоздание, то из Себя Самого и из собственной плоти воззывает он нужное, и Сам становится тем, что может вознаградить поврежденное в нас.

123. Ибо воссоздал нас не из того же вещества, из какого создал, но там сотворил, персть взял от земли, а во второй раз даровал собственное тело и, воссозидая жизнь, не душу, находящуюся в естестве, соделал лучшею, но, изливая Кровь Свою в сердца приемлющих Таинство, рождает в них Свою собственную жизнь.

124. Тогда вдуну, сказано, дыхание жизни, теперь же сообщает нам Духа Своего; *Бог послал*, — сказано, — *в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!»* (Гал. 4, 6). Поскольку и свет нужен был тогда, Он изрек: да будет свет, и бысть свет рабский сей, а теперь воссиял в сердцах наших Сам Владыка, *повелевший из тьмы воссиять свету* (2 Кор. 4, 6), как говорит Павел.

125. И, словом сказать, в первые времена благодетельствовал роду человеческому посредством видимых сих тварей и руководил человека заповедями, и повелениями, и законами, при содействии то Ангелов, то досточестных мужей, теперь же непосредственно Сам Собою и во всем действуя Сам.

126. Посмотрим же и еще. Дабы спасти род человеческий, Он не Ангела послал, но пришел Сам. Когда надлежало научить людей тому, для чего пришел Он, то, не в одном месте пребывая, посылал Он за слушателями, но Сам ходил, ища тех, кому бы преподать учение.

127. И, нося на языке своем величайшие из благ, входил Он в двери тех, кто имел нужду в благодеяниях Его, и больных исцелял также Сам, приходя к ним и касаясь их рукой, и очи создал слепорожденному, наложив на лице брение, которое Сам образовал, плюнув на землю и смешав перстом, поднял Сам и помазал, и Сам коснулся, сказано, одра (см.: Лук. 7, 14), и предстоял гробу Лазаря, и голос испустил вблизи его, хотя и издали, если бы восхотел, словом и одним мановением это и большее того все соделал бы Тот, Кто небо создал словом.

128. Но то было очевидным доказательством Его могущества, а это служит знаком человеколюбия, которое и пришел Он показать. Когда же надлежало разрешить узников во аде, не вверил его Ангелам или начальникам Ангелов, но Сам сошел в узилище.

129. Надлежало же пленным не туне получить свободу, но быть выкупленными, потому и освобождает их, пролив кровь; таким же образом с того времени и до последнего дня освобождает и отпускает вину, и омывает нечистоту душ. И Сам Он то, чем очищает; на что указывая, Павел сказал: *совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола) величия на высоте* (Евр. 1, 3).

130. Почему Павел и называет Его служителем (см.: Рим. 15, 8). И Сам Он называет Себя служащим (см.: Лук. 22, 27), и говорил, что пришел Он от Отца в мир, чтобы послужить (см.: Мф. 20, 28), и, что больше сего, не в настоящее только время, когда Он пришел и явился в немощи человеческой не для того, чтобы судить мир, и показывал свойственное рабам, и сокрывал все свойственное Владыке, но и в будущем веке, когда придет с силою и явится во славе Отчей, в откровении Царства Своего, *препояшется*, — сказано, — *и посадит их, и, подходя, станет служить им* (Лук. 12, 37), хотя *Им царие царствуют, и властитилие Мною держат землю* (Притч. 8, 15, 16).

131. Ибо сим образом воцарился Он в чистом и истинном Царстве, Сам Собою будучи достаточен для Царства, и так направляет тех, кем обладает, что для них Он снисходительнее друзей, внимательнее властителей, любвеобильнее отца, сродственнее членов, необходимее сердца, не страхом склоняя их и мздой увлекая, но Сам будучи и силой начальственной и один Сам соединяя с Собою начальствуемых.

132. Ибо царствовать страхом или обещанием наград не значит истинно начальствовать Самому, но причиной послушания нужно тогда считать надежды и угрозы. Ибо как не истинно начальствует тот, кто владеет иначе, так не значит и работать истинно как Богу, когда мы покорны Ему по каким-либо из указанных способов. Поскольку же надлежало Ему царствовать

чистой властью, а властвовать иной не было прилично, Он измыслил, как достигнуть этого.

133. И способ был самый удивительный. Он употребил противоположное и, чтобы соделаться истинным Владыкой, принимает природу раба и служит рабам даже до креста и смерти, и таким образом уловляет души рабов и непосредственно руководит хотением их.

134. Посему и Павел, зная, что Его служение есть причина Царства, говорит: *смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его* (Флп. 2, 8—9); и досточудный Исаия говорит: *сего ради той наследит многих и крепких разделит корысти, зане предана бысть на смерть душа Его и со беззаконными вменися* (Ис. 53, 12).

135. Христос посредством первого создания есть Владыка природы нашей, а посредством нового творения Он овладел волей, это и значит истинно царствовать над человеком, когда Он управляет, связав и поработив себе самовластие разума и самозаконие наше, что делает человеком, почему и сказал: *дана Мне всякая власть на небе и на земле* (Мф. 28, 18), как будто новое что получил предвечный Владыка мира, когда вместе с небесными и человеческое естество познало общего Владыку.

136. Изречение Давида: *воцарися Бог над языки* (Пс. 46, 9) указывает на сие царство, в котором языцы, говорит Павел, суть сотелесники и сопричастники Христовы (см.: Еф. 3, 6). Ибо однажды соединившись таким образом с телами и душами, Он соделался Владыкой не только тел, но и душ и произволений, и истинно владеет благопотребным и чистым царством, управляя им Сам через Себя, как душа телом и голова членами.

137. А управляются те, кто решился возлюбить иго сие, как бы не живя разумом и не владея самозаконием произволения; *скотен*, — сказано, — *бых у тебе* (Пс. 72, 22), а это значит возненавидеть и погубить душу свою, и самым погублением спасти ее, когда новая тварь овладеет и новый Адам совершенно сокроет ветхого и ни в рождении, ни в жизни, ни в смерти не останется никакой ветхой закваски.

138. Для ветхого человека тело составлено из земли, а новый, сказано, *рожден от Бога* (1 Ин. 3, 9), и о той, и другой жизни свидетельствует та и другая трапеза, ибо одну износит земля, а нового человека Пренебесный питает собственной плотью.

139. Так, по разрешении один возвратится в землю, из которой произошел, другой отойдет ко Христу, откуда взят, и каждый покажет кончину, сообразную с произведшим его в начале: *каков, сказано, перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные* (1 Кор. 15, 48) и не по душе только, но и по самому телу.

140. Ибо и оно небесное, как там то и другое перстное; ибо душа обитает в руках Небесного, а тело есть член Его, и души оно не имеет, а исполнено живущего Духа, и по окончании первой жизни живет лучше, нежели как и сказать можно, поскольку истинно и не умирало от начала. Души праведных только *непщевани быша умрети*, говорит Соломон, но лишь для непремудрых, а *во очию безумных* (Прем. 3, 2).

141. Ибо как *Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти* (Рим. 6, 9), так и члены Христовы *смерти не увидят вовек* (Ин. 8, 51). Как вкусят смерть они, всегда соединенные с живым сердцем?

142. Если видимое есть только персть и ничего нет более, не должно сему удивляться. Сокровище наше внутри и *жизнь наша*, сказано, *сокрыта* (Кол. 3, 3). Как сказал Павел, *вместилищем его служит скудельный сосуд, сокровище сие мы носим в глиняных сосудах* (2 Кор. 4, 7). Поэтому кому видно только снаружи, тем представляется одно брение, когда же явится Христос, и самый прах покажет свою красоту, потому что, будучи членом луча, откроется и уподобится солнцу, и будет испускать общий с ним луч.

143. *Праведники*, — говорит, — *воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (Мф. 13, 43), Царством Отца называя оный луч, в сиянии которого явился Он, открывая апостолам, видевшим, как Сам сказал: *Царство Божие, пришедшее уже в силе* (Мк. 9, 1). Просветятся же и праведники в тот день одной светлостью и славой, когда они будут принимать, а Он сообщать свет.

144. Тот самый Хлеб, то самое Тело, которое понесут от сей Трапезы, явится на облаках перед очами всех и, подобно молнии, в одно мгновение времени на востоке и западе покажет свою красоту. С этим лучом живут блаженные здесь, и по смерти не удаляется от них свет.

145. Свет всегда с праведными, и, просвещаемые им, отходят они в жизнь оную, устремляясь к Тому, с Которым всегда жили во времени. Что случится тогда с каждым из воскресающих, именно что кости, и части, и члены, соединяясь с головой, составят целость тела, то же будет и со Спасителем Христом, общей Главой всех.

146. Эта Глава, едва только возсияет на облаках, отовсюду соберет собственные члены, Бог посреди богов, прекрасный вождь прекрасного лица; и как тяжелые тела, как только будут расторгнуты узы, удерживающие их в воздухе, падают к земле и тотчас находят свое место, так и тела святых теперь привязаны к земле, преданы тлению и находятся под игом, и потому сказано, воздыхаем в жилище сем, а когда явится свобода, неудержимым парением устремятся ко Христу, чтобы занять собственное место.

147. Почему Павел, показывая, что оно течение неудержимо, называет его восхищением; *восхищены*, говорит, *будем на облаках в сретение Господу на воздухе* (1. Сол. 4, 17), и Сам Спаситель сказал, что поемлет их, говоря: *тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется* (Мф. 24, 40), означая этим, что не человеческое то дело и не собственными совершается силами, как будто есть место собственному их усилию, но повлечет их и восхитит Сам Он, Который не подлежит никакому времени.

148. Как в начале не дожидался, чтобы искали Его, но Сам искал заблуждающих, и указал путь, не могших же идти по нем Сам нес, подняв на рамена Свои, и падающих воззывал, и ослабевающих духом исправлял, и удаляющихся призывал, и вообще, заботливо болезнуя, все совершил для спасения их, так и тогда совершающих последнее к Нему течение Сам восставит, и для летящих Сам будет крылами.

149. Потому и орлами именуется сообщающихся к трупу; *ибо, где будет труп, там соберутся орлы* (Мф. 23, 28). Ибо от трапезы пойдут к Трапезе, от сокровенной к явленной уже, от Хлеба к Телу.

150. Ибо теперь Христос Хлеб для них, еще живущих человеческою жизнью, и Пасха, ибо переходят отсюда во Град Небесный; тогда же *изменять крепость, окрылают яко орлы*, говорит чудный Исаия (40, 31), тогда воссядут при самом теле, свободном от покровов.

151. Указуя на это, блаженный Иоанн говорит: *что увидим Его, как Он есть* (1 Ин. 3, 2), ибо Он уже не хлеб для них, когда окончится жизнь во плоти, и не Пасха для пребывающих уже на одном месте, а признаков трупа имеет много. Ибо руки Его с язвами, и ноги Его имеют следы гвоздей, и ребра носят еще знак копия.

152. К этому трупу ведет оная Вечеря; без нее невозможно получить его, как с исторгнутыми глазами нельзя видеть свет. Поскольку не вкушающие Вечери не имеют жизни в себе самих, то как Бессмертный может быть главой мертвых членов?

153. Одна сила Трапезы, и Один предлагает ее в том и другом мире, и одно есть брачный чертог, другое приготовление к брачному чертогу и иное есть сам Жених.

154. Потому для тех, кто не с сими дарами отходит, не остается ничего более для жизни, а кому случилось и получить благодать и сохранить ее, те и вошли в радость Господа своего, и вступили с Женихом в брачный чертог, и иного утешения насладились на Вечери, не тогда получив все, но в явлении Его чище ощущая то, что принесли пришедши. И такова причина, по которой *Царствие Божие внутрь нас есть* (Лук. 17, 21).

СЛОВО ПЯТОЕ

Какое содействие доставляет ей освящение жертвенника

1. Таково значение Священных Таинств, и такое доставляют они нам приготовление к истинной жизни. Поскольку жертвенник есть начало всякого Таинства — нужно ли принять Вечерю или помазание, а также получить освящение или участвовать в Таинстве купели — поэтому кроме сказанного, насколько возможно нам, рассудим о нем и о Таинстве, которым он утверждается.

2. Не думаю сделать что-либо ненужное и излишнее, а полнее сделаем слово, сказав об источнике, начале Таинств. Поэтому, изложив по порядку все, что бывает руками совершителя и из чего состоит жертвенник, посмотрим потом, каково значение каждого действия и к чему оно совершается.

3. Прежде всего иерарх, возложив на себя белый подризник и препоясавшись по рукам и прочему телу, припадает к Богу, преклонившись не на голую землю и помолившись, чтобы достигнуть ему желаемой цели, со тщанием восстает на дело и, подняв лежащую трапезу, утверждает ее и укрепляет, не приказывая только, но и сам делая своими руками.

4. Утвердив же ее, омывает теплой водой, молясь, чтобы вода эта имела силу очищать не только видимую нечистоту, но и от приражений демонских. Потом помазывает, изливая на него лучшее вино, и чистое, из роз сделанное, масло. После же этого приносит священное миро и помазует, трижды начертывая крест и воспевая Богу пророческую торжественную песнь.

5. Потом, покрыв белую срачицею, украшает драгоценными одеждами и на них возлагает другие платы, помазанные миром, как и трапеза, которые, быв положены сверху трапезы, должны лежать непосредственно под священными книгами. И, совершив сие, развязывает и снимает с себя подризницу, и имея на себе архиерейское облачение, выходит в какой-либо соседний священный дом.

6. Там взяв приготовленные кости святых мучеников и вложив их в какой-либо из сосудов жертвенника, в который полагаются

Страшные Дары, и закрыв чем закрывают их, благочестно поднимает их, и неся на голове, идет к освящаемому храму; многие же чествуют его шествие свечами, и пением, и фимиамом, и благовонными мазями. И когда, шествуя так, достигает храма, становится перед затворенными дверьми, повелевает находящимся за дверьми отворить их для Царя славы, и сказав сам, и выслушав от находящихся внутри те самые слова Давида, которые влагает он в уста ангелов, говоривших друг другу при восхождении на Небо Спасителя, по отверзении дверей входит во святилище, имея на голове покровенный сосуд.

7. Потом входит в алтарь и к самой трапезе, полагает на нее, и открывает, и вынимает вложенное в сосуд сокровище, влагает его в хранилище, величиной соразмерное влагаемому, и затем, излив на него всесвятейшее миро, полагает его под священной трапезой.

8. Когда же все совершено таким образом, дом становится уже домом молитвы, и трапеза уже назначена для жертвы, и уготована, и становится вполне жертвенником.

Скажем теперь о причине, по которой храм становится святилищем, и почему, когда совершено священнодействие, может быть оно и домом, и трапезой, рассмотрим при этом каждое действие.

9. Облачение и иерарх, так одетый и приступающий к совершению, представляет образ святилища сообразно с человеческим понятием; ибо Давид говорит, что, омывшись от всякого зла и паче снега убелившись, приходит человек в самого себя и собирается в себя, и истинно вселяет Бога в душу, и сердце свое соделывает жертвенником.

10. Знаком этого служит, во-первых, то, что имеет на себе белое и блистающее облачение, в другом, что отовсюду в себе замкнут и заключен по телу. И таким образом прежде освященного места в себе самом, сколько возможно, показав жертвенник, потом и к освящаемому месту простирает совершающую руку, поскольку и у занимающихся художествами, и вообще у всех могущих трудиться, помысл прежде рук в себе самом совершает дело, и что измыслил он, то поставляет правилом для рук, которые и выражают это на веществе.

11. И живописцам возможно иногда писать по образцу, с картин, составляя свое произведение, иногда же они пользуются своей памятью, и в душе созерцают образец; и всякий знает, что это случается не с живописцами только, но и с ваятелями, и со всеми работающими художниками.

12. И если бы нашлась возможность увидеть глазами душу художника, ты увидел бы самый дом, или статую, или иное какое-либо произведение, только без вещества. Потому иерарх не тем только представляет образец жертвенника, что служит устройтелем его, но и тем, что быть храмом Божиим и истинным жертвенником из всего видимого может одна человеческая природа, так что и водруженный руками людей (жертвенник) сохраняет образ ее, почему и надлежит, чтобы в этом действии дело являлось прежде изображения, и истина предшествовала образам.

13. Так, сказавший: *кий дом созиждете Ми*, говорит еще: *вселюся в них и похожду*; означает, думаю, то, что желающий быть полезным другим должен прежде помочь самому себе, и удостоенный влагать в бездушное такую силу прежде сего должен самому себе доставить таковую пользу; как и Павел думает, что епископ, намеревающийся быть благим для города и народа, должен начать с семейства, и долженствующей управлять домом прежде должен себя самого вести по правому слову.

14. А для этого дела нужен Бог, ибо без содействия Божия никто не может совершить ничего, особенно Таинств, в которых все есть единственно Его дело. Поскольку общий Владыка, не приказывая, промышлял о рабах и не советников послал к ним, но Сам пришел и Сам виновником был всего, что нужно для спасения, потому иерарху, ученику Его, надлежит саморучно утвердить жертвенник, от которого для нас все пособия спасения; и совершает он это, имея в устах псалом Давида: *вознесу тя, Боже мой, царю мой* (Пс. 144), в котором содержится благодарение Богу и воспоминание чудес Его.

16. Если закон Павлов повелевает благодарить о всем, сколько справедливее благодарить за это главнейшее из благ? После чего присоединяет иной псалом: *Господь посет мя, и ничтоже*

мя лишит (Пс. 22), и воспевает этим не просто человеколюбие Божие, но касается и настоящих событий.

17. И о крещении упоминается в нем, и о Божественном помазании, и о чаше, и о трапезе, носящей Священный Хлеб; крещение называют и водой упокоения, и местом злачным, и как хорошо сказал пасомый Богом, что навсегда успокоится в нем.

18. Поскольку грех и труды причинил дерзнувшим на Него, и землю для нас наполнил тернием, то правильно, думаю, вода, омывающая грех, называется по отношению к трудам водой упокоения, а по отношению к терниям — местом злачным, а последним покоем потому, что и последнее благо, в котором успокоимся мы, ищущие Христа, здесь можно найти.

19. Еще по той причине можно назвать водой упокоения, что она прекратила пожелание естества, что сказано, *многие пророки и цари желали видеть* (Лук. 10, 24).

20. Иерарх, припадая Богу и молясь, не касается непосредственно пола церковного, как еще не получившее освящения не приспособлено к Таинству, и дом, еще не соделавшийся домом молитвы, как надлежащим образом примет молящегося?

21. Потому и, наоборот, Моисею, намеревавшемуся вступить на священную землю, надлежало снять обувь, как вступающему в непосредственное собеседование, так же и посвященный Богу народ еврейский долженствовал некогда в обуви ходить по земле Египетской (см.: Исх. 3, 5). Совершив сие, иерарх священной водой омывает трапезу.

22. Ибо так как общий мучитель, поработив владыку видимого — человека, вторгся потом во все чувственное, как бы в царский дом по падении царя, то каждое Таинство, из чувственного заимствуя вещество, имеет нужду в чем-либо очищающем от владычества лукавого.

23. Так и воду, в какой нужно крестить приступающего к Таинству, священник сперва молитвами очищает от всякой диавольской злобы, потом уже произносит и совершительное слово. По той же причине и трапезу омывает прежде злогонительными водами, и вместе указывает образ, как должно стремиться к добру, то есть уклониться прежде от зла, почему, совершая священно-

действие, и поет псалом, воспеваемый о зле человеческом: *окропиши мя иссопом Твоим и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся* (Пс. 50, 9), и после сего воздает благодарение Богу и прославляет Его. И так в каждом из Таинств.

24. Все совершать должно во славу Божию, а больше всего Таинства, так как они и всего полезнее и от одного только Бога. Поскольку же прежде Божественной благодати нужно не очиститься только, но, насколько возможно нам, показать и соответствующие ей добродетели, иначе невозможно получить виновника благодати.

25. Бог дает молитву не спящему, а просящему, и споборствует подвизающемуся, и благодать целомудрия дарует тому, кто целомудрствует, сколько возможно, и вообще во всем желание искомого нужно показывать не тем, что желаем, но самими делами.

26. Потому прежде Божественнейшего мира, которое сообщает жертвеннику благодать от Бога, иерарх намащает трапезу нашими благовониями, вином и миром, из которых одно доставляет нам только приятное, а другое помогает и жизни, чтобы показать человеческое, внося все, что наполняет всю жизнь нашу, то есть необходимое для жизни и приятное; начинает с того и другого, поскольку и сам Он (Христос), пришедши, и жизнь дал и большее приложил, не только воскресив и разрешив нас, но и воцарив и приобщив нас к нетленному наслаждению; потому и иерарх прилагает к сему и миро, которое, имея всякую силу для Таинства, имеет отношение и к самой жертве.

27. Поскольку же Спаситель вначале совершил ее сими двумя: прием, сказано, хлеб и благословив его рукою, то и мы должны искать и руки и слова; слова же произносят священники, и они бывают действены, как бы Он Сам повелевал, ибо *сие творите*, — сказал Он, — *в Мое воспоминание* (Лк. 22, 19), а вместо руки имеет силу миро, и оно, по слову божественного Дионисия, вводит Иисуса.

28. Но апостолы и руку свою возлагали, и та же была благодать, а преемники их для этого Таинства имели нужду в слове, только через него совершая Таинство. Для первых священников

жертвенником служили руки, а для преемников их через них же устроил Христос тайнодейственные дома. Изливая же миро на трапезу, иерарх не прилагает никакого слова, но только воспева-ет Богу песнь на языке еврейском, включенную в немногие буквы, по смыслу же всесвятую песнь лика священных пророков.

29. Повествуящим о бывшем прилично благохвалить продолжительным словом, а воспевать прославляемое прилично, включив песнь в немногие слова. Первое, думаю, прилично при восхвалении прошедших или будущих событий, чтобы вместо их самих для созерцающих служили слова, а второе, думаю, прилично настоящим и совершающимся, когда дела явны сами по себе, и слова нужны не столько для того, чтобы выражать удовольствие возвещающих, сколько для того, чтобы показать удивление, как и пророки прорекали только до Иоанна.

30. Была ли теперь нужда в вестниках, когда явился Сам возвещаемый? Оставалось только воспевать и увенчивать Его, что ясно было и Ангелам, которым первым Он явился, придя на землю, и словом ликовствования их было: *слава в вышних Богу* (Лк. 2, 14).

31. По сей причине иерарх, после того как из самых дел познал прославляемого благодетеля, не молится ни о чем из упомянутого в молитвах и не перечисляет дел человеколюбия, которые находятся перед очами, а только прославляет их в таинственной песне.

32. Поскольку же сила жертвенника есть миро, надлежит, чтобы той силе соответствовало и подлежащее вещество. Ибо, думаю, так лучше может оно действовать, как огонь и свет действуют через сообразные тела. Потому и самое Имя Спасителя, которое, будучи призываемо, имеет силу во всем, не у всех в устах одинаково обнаруживает свою силу. Так и совершитель, по-искав, какое из тел сообразнее подлежало бы миру, не нашел ничего приличнее мученических костей, и помазав их миром, и помазанные приложив к трапезе, вполне освящает жертвенник.

33. Поскольку Таинствам Христовым нет ничего сродственнее мучеников, ибо у них с Самим Христом обще все: и тело, и дух, и образ смерти. Он и при жизни их соприсутствовал с ними, и

скончавшихся не оставляет мертвыми, но будучи соединен с душами их, и бренности сей соприсутствует, и примешивается персти, и если в чем-либо из видимого можно найти и иметь Спасителя, то, конечно, при сих костях.

34. Потому, приходя к храму, теми словами отверзает для них врата, как бы вводя Самого Христа, и во всем прочем почитает их наравне с Священными Дарами. Подлинно истинный храм Божий и жертвенник кости эти, а рукотворенный есть подражание истинному. Итак, прилично к сему храму приложить оный и к совершению сего употребить оный, как и из законов новый служит к совершению древнего.

35. Потом, совершив уже все и приготовив дом для жертвоприношения и молитвы, возжегши светильник на жертвеннике, исходит, во-первых, думаю, указывая этим время жертвы, в какое она приносима была вначале, ибо это бывало к вечеру и при возжении светильников.

36. Потом, чтобы как в доме потерявшего драхму, светильник сей приводил нас на память оный светильник, который возжег, с которым искал и нашел драхму, покрытую землей и тьмой, как бы под землей лежащую в аде (это, думаю, значит вымести дом и все открыть и вынести на свет) — Тот, Кто и ад исполнил Света, сошел в него.

37. Потом, обходя, весь дом помазывает миром, чтобы соделался он домом молитвы, и имел действенное имя, и помогал нам в молитвах, ибо дерзновение людей к Богу и исправление молитвы нашей, как кадила, есть миро изливанное, — Спаситель, соделавшийся ходатаем нашим перед Богом и посредником. Ибо когда будучи Единородным, Сам Себя изливал на рабов, тогда истинно примирился Отец и милостиво взирает на нас, и приходящих приемлет, как бы самого возлюбленного Сына Своего обретая в нас.

38. Почему следует, чтобы на дом, в котором призываем Бога, было изливано миро молитвы, чтобы привлечь к нему призываемого в нем Бога и чтобы, как молился Соломон, *очи Его день и ночь отверсты были на храм сей* (3 Цар. 8, 29). И еще, чтобы именуемый храмом Божиим возвысился до храма истинного и

имел с ним что-либо общее, для сего, как оный помазан был Божеством, равным образом надлежит, чтобы и сей соделался помазанным, будучи помазан миром. Разумею же истинный храм Божий — всесвятое Тело Его, как Сам он называл его, *разрушьте*, говоря, *храм сей* (Ин. 2, 19).

СЛОВО ШЕСТОЕ

Каким образом сохранить нам жизнь, полученную через Таинства

1. Жизнь, полученная через Таинства, — это то, что из жизни во Христе относится к Самому Христу и что причисляется Ему единому. Поскольку устроить жизнь в начале зависит от одной руки Спасителя, а сохранить утвержденную и оставаться живыми есть дело и нашей ревности. Здесь необходимы и человеческие силы, и содействие со стороны нашей, чтобы, получивши, не потерять благодать, но до конца сохранить ее и отойти отсюда, имея в руках сокровище, и стремиться ко Христу, хотя бы нужен был и подвиг.

2. И это по всей справедливости должно составить часть нашего слова о жизни. Поскольку, получив жизнь, в делах наших прилично и сообразно не довольствоваться этим и не сидеть в бездействии, как бы все уже имели, но надлежит заботиться о том, чем сохранить ее; подобным образом и здесь к сказанному о первом нужно приложить речь о втором, и сказав о том, откуда у нас жизнь, как и чем достигаем ее, должны изъяснить и то, что нужно делать, чтобы не лишиться ее.

3. А это есть добродетель и жизнь по правому слову. Об этом сказано у многих древних и многих последующих, и, кажется, не остается ничего, о чем бы нужно было сказать, и потому есть опасность, что мы предпринимаем излишний труд.

4. Но если не присоединим сего, слово не может быть полно; потому опустив то, что свойственно каждому роду жизни человеческой, считаем нужным сказать о том, какая общая всем нам обязанность к Богу.

5. Никто не скажет, что одна и та же добродетель у людей управляющих общественными делами, и у занимающихся только своими собственными; равно у тех, кто после купели ничего более не обещал Богу, и у тех, кто ведет жизнь отшельническую, кто предположил сохранять девство, и не иметь ничего своего, и не быть господами не только над стяжанием, но и ни над собою самими.

6. Что составляет общий долг для всех имеющих имя от Христа, как обще у них и самое именование, и что должно совершать всем одинаково, в опущении чего во всем ином преуспевающие не могут получить извинения, хотя бы указывали на возраст, или на ремесло, или на случай, или на иное что, или на болезнь, или на пустыню, или на город, или на шум, или на иное что-либо, чем обыкновенно извиняются обвиняемые, тогда как никто не может защититься этим, есть то, что всем нужно не противодействовать воле Христовой, но всячески сохраняя Его законы, располагать жизнь для благоугождения Ему.

7. И нельзя сказать, что это превышает силы человека, так как не было бы положено наказания престоупающим закон, и из христиан нет ни одного, кто бы сам по себе не сознавал, что обязан весь закон приводить в исполнение. Ибо приходя к Нему в начале, все одинаково обещали во всем следовать Ему, и когда связали себя такими обетами, тогда уже и сподоблялись Таинств.

8. Таким образом, заповеди Спасителя составляют общие для верующих обязанности, и для желающих исполнять они и возможны и весьма необходимы, и без них невозможно прийти ко Христу тем, кто отстоит от Него большей и лучшей частью, желанием и волей.

9. Необходимо волей сообщиться с Тем, с Кем сообщаемся кровно, а не так, чтобы в одном согласуясь, в другом отделяясь, иногда любить, иногда враждовать, быть чадами, но заслуживающими порицания, быть членами, но мертвыми, для каковых уже нет никакой пользы в том, что они росли и были рождены вместе с телом, как и для ветви, отделенной от истинной лозы виноградной, которой конец быть выброшенной вон, и засохнуть, и быть брошенной в огонь.

10. Посему избравшему жить во Христе следует соединиться с сердцем и оною главой, — ибо не извне жизнь наша, что невозможно для тех, кто не желает этого, а нужно, насколько возможно человеку, волю свою упражнять по желанию Христову и устроить ее — желать того же, чего хочет Он и утешаться тем, о чем радуется Он. Ибо противоположные желания не могут совмещаться в одном и том же сердце.

11. Злой человек из злого сокровища сердца своего ничего иного, сказано, не умеет изнести, кроме зла, а добрый выносит доброе (см.: Лук. 6, 45); и у верующих в Палестине, поелику они желали одного и того же, *было*, сказано, *одно сердце и одна душа* (Деян. 4, 32). Подобным образом, если кто не общается со Христом волей, но противится тому, что повелевает Он, то и жизнь свою располагает не по одному с Ним сердцу, но явно зависит от иного сердца, поскольку, наоборот, по своему сердцу обрел Он Давида, ибо он говорил: *заповедей твоих не забуду* (Пс. 118, 176).

12. Если же нельзя жить, не завися от сердца, а зависеть нельзя не желающим того, то, чтобы могли мы жить, посмотрим, как можно любить то же, что и Христос, и утешаться тем же, чем Он.

13. Начало всякого дела есть желание, а начало желания — помысел. Итак, прежде всего нужно стараться отвращать око души от суетного и иметь сердце всегда полное благих помыслов, чтобы, оставшись пустым, не сделалось оно вместилищем помыслов лукавых.

14. Хотя много есть такого, что можно сделать предметом попечения и делом души, наслаждением и упражнением ума, но приятнее и полезнее всего и говорить, и размышлять о Таинствах и о том, какое мы получаем от них сокровище. Ибо кто мы были прежде получения Таинств и какими стали, приняв их, и каково прежнее рабство, какова же настоящая свобода и Царство, и сколько благ уже даровано нам и сколько еще обещано, и прежде всего, Кто виновник всего этого для нас и какова Его доброта, с какой благостью и сколько возлюбил Он род человеческий, и какова эта любовь!

15. А когда разум занят и душа наполнена этим, не легко помыслу взирать на иное и желанно стремиться к иному, поскольку оно так хорошо и так привлекательно. Благодеяния эти преобладают своим множеством и величием, а любовь, которая побудила к Нему, выше постижения помыслом человеческим.

16. Как человеческая любовь, когда усилится чрезмерно и сделается выше силы приемлющих, выводит любящих из себя, равным образом любовь к людям до умаления низвела Бога.

17. Ибо не на месте пребывая, призывает к себе раба, но Сам, низойдя, ищет его, и богатый приходит в обиталище бедного, и пришедши Сам Собою, показывает любовь и желает равной любви, и отвергающего не удаляется и на оскорбление не гневается, и будучи изгоняем, приседит дверям и все делает, чтобы показать себя любящим, и переносит мучения, и умирает.

18. Ибо две вещи обнаруживают любовь и доставляют торжество любящему, — всем, чем можно благотворить любимому и соглашаться терпеть за него жестокости, и, если нужно, за него пострадать. И хотя последнее доказательство расположения гораздо важнее первого, но оно невозможно было для Бога, бесстрастного ко всякому злу. Будучи человеколюбив, Он мог благодетельствовать человеку, а терпеть за него раны не мог; а так как любовь Его была чрезмерна, а знака, каким бы выразить ее, не доставало, а надлежало, — не скрывать, как сильно любит Он, но дать нам доказательство самой высшей любви, и показать самую крайнюю любовь

19. Он измышляет истощание, делает и совершает то, через что соделался бы способным терпеть жестокости и страдания, и тем, что претерпел, доказав, как чрезмерно любит. Он обращает к себе того, который бежал от Благого, думая, что подвергся Его ненависти.

20. И что всего удивительнее, не только претерпел, перенося жестокости и умерши в ранах, но и оживив и воскресив от тления тело, еще сохраняет эти раны и носит на теле язвы, и очам Ангелов является с ними, и считает их украшением, и радуется, показывая, что претерпел жестокости; иное телесное Он отринул, и тело Его духовно, и не осталось в Нем ничего тяжелого,

грубого и иной страсти телесной, а ран не отринул совсем и не изгладил в конец язвы, но показывает, что по любви к человеку любит и их, поскольку через них обрел погибшего и, претерпев мучения, нашел возлюбленного.

21. Ибо иначе как было бы сообразно оставаться следам ран в бессмертном теле, когда и в телах смертных и тленных уничтожает их искусство и природа? Но как будто у Него было желание часто страдать за нас, поелику же сие невозможно, так как тело Его зараз освободилось от тления, и вместе шадит Он людей, которые стали бы наносить раны, то, по крайней мере, знаки смерти восхотел сохранить на теле и навсегда сберечь письмена ран, какими принял начертание при распятии, чтобы ясно было, что Он распят был за рабов и ребра Его пронзены, и чтобы сие осталось и при неизреченном оном свете и послужило украшением для Царя.

22. Что может сравняться с этою любовью? Что возлюбил человек столько? какая мать столько нежна и какой отец столь чадолюбив? Или кто из добрых имел такую сильную любовь, чтобы, претерпев раны от любимого, не только перенести их по причине любви, не только сохранить любовь к неблагодарному, но и самые раны предпочитать всему?

23. Впрочем, это дело не одной любви, но и великого уважения, знак высшей чести — не стыдиться немощей естества, но с язвами, которые наследовал от человеческой немощи, возсесть на Царском Престоле. И не природу только удостоил сего, а презреть каждого человека в отдельности, но всех призывает к сей диадеме, всех освободил от рабства, всех соделал сынами, всем отверз небо и показал путь, и чтобы можно было возлететь к Нему, — для сего и крылья дал, и не удовольствовался тем, но и Сам предходит, и подкрепляет, и утешает расслабевающих.

24. И еще о большем не сказано: после чего не владыкой остался для рабов, и, сообщая им Свои блага, не руку только подает, но Себя Самого всецело отдает нам, почему мы храм живого Бога и суть члены Христовы; а Главе же этих членов поклоняются херувимы, ноги сии, руки сии зависят от Его сердца.

25. Об этом размышлять нет ничего полезнее и приятнее. Ибо когда об этом размышляем, и эти помыслы занимают душу, во-первых, не бывает доступа к нам ничему худому; потом познавшим благодетеля удобно исполниться любовью к Благодетелю, а возлюбив Его так сильно, мы соделываемся исполнителями Его заповедей и общниками Его воли, ибо *кто любит Меня*, — сказано, — *заповеди Моя соблюдает* (Ин. 14, 21).

26. Подлинно, познав собственное достоинство, каково оно, не легко предадим его и не потерпим рабства беглому рабу, когда сознаем у себя самих царскую власть; не отверзем уст для лукавого слова, если будем иметь в уме Трапезу, и то, какой Кровью обогреем сей язык.

27. Как будем обращать глаза свои к чему не должно, после того как взирали ими на сии Страшные Таинства? Не будем устремлять ног и простирать руки к чему-либо худому, если будем иметь в душе действительный помысел о них, что они суть члены Христовы, и священные, и, подобно фиалу, носят кровь Его, даже более, всецело одеяны Самим Спасителем, не как одеждой, и не как кожей природной, но настолько совершеннее сего, насколько это одеяние ближе соединяется с одетыми, чем кожа с костями.

28. Ибо те можно отсечь и против желания, а Христа не может отделить никто из людей и демонов, ни настоящая, — говорит Павел, — *ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь* (Рим. 8, 39), сколько бы ни имела она могущества.

29. Ибо у мучеников Христовых лукавый руками мучителей мог отрывать и снимать кожу, отсекал члены, сокрушал кости, изливает внутренности и расторгать утробы, но чтобы совлечь их одеяние и обнажить блаженных от Христа, то в этом отношении настолько обманывался в своих замыслах, что тем же самым, чем думал совлечь, облакал гораздо более прежнего.

30. Итак, что же может быть священнее того тела, с которым Христос соединен теснее всякого естественного соединения. Итак, мы почтим его и соблюдаем честным для Христа, если, зная о сей чудной его светлости, будем всегда иметь ее пред очами души.

31. Если храм, и сосуды, и иное что-либо священное, как скоро сознаем, что оно священо, всячески сохраняем неприкосновенным, тем более не предадим большее сего: ибо ничто не священо столько, как человек, с которым и которым и по естеству соединился Бог.

32. Помыслим, кому всякое колено поклонится небесных и земных? Кто придет на облаках с силой и славой многою, блистая паче всякого сравнения? Это человек и вместе Бог. И каждый из нас истинно может просиять паче солнца, носиться на облаках, узреть самое тело Божие, к Нему вознестись, к Нему взлететь, приблизиться, и явиться в мире.

33. Когда явится Владыка, окружит его лик благих рабов, и когда воссияет Он, воссияют также и они. Какое зрелище — видеть бесчисленное множество светильников на облаках, людей, возносимых для того, чтобы принести хваление выше всякого образца, множество богов вокруг Бога, красивых вокруг прекрасного, рабов около Владыки, который не завидует тому, если кто из них сообщится Его светлости, и не думает, что меньше будет Его собственная слава, если примет Он многих участников царства, как владеющие людьми поступают с подчиненными им; ибо хотя дают им все, но и во сне не дозволяют им считать себя общниками в скиптре.

34. Не рабами считает их и не рабскими почестями чтит их, но, почитая их своими друзьями и сохраняя закон дружбы, который сам же учредил от начала, все делает общим, и не то или другое только, но дарует им самое Царство, самую диадему. На что иное взирая, сказал блаженный Павел: наследники Богу, сонаследники же Христу, и что царствовать будут со Христом те, кто с Ним участвовал в страданиях?

35. Что найдем столь приятное, чтобы могло оно сравняться с этим зрелищем? Лик блаженных, множество торжествующих. Он молниеобразно сходит с неба на землю, а земля иные солнца возсылает к солнцу правды, и все исполняется света.

36. Здесь те, кто заботами, и злостраданием, и трудами, и попечением о подобных себе доказали свое стремление ко Христу; там те, кто подражал страсти Его, и предав себя мечу, и ог-

ню, и смерти, еще показывают раны на блистающих телах своих, и следами язв хвалятся, как бы победной надписью — лик ратоборцев с славными ранами вокруг царя, победившего ради страданий, и как говорит Павел: за приятие смерти славой и честью венчанного! Когда мы размышляем о этом и к тому устремляем свои помыслы, очевидно становится достоинство наше и ясно человеколюбие Божие к нам.

37. Оно не допустит нас взирать на лукавое, и если случится пасть, удобно восставит нас. Многое, конечно, противодействует нам во спасение, но более всего то, что, согрешив, мы отказываемся тотчас обратиться к Богу, но, стыдясь и срамляясь, трудным почитаем путь к Нему, и думаем, что Он разгневан, и враждует на нас, и что желающему прийти к нему нужно великое приготовление; но человеколюбие Божие совершенно изгоняет из души сей помысел.

38. Кто ясно знает, сколько имеет Он снисхождения, и как еще глаголющу (грешнику) говорит уже: аз приидох, что препятствует согрешающим тотчас же приступать к Нему? Ибо в том злокозненность против нас и коварство общего врага, что приводя ко греху, он возбуждает бесстрашие и дерзость, а дерзнувшим на гнусное и павшим влагает стыд и неуместный страх, чтобы первым приготовить к падению, а вторым не допустить до восстания, иначе, одних отвлечь от Бога, других не допустить обратиться к Нему, и таким образом посредством противоположного вовлечь в одну и ту же бездну.

39. Того со всем тщанием беречься должно, и одинаково убеждать, — и бесстрашия прежде греха, и стыда и страха после него, от которых нет никакой пользы.

40. Этот страх есть не возбуждение, а некоторое оцепенение душ, и стыдимся ран не для того, чтобы найти, чем уврачевать их, но чтобы убежать от очей Спасителя, как и Адам сокрылся по причине раны, убегая руки Врача; между тем как ему надлежало искать, чтобы не торжествовал над ним грех, а он, указывая на жену, прикрывал, сколько было возможно, немощь своей воли; и после него Каин, желая скрыться, думал, что можно утаиться от Того, у Кого все пред очами.

41. Полезно и страшиться и стыдиться и сокрушать дух и ослаблять тело, когда все это может вести к Богу, ибо *по плодам их*, — сказано, — *узнаете их* (Мф. 7, 16). И хотя за грехом следует не стыд только и страх, но и тяжкая некая печаль, но от нее не бывает никакого вреда для знающих хорошо человеколюбие Божие.

42. И хотя бы самое крайнее зло сознавали они за собою, но не теряют надежды, знают же, что ничто не выше прощения, так чтобы могло победить благодать Божию, печаль же имеют они спасительную и заботятся о том, чем увеличить ее, а иную расслабляющую изгоняют благой надеждой.

43. Печаль о грехах двояка: одна исправляет, другая же для одержимых ею служит гибелью, ясными свидетелями этому служат одной — блаженный Петр, другой — Иуда злочестивый; из коих в одном печаль спасла волю и после горького плача соединила со Христом нисколько не менее, как и до греха против Него, а Иуду довела до удушения.

44. И отошел он, неся узы во время общего освобождения, и когда проливалась кровь очистительная для всего мира, отчаялся в очищении одного человека — себя самого. А зная это, чтобы могли мы одной искать, другой избегать, для этого нужно иметь в виду различие каждой страсти и то, чем одна производит для нас добро, другая зло.

45. Поскольку же, согрешая, мы делаемся худыми и пред Богом, и пред самими собой, то скорбь о неблагодарности пред Владыкой не принесет никакого вреда, а напротив, бывает для нас весьма благовременна, а другая скорбь касательно нас самих, когда мы, видя себя предназначенными к чудному некоему жребию и потом видя себя обличенными в том, что прегрели против должного, скорбим и сокрушаемся, и тяжким неким раскаянием утесняем сердце, как бы не надлежало и жить тем, кто впал в такого рода зло.

46. Таковой скорби должно отвращаться, так как она есть причина смерти и делает нас повинными многому, другая же печаль о Господе возбуждает любовь и научает ясно уразумевать благодетеля, что противодействуя Ему, мы никакой не приносим пользы себе, а напротив, обращаемся к злу.

47. Как дерзость, так и бывающая от нее печаль души есть зло, и опять — как любовь ко Христу всего похвальнее, так нет ничего для благомыслящих блаженнее того, что уязвленные здесь стрелами скорбят и сокрушаются душой.

48. Поскольку же исполненная благодати печаль зависит от любви ко Христу, а любовь от помышлений кто имеет предметом Христа и Его человеколюбие, то их преимущественно должно содержать в памяти и обращать в душе, и в сем занятии не знать отдыха, но внимательно и внутри себя размышлять о том, и в собраниях их соделывать наслаждением языка и предметом беседований, и кроме того стараться, не развлекаясь ничем, постоянно оказывать сию ревность, в продолжение ли всей жизни, или как можно чаще, чтобы могло оно напечатлеться в душе и вполне обнять все сердце.

49. Как огонь ничего не сделает с тем, чего коснется, если не будет поддерживаем постоянно, так и преходящий помысел не может расположить сердца к какой-либо страсти, но нужно, чтобы он пребывал продолжительное время. Так и помыслы, возжигающие страсть от ощущения прекрасного и приятного (так как чувства обыкновенно действуют в нас от начала, а помыслы рождаются от них), сродственны и современны нам, и легко преклоняют к чему хотят или тем, что приятны, или тем, что присущи нам долгое время, а достигшие в последующее время разума и его любомудрия имеют нужду в большой ревности, хотя бы на короткое время и в постоянной сосредоточенности, чтобы получить какое-либо расположение к добру, которое не тотчас же становится приятным и поздно входит в слишком наполненных многим приятным.

50. Только усиленным старанием, отсекая долговременность привычки к ним, можем мы внести истинное вместо кажущегося и доброе вместо приятного; почему не должно удивляться, если лучшие помыслы не всегда одерживают верх над злыми, и лучшие не более худших имеют силы у живущих разумом.

51. Для того чтобы можно было сделаться благим, думаю, недостаточно узнать то, чем можно убедиться быть благим, но нужно и жить с заботой, и пребывать с размышлением, и истинное

слово приобретать не познанием только, но и пользоваться им к тому, что нужно; как и пища, и оружие, и врачевство приносят пользу не тем, кто знает только о них и имеет их, а помогает тем, кто пользуется ими на самом деле.

52. Если же из помыслов худые, внедлившись, занимают ум, а от чувствований благих мы удаляемся, едва только вкусивши их, что удивительного, когда зло имеет силу, и лукавые помыслы, будучи в действии, занимают всю область души, а добрые, будучи без действия, изгоняются совсем как побежденные?

53. Нет ничего странного в том, что знающий не построит дома, или врач не вылечит больного, или иной кто из художников не сделает своего дела до тех пор, пока не будет пользоваться своим искусством; нет также ничего удивительного в том, если кто, имея здоровое слово, а деятельности не имея, не получает никакого плода от ревности.

54. Ибо оружием пользуются против нападающих, управляя им как следует, а искусством действуя, как оно учит, а лучшими из помыслов мы пользуемся как лучшими советниками, направляя ум не столько к тому, чтобы узнать что нужно, сколько к тому, чтобы убедиться в познанном и иметь любовь к нему как к истинно прекрасному, что требует постоянного попечения. Поскольку же и, наоборот, в отношении к худым помыслам — заниматься ими и питать их в душе — губительно, а просто знать их нисколько не вредно, потому необходимо здесь убежать попечения, а там усиливать его.

55. Желать благого не есть еще дело, ибо не предшествует никакая ревность о деле. А для того чтобы получить и сохранить имеющее нужду в труде, необходимо расположение к действию и порядок, почему мы могли бы добровольно избрать такие подвиги, так как не легко выбрать для себя труд.

56. Подкреплением в подвигах всегда служит любовь к тому, ради чего подвизаемся; она делает приятными труды, хотя бы они были чрезмерно тяжелы, любовь же к доброму воспламеняет не что иное, как внимание к нему ума и познание его красоты. И это есть тот огонь, который от размышления о Боге воспламеняется в душе пророка.

57. И в поучении моем, говорит, *разгорится огонь* (Пс. 38, 4). В другом месте он же, показывая, о чем должно быть попечение и какому человеку свойствен тот труд, последнего называет мужем блаженным, а первое именует законом Божиим; *блажен муж*, говорит он, *иже в законе Господни поучится день и ночь* (Пс. 1, 1, 2).

58. Если попечение о писаном законе может возжигать тот огонь, что может соделать закон Духа, который один вложил в людей истинную любовь к Богу и воспламенил огонь желания, ничем не угасимый, ни удовольствиями, ни иным чем, ни настоящим, ни будущим?

59. Потому, кажется мне, и явился Он, низойдя в огненных языках, что принес любовь всеобъемлющую, наподобие огня, поскольку прежде и Самого учредителя закона любовь низвела на землю, и самое тело Законоположника есть плод человеколюбия, и кроме того весь закон Его полон любви, и ее показывает Он во всем, в чем можно, ее вводит, к ней убеждает, ее получая от нас, почитает достаточным даром за то, что даровал нам.

60. Ибо не приказывает, как рабам обязанным, но как будто понесли мы предварительно многие для Него труды, много оказали Ему расположения и любви, приходящих к Нему Он тотчас же призывает к общению с Собой; Я, говорит Он, подвизался ради Царства и многими трудами сплел венец, а вы без трудов получаете его; взамен прошу вас не любить ничего более Меня. О, неизреченная благость, что не только Сам чрезмерно любит нас, но и так высоко ценит то, чтобы быть любимым нами и все делает для этого.

61. Ибо для чего устроил он небо, и землю, и солнце, и видимый мир, и красоту невидимого, и устроил все мановением своим, и через нее научает всякому любомудрию, как не для того, чтобы, обратив к себе, убедить нас возлюбить Его? И вообще, как люди самые пламенные в любви, Он показывает нам и мудрость, и благость, и художество, чтобы вложить в нас любовь к Себе.

62. И так высоко ценит это дело, и так важным почитает его, что совершив для него все, что прилично природе Божеской, Он не удовольствовался им, но перешел в другую природу, чтобы и

ей воспользоваться для того же, чтобы в чем не убедил, будучи Богом, то совершить, сделавшись человеком, и через то и другое — через свое что принес, пришедши на землю, и через чуждое, что воспринял отвне, уловить возлюбленного.

63. Так закон духа есть всегда закон дружества, и сам собой возбуждает к благомудрию, потому нужно внимать ему умом, во-первых, потому, что нет здесь ни усилия какого-либо, ни трудиться не должно, ни иждивать деньги, ни бесславия не будет, ни стыда, и ни в ином чем не соделаемся худшими, но и искусствами можно пользоваться без вреда, и к занятию какому-либо нет никакого препятствия, и полководец может начальствовать войсками, и земледелец возделывать землю, и правитель управлять делами, и ни в чем не будет иметь нужды из-за сего.

64. Нет нужды удаляться в пустыню, ни питаться необычной пищей, ни переменять одежду, ни расстраивать здоровье, ни на иной какой-либо решаться смелый поступок, но можно сидя дома и не теряя ничего из своего имущества, постоянно заниматься этими помыслами. Что воспрепятствует этому быть полезным, когда кроме сего удобно совершать и нужные труды?

65. Если нам, как людям и имеющим возможность размышлять, необходимо размышлять о чем-либо, почему не размышлять о лучшем? Если размышляющим о суетном и худом, в чем нет никакой пользы, никогда не приходит на мысль, что это может сделать худшим судьбу, искусство, имущество, или иное что относящееся к жизни, тем менее можно упрекать в том благие помыслы и доброе обвинять во зле.

66. Они не противодействуют ничему полезному, и нет в них ничего неприятного, так что можно назвать их самой радостью. Ибо если мы радуемся о прекрасном, конечно, ничего не может быть лучше помыслов, которые предметом своим имеют Христа и Его человеколюбие; потому что и в тех самых делах, в которых последний предел добра, никто и с трудом не найдет ничего приятного и достойного любви, что приличествовало бы нам более этого.

67. Не только близких по плоти и родителей, но и нас самих родственнее нам Христос, как показано в предшествовавших

словах. Потому и для размышляющего о душе ничего не может быть свойственнее помыслов о Нем, потому что Он через них становится свойственнее и сродным нам, и через них жизнь для получивших крещение душ становится превосходнее всего, что называют приятным. Разумею же тех, кто по крещении не очень ожестел, как чудный Стефан некоторых из евреев называет *с необрезанным сердцем и ушами* (Деян. 7, 51).

68. Таким образом, из сказанного ясно, что от этих помыслов не может быть никакого вреда для человеческой жизни, а доставляют они удовольствие и радость размышляющим. А то, что это полезно и помогает полезному, и содержит все лучшее и благовременное, уже показано и очевиднее откроется далее, если тщательнее будем рассматривать.

69. Чтобы занять душу благими помыслами, прежде всего нужно удаляться худых помыслов, непосредственно же за тем через Таинства получить луч, свободный от немощей. Нам, несколько не трудившимся, это доставляет обилие всех благ; потом нужно, чтобы и самые помыслы своими средствами производили свое дело, и сердце занимаемо было лучшим из всего; ибо как от худых помыслов рождаются худые страсти, подобным же образом и добродетелям следует происходить от добрых помыслов.

70. К тому, чтобы принять то или другое намерение, говорить что или делать, или переносить, или избрать что-либо, всегда убеждают помыслы и размышления, потому учителя добродетели благовременно влагают живущим с ними помыслы прекрасные, а злые демоны, напротив, внушают нечистые образы; стараясь одних сделать искусными в нечестии, других — исполнителями долга.

71. Итак, необходимо всякое достохвальное попечение о том, чтобы самым делом содействовать добродетели, а размышлять о Христе и о том, что Он, будучи человеколюбив, измыслил ради моего спасения, составляет для нас самую вожделенную жизнь, и во всем соделывает блаженными.

72. Чтобы яснее видеть это, посмотрим, какие подвиги совершающих назвал блаженными Сам Христос, — не все ли в них

зависит от этих помыслов? Кого же ублажил Он, единый истинно блаженный? Нищих духом, плачущих, кротких, алчущих и жаждущих правды, милостивых, чистых сердцем, миротворцев, терпящих гонения и всякие оскорбления ради правды и ревности о Христе; таковые приемлются в блаженную жизнь.

73. Так, если, рассмотрев, увидим, что от подобных помыслов составляется этот прекрасно устроенный лик, и ими соплетаются венцы, всем ясно будет, что занятие сими помыслами и попечение о них есть безопасный путь к блаженной жизни, и восхождение, и лестница, или иначе как назовешь сие.

74. О первом блаженстве, что нищета духовная получает преуспеяние посредством сказанного размышления.

Во-первых, нищета духовная, и то, как говорит Павел, чтобы не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать, но мудрствовать в целомудрии (см.: Рим. 12, 3), кому может принадлежать, если не тем, кто разумеет нищету Иисусову.

75. Который и природой и образом жизни приобщился рабам, будучи владыкой, и соделался плотью — будучи Богом, и убожество избрал других богатыщий, и претерпел бесчестие Царь славы, и водим был в узах свободивший род человеческий, и принял осуждение беззаконных пришедший исполнить закон, и поругания судей, увеселявшихся неистовством и воплями народа, претерпел Тот, Которому Отец дал весь суд.

76. Какого гордеца не уничтожит это! С другой стороны, когда возбудится превозношение по причине добродетелей, если кажутся они превосходными, размышляющий о Христе познает, что не совершил он ничего великого и сам по себе не только не имеет силы освободиться от плена, но и по освобождении не может сохранить чистой свободы.

77. Он кровию искупил нас и даровал нам свободу, приобретя ее такой великой ценой. Кто же из освобожденных пребыл в том, что получил и до конца неприкосновенным сохранил духовное богатство, а не преуспев в сем великом, уже не может быть почтен мало согрешившим против благодати.

78. Чем же нам, по собственному сознанию, можно величаться, когда собственная наша добродетель сама по себе не ве-

дет ни к чему полезному? А если есть в нас истинное добро, это влагает в нас Бог без всяких трудов наших, притом чтобы и отвне привнесенное богатство сохранить безопасно, по подобию бездушных сокровищниц, и к тому мы мало способны.

79. И после нового рождения, и претворения в воде, и исполненные огня Трапезы даже любомудрственнейшие из людей так слабы оказываются для добродетели, что постоянно имеют нужду в Священной Трапезе, и в очистительной Крови, и в вспомоществовании свыше, чтобы не ниспасть в последнюю злобу.

80. Ясные свидетели этого те, кто, отказавшись от трудов ради блага и добродетели, сделались потом дерзновенными во всем злом. Они, удалившись в горы, избегая шума и общественной жизни как язвы, чтобы внимать одному Богу и, насколько возможно людям, преуспев во всем лучшем, так что во всем имели великую силу перед Богом, когда ослабевали несколько в уповании на Него и во всецелой вере в Него, тотчас же дерзали на все самое худшее, и предавались всякой нечистоте.

81. Чем же превозноситься? Добродетелями? Но в нас нет ничего великого. Тем, что велико в нас? Но оно не наше. Тем ли, что сохранили полученное? Но мы потеряли его. Тем ли, что носим печать Христову? Но это самое и служит доказательством того, что не носим ее.

82. Ибо у превозносящихся нет ничего общего с Тем, Который кроток и смирен сердцем, а при помыслах об этом бывает, что превозношение падает само собою и страсть проходит. И если мудствуем, о чем должно, мы не высокоумствуем, если же высокоумствуем, то при том самом высокоумствовании, сознаваясь, что удаляемся от Христа и не имеем ничего доброго, не будем высокоумствовать о себе как о людях худых.

83. О втором блаженстве, что печаль по Боге получает преуспеяние посредством сказанного размышления.

Размышляющим о Христе следует и скорбеть, и плакать, если только размыслит кто о том, что Он новоузаконил касательно нашего спасения, и какова наша леность, и обдергающий нас сон.

84. Нас огорчает или потеря драгоценного и воспоминание о благах, потерянных нами, располагает к слезам, и тогда мы познаем, каково богатство, которое, имея в руках, должны были бы удерживать, а вместо того погубили, или сознание того, как велика неблагодарность наша к столь любочестивому благодетелю, уязвляет и сокрушает душу, и тогда становится особенно ясным, какую Он оказывает к нам кротость и человеколюбие, и какое мы в отношении к Нему оказываем нерадение.

85. Прежде всего Он сошел с неба, взыскав нас, и как бы со сродными себе заговорил с нами голосом и показал сродный нашему вид, сделал так, чтобы мы любили Его или как сродного, или как лучшего, (а Он был и тем и другим), дабы, соединив в себе то, что рождает любовь в приходящих к Нему, возбудить нас к самой сильной любви; потом, увеличивая содружество, присоединил и сие.

86. Поскольку каждый любит себя самого, любит и сродного себе, то чтобы и в этом отношении удержать за собой лучшее право на любовь (чего желает всего более), и чтобы от всех получить не такое расположение, с каким относимся мы к сродным, но такую любовь, какой любим мы самих себя, Он не удовольствовался быть только сродным нам, приняв то же естество, но сделал нас общниками самого Тела и Крови и Духа, чтобы, на деле соделаться для каждого прилепляющегося к Нему другим я.

87. Если же Он так взыскал нас и ни одного способа дружелюбия не оставил не испытанным для себя, но и благодетелем показал себя и братом, и соделался для нас вместо нас самих, и не хотением и мановением только, как сотворил Он небо, но потом и трудами, что никаким образом не свойственно Ему, и страданием, и бесчестием, и язвами и, наконец, смертью. Но мы не только не сохраняем благодарность к Нему, во всем благому к нам, и не стараемся воздать Ему, но еще настолько неразумны, что прилепляемся к тому, что Он ненавидит, и от чего отводит нас, того мы держимся, и к чему убеждает нас, от того бежим мы, и таким образом оказываем неуместное лукавство.

88. Какого плача и каких слез заслужили мы, которые все иное считаем достойным внимания, а Спасителем и домострой-

тельством Его пренебрегаем так, как будто другим кому-либо нужно искать Его, а не для нас было несказанное Божие промышление! И в отношении к житейскому считаем долгом воспользоваться чем нужно, и в словах, и в делах, и всяких художествах, и во всем относящемся к жизни, нужно ли возделывать землю, или управлять войском, или иное что-либо делать на общую пользу или для самих себя — всюду ищем должного и пользуемся благовременным случаем и вообще во всех делах всюду имеем в виду приличие и справедливость и ко всему относимся со вниманием, только в отношении к тому, что поистине наше, о том, как должно сохранять его и как оказать справедливость к нам самим, — о том заботимся всего менее, как будто считаем себя хуже всего прочего.

89. На что нам должно обратить внимание, как не на новозаконие, которым Он потряс и изменил все, по которому то, что превыше небес, стало зримым на земле, и земля взошла выше самого неба, и связан узами общий тиран мира, а бывшие связанными попирают главу мучителя, и зрится Бог, носящий тело, и притом подверженное язвам, имеющий кровь и ее проливающий на кресте, и потом мертвый по человечеству колеблет землю и приносит жизнь мертвым, и все это для того, чтобы человек познал Владыку, и восстал от земли, и взирал на небо. Когда все так совершенно, люди еще спящие и подобные статуям, ничего не чувствующим при громе, не бедственнее ли всех?

90. И не справедливо ли, чтобы все время жизни почитали они временем плача? Ибо что мы оплакиваем? Болезнь? Но не болезнует ли в нас самое лучшее? Убожество? Но мы поступаем настолько хуже убогих, насколько необходимее здесь и прекраснее сие богатство; убожество прекратится после настоящего века, а этого бедствия не может окончить и смерть, но в будущем веке принесет нам еще больший стыд. Достоин сожаления безумие? Не отнимает ли демон наш разум, наполняя его таким безумием?

91. Если ходить по острым ножам и прохаживаться по стременинам, не признавать друзей и припадать к самым зложелательным людям свойственно безумным, то мы не убегаем ли от

Любящего, не ищем ли врага в своих поступках, не спешим ли к геенне, делая все, что низвергает в нее?

92. Таким образом, когда сами сознаем эту тяжесть, следует нам печалиться и плакать. А от того мы будем сознавать самих себя и правильно ценить истину, и не погрешать незнанием о своей злобе; если узнаем благополучие и богатство, будем мудрствовать о том, чем воспользоваться можем мы, не принося ничего, кроме желания, так как все уже приготовлено Христом для нас, когда мы нисколько не трудились.

93. Всего более тревожит сердце — быть злополучным; когда можно избрать благополучие и имеющим возможность жить во свете — оставаться сидеть во тьме. То извлекает слезы не только у беспечных, но и у самых ревностных, и у них преимущественно, так как более чувствуют они вред.

94. Ибо и в этом, и еще в более тяжком обвиняют они себя и почитают себя достойными самого худшего, когда помыслят об обнаженном пожертвом на кресте Боге, Которому все служит и Который совершает полное за нас воздаяние. Будучи Богом, Он принял природу человеческую, чтобы из людей соделать нас богами и землю заменить небом, рабство — царством, обдержавшее нас беславие — истинною славой, для того Творец неба оделся землей, Владыка по естеству — зраком раба, Царь славы — крест претерпе, о срамоте не радив.

95. О третьем блаженстве, чтобы и кроткими быть преуспеяние получается от сказанного размышления.

Много есть такого, чем Спаситель внес в мир истинное любомудрие касательно кротости и того, чтобы обуздывать гнев и не огорчаться на оскорбивших, но самые лучшие и высшие образцы кротости предложил и тем, что соделал, и тем, что претерпел, пострадав.

96. Во-первых, за оскорбивших Его принял плоть и кровь, и пришел, ища разрешить тех, которых мог обвинить в самом тяжком нечестии, и когда потом они порицали благодеяния, которыми исправлял Он природу, не перестал Он благодетельствовать им, но за то, что изгонял из людей демонов, слыша, что называют его веельзевулом и начальником демонских сил,

и иное самое нечестивое, тем не менее, не перестал изгонять, и одного из учеников, замыслившего погибель его, не только не изверг из лика учеников, но жил с ним, как прилично жить с друзьями, и общение соли имел с убийцей, и предателю преподавал неизреченное Таинство и самую Кровь, и наконец допустил его обнять Себя и лобызать, и простерся к самому удивительному из всего.

97. Кому благодетельствовал, от тех умер, сами получившие благоденствие вонзили в Него меч, друг предводительствовал в убийстве, целование служило знаком убийства, и все перенося, Он был так кроток и человеколюбив, что когда один из учеников его ранил одного из злодеев, Он не презрел раны, но, коснувшись раненого члена, тотчас исцелил его, и когда таким образом показал знак и превосходящей силы и крайней кротости, тех, кто их не убоился и не постыдился, не погубил и не одождил на нечестивых огнем, не поразил их громом, хотя они достойны были и еще худшего.

98. Тот, на которого Ангелы не могли взирать без страха, следовал за влекущими Его и дозволил связать руки, которыми разрешал узы болезни и разрушал тиранство демонов, и ударившему его в ланиту злейшему рабу не причинил вреда, но весьма кротко и человеколюбиво удостоил его слова, и исправлял его разумение.

99. Потом, когда осудили Его злочестивые судии на смерть, Он в молчании перенес приговор их, и принимая казнь, и будучи уже пригвожден к древу, Он не отказался от любви своей к убийцам до того, что просил дерзость их против Единородного не вменить им в вину, и не только просил о них, но и защищал их, и слово защищения было весьма пламенно и милостиво.

100. *Отче! Прости им,* — сказал Он, — *ибо не знают, что делают* (Лук. 23, 34). И как чадолюбивый Отец, снисходя к неразумию малолетних детей, дает им кроткое увещание; и после тех слов Он умер.

101. Когда же воскрес Он и надлежало общниками торжества соделать своих учеников, в ком оставалось знание, Он не припомнил обиды, что оставили Его, убежав среди опасностей,

а созвал учеников, и, указав, где должно им сретить Его, когда явился им, не упрекнул их в бегстве и не вспомнил против них ничего подобного, ни о том, как все утверждали, что будут общниками в смерти Его и последующему, а они не перенесли и зрелища не настоящих уже, а только будущих бедствий, но преподавал им мир и Духа Святого, вверил им попечение о всей вселенной, поставив их начальниками над всей землей.

102. И сделал это для всего лика, а что сделал для верховного, который не один раз отвергся Его и отказался от привязанности к Нему? Он не только не выставил на вид его отречения, и не напомнил о его обетах — участвовать в смерти учителя (чему изменил тотчас без малого даже промежутка времени), но и вестника воскресения послал к нему прежде других, и почтив его так, и по явлении говорил с Ним дружественно и вопрошал о его любви? Больше ли она в нем, чем в других?

103. И когда Петр сказал, что любит, Он опять спросил о том же, и опять услышав: «Люблю Тебя, — снова спросил, — любишь ли» и, кажется мне, не перестал бы еще чаще спрашивать о любви, если бы Петр не ответил с огорчением: ужели знающий все имеет нужду во многих словах, чтобы узнать, что любит Его.

104. И это не было ни незнанием о друге, ни притворством в незнании, ибо одно значило бы заблуждаться, другое обманывать, а ни то, ни другое не свойственно чистой истине, но было это доказательством того, что не помнит Он зла за нарушение прежних обещаний, ибо не других обещаний спрашивает, а старается воспламенить в Петре любовь, едва не подвергшуюся опасности погаснуть совсем.

105. Предлагать такие вопрошения и вызывать такие ответы весьма много имеет силы для дружества, так как и воспоминание о дружбе и разговор о ней не только большим делает дружество, уже существующее, но может возродить даже несуществующее.

106. Так, Спаситель в делах показывается обнаруживающим гнев, а в учении и законоположении что выше его кротости? Ибо Он говорит, что и самой молитвы и жертвы не примет, если приносить жертвы и молиться будем во гневе, и даже отпущения грехов, общего всем дара (который с собою принесет Он

с Неба) не будет давать гневающимся друг на друга, хотя бы, кроме сего, сделали мы все, хотя бы пролили реки пота и слез, хотя бы предали тело свое огню и мечу.

107. Столь высоко поставляет Он кротость, и потому следует, чтобы размышляющие о делах Его имели сердце кроткое в отношении к оскорбляющим их; на что указывая, сказал Он: если узнаете меня, сколько имею я кротости, то укротится и ваше сердце. *Научитесь от Меня*, — говорит Он, — *ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11, 29).

108. Еще и таким образом кротость может быть следствием размышления о Христе. Живущему в таких помыслах необходимо иметь любовь к Священной Трапезе, а так как к ней нельзя приступать тому, кто злопамятен ко всякому оскорблению, то он удержится от гнева и сохранит душу чистой от ненависти.

109. Кровь эта, вначале изливаемая для примирения, не может быть правильно принята теми, кто рабствует гневу и ярости, хотя она и вознесла об убийцах голос свой ко Отцу, как пролитая кровь Авеля, но не обвиняла их перед Ним и не требовала наказания их, как та наказания брата, но и освободила их от наказания, и голос убитого был прощением для убийц.

110. О четвертом блаженстве, что правда получает преуспеяние посредством этих помыслов.

И делателями правды преимущественно пред всеми бывают те, кто живет с этими помыслами, из которых явно, что Владыка мира так почтил правду, что был с рабами, с осужденными, с узв-ленными, с мертвыми, чтобы всем воздать по правде, именно: Отцу — славу и послушание, которого в надлежащей мере никто не мог принести, а мучителю — узы, и презрение, и стыд, так как отнял у него несправедное начальство, и самозванца, присвоившего себе права над ними, изгнал, поражая судом и правдой.

111. О пятом блаженстве, что милостыня получает преуспеяние посредством этих помыслов.

То, чтобы быть милосердыми и общниками со скорбящими в печали, и несчастье других считать своим бедствием, откуда можно получить, если не от этих помышлений, в которых мы и самих

себя видим весьма достойными сострадания, помилованными сверх всякого ожидания, видим пленение, рабство, узы, неистовство поработившего нас? И притом не было никакого конца нашим бедствиям, и мы все более и более испытывали силу жестокого и злого мучителя, и везде находили для себя беспомощность и оставление, поскольку никто не мог подать нам руки.

112. А мучителю возможно было исполнять свою волю над нами, и мы, как бы проданные, считались собственностью купившего, а для нас не было никакого утешения в несчастье, ни врачевства, ни внутри нас, ни отвне, ни от высших нас, ни от однородных с нами, но всем одинаково невозможно было принести пользу природе человеческой.

113. Над находящимися в таком бедствии умилосердился ни ходатай, ни Ангел, но сам Господь, против Которого мы враждовали, Которого оскорбляли беззакониями, умилосердился соболезнованием необыкновенным, превысившим слова, высшим всего, что надлежало бы сделать в этом случае. Ибо не освобождения нашего восхотел только, и не своей только почел скорбь нашу, но и своими сделал, и на себя принял скорби наши, возжелал Сам явиться достойным сострадания, чтобы нас соделать блаженными.

114. Во днех плоти своея, как сказал Павел, для многих казался заслуживающим сострадания, и сострадание возбуждал Он, умирая неправедною смертью. *Плакали, сказано, и рыдали о Нем* (Лук. 23, 27), когда вели Его на смерть, и эта скорбь была не только у тех, кто был с Ним и смотрел на страдание, но еще Исаия, издали провидя, не мог без слез перенести этого зрелища, но как бы плача над мертвым, испустил полный жалости глас: *видехом его, — говорит он, — и не имяше вида, ни доброты, но вид его бесчестен, вид Его умален паче сынов человеческих* (Ис. 53, 2, 3).

115. Что может сравниться с тем состраданием, когда не помыслами только и хотением сделался общником в страданиях несчастных, но самым делом, и не удовольствовался быть только участником в злострадании, но все принял на Себя Самого и умер нашей смертью? Что сильнее может привлечь нас к состраданию о подобных нам?

116. Если претерпевшим ранее несчастья легко бывает усвоить участь тех, кто вновь подвергся подобному злостраданию, каких из бедствий не перенесли мы? Не потеряли ли отечества, по истине нашего? Но потерпели ли убожества, болезни, самого тяжелого рабства и крайнего безумия? И от всего сего освободились утробами человеколюбия Бога нашего.

117. Потому будем и мы милосерды, если подвергнется кто подобному бедствию, и окажем сорабам сострадание, которое прежде оказал нам всех Владыка. И Спаситель, показывая то, что должно быть ласковыми к сродным себе, взирая на пример божественного человеколюбия, сказал: *будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лук. 6, 36).

118. О шестом блаженстве, что чистота сердца получает преуспеяние от сказанного размышления.

Очистить сердце, и душу утвердить в освящении какому свойственное подвигу, или страданию, или труду, как не этим помыслам и этому размышлению? Внимательно рассуждающий, конечно, чистоту сердца назовет не плодом только размышления о Христе, но скажет, что она есть самое то размышление.

119. Прежде, нежели усвоить себе лучшие помыслы, нужно удалиться от худых, а это и значит быть чисту сердцем. Поскольку двояка наша жизнь, и рождение духовное и плотское, и дух противоборствует телу в том, чего оно желает, а тело восстает против духа, и противоположному соединиться и примириться невозможно, то всякому очевидно, что какие из пожеланий одержат в памяти верх над помыслами, те вытесняют противоположное им.

120. Память плотской жизни и рождения, и внимания к сему ума вносит губительную похоть и проистекающее от нее осквернение, подобным образом рождение купели, и сообразная рождению пища, и прочее свойственное новой жизни, овладевая душой через постоянное воспоминание, естественно увлекает желание от земли к самому небу.

121. О седьмом блаженстве, что миротворение получает преуспеяние от сказанного размышления.

Поелику Христос *есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею* (Ефес. 2, 14—15), Который измыслил все ради мира, потому может ли что быть выше мира для тех, кто и помыслы души и попечение ума устремляют к делам Его?

122. Сами они больше всего стремятся к миру, как повелевает Павел (см.: Рим. 14, 19), и других руководят в этом деле, и разрушают бесполезную ненависть, и укрощают напрасно воюющих, зная, что мир столь драгоценен, что Сам Бог, чтобы принести его для людей, сошел на землю, и, будучи богатым и Господом всего, не нашел для него никакой достойной цены, а пролил самую кровь Свою.

123. Ибо поскольку в рожденном и существующем не усмотрел ничего такого, что было бы равноценно искомому миру и примирению, Он сотворил иную новую тварь, кровь Свою, и, предав ее, тотчас соделался примирителем и начальником мира. Потому почитающие Божественную кровь, ища преуспевания, что иное начнут делать, как не то, чтобы стать для людей виновниками примирения и мира?

124. Если то, каково благо и какая красота в совершенной правде или в добродетели, можно видеть в жизни одного только Спасителя, так как один Он показал себя совершенно чистым от всего противоположного правде (ибо Он греха не сотворил, и когда пришел князь мира, не нашел, за что мог бы преследовать Божественную душу, не в чем упрекнуть бы ее благолепие, хотя все осматривал злобными глазами), очевидно, что любовь ко Христу и к добродетели могут получить только рассматривающие и размышляющие о делах Христовых.

125. Весьма достаточно узнать красоту добродетели, и Спасителя, чтобы, узнав, возлюбить ее, так как познание всегда есть причина любви, потому и Еву таким образом привлек плод древа, и притом запрещенного, ибо сказано: *и виде жена, яко добро древо в снедь и угодно очима видети* (Быт. 3, 6).

О восьмом и девятом блаженстве, что терпение гонений и обид ради правды и Христа получает преуспевание от сего размышления.

126. Получившим любовь ко Христу и добродетели нужно бывает претерпевать гонения, и предаваться бегству, и выслушивать самые жестокие слова, и притом с радостью, так как многие и прекрасные награды уготованы Им на небесах. Ибо любовь подвизающихся к Подвигоположнику может сделать и это, и научает верить Ему касательно наград еще не открывшихся, и еще в настоящее время иметь твердую надежду на будущее.

127. Так размышляющих ежечасно о Христе и пекущихся об этом самое размышление то соделывает умеренными и знающими человеческую немощь, равно как умеющими и плакать, и кроткими показывает их, и справедливыми, и человеколюбивыми, и целомудренными, и виновниками мира и согласия между людьми, и таким образом обладателями Христа и добродетели, так что получая за Него обиды, не переносят только их, но и радуются, и находят удовольствие в гонениях.

128. Вообще от таких размышлений можно получить самые высшие блага и через них соделаться блаженными, и таким образом сохранить волю во благе, и при таком благоустроении соделать душу прекрасной, и сохранить полученное от Таинств сокровище, не разорвать и не осквернить царской одежды.

129. Иметь ум и пользоваться разумом свойственно природе человеческой, так созерцание дела Христова нужно почитать долгом помысла, особенно же потому, что образец, на который должны взирать люди, когда или им самим нужно что делать или других руководить к должному, — есть единый Иисус, Который в частности и вообще был для людей в показание истинной правды и первым, и средним, и последним.

130. Потому Он Сам есть и награда, и венец, который нужно получить подвизающимся. Итак, на Него надлежит взирать, и на Его дела обращать прилежное внимание, и сколько возможно, стараться познавать, чтобы знали мы, как должно нам трудиться. Ибо у подвижников награды соразмеряются с подвигами, и на них взирая, переносят они труды, столько оказывая мужества, сколько узнали о них, что они прекрасны.

131. Кроме же всего этого, кто не знает, для чего Он один приобрел нас, искупив Своей Кровью, и иного нет никого, кому бы

надлежало служить и для кого бы надлежало нам пользоваться и телами нашими, и душами, и любовью, и памятью, и действом по уму. Потому и Павел говорит: *вы не свои... Ибо вы куплены дорогою ценою* (1 Кор. 6, 20).

132. Ибо и естество человеческое от начала составлено было для нового человека, и ум, и желание приготовлены были для него, и разум мы получили, чтобы познавать Христа, и желание, чтобы к Нему стремиться, память имеем, чтобы Его держать в ней, потому что и для творимых Он был первообразом. Ибо не ветхий для Нового, но Новый Адам для ветхого служит образцом.

133. Хотя и сказано, что Новый рожден по подобию ветхого, но только в отношении к тлению, которое тот начал, а Сей наследовал, чтобы немощь естества уничтожить своим собственным врачевством, и чтобы, как говорит Павел: *смертное поглощено было жизнью* (2 Кор. 5, 4). Каким же образом, по самому естеству, ветхий Адам может быть первообразом для нас, когда мы знаем, что прежде его был Сей, у которого все перед очами прежде самого бытия, и как старейший служит подражанием второму, когда по Его виду и образу создан последний, но не пребыл таким, устремлен был, но не достиг того.

134. Потому и закон принял тот, а сохранил Сей, и послушание требовалось от ветхого, а оказал его Новый, притом даже до смерти, смерти же крестной, говорит Павел, и первый очевидно был преступником, несовершенно имея то, что надлежало иметь человеку, ибо закон не превышает природы, и преступник его справедливо подлежит наказанию, а другой совершен был во всем, и *Я*, — говорит, — *соблюл заповеди Отца Моего* (Ин. 15, 10).

135. Тот внес жизнь несовершенную, которая имела нужду в бесчисленных вспомоществованиях, а Сей соделался для людей Отцом совершеннейшей, то есть нетленной жизни, и природа человеческая от начала предназначена была к нетлению, а достигла его впоследствии в теле Спасителя, которое Он воскресил из мертвых в жизнь бессмертную и потом соделался вождем бессмертия для рода человеческого, и, словом сказать, истинного человека и совершенного в нравах, и жизни, и во всем прочем показал первый и единый Спаситель.

136. Если таков по истине предел человека, на который взирая Бог как на конечный, создал его, — разумею жизнь нетленную, то и тело его было бы свободно от тления, и воля свободна от всякого греха, ибо тогда бы он был совершен сам по себе, когда бы творец сделал все, что почитал нужным для него, как и красота статуи окончательно устрояется рукой художника.

137. Если же одному недоставало многого, чтобы быть совершенным, а другой совершен во всем, и людям даровал совершенство, и весь род человеческий привел в сообразность с собой, каким образом второй не будет образцом для первого, и как того не почесть первообразом, а сего созданным по нему?

138. Всего неуместнее думать, что совершеннейшее из всего устроено по образцу несовершенного, и что худшее служит примером для лучшего, и слепые руководят видящими. Ибо не тому должно удивляться, что оно ранее по времени, но надлежит верить, что совершенное сие служит началом несовершенного, помышляя то, что и сначала для нужды человека многое приготовлено было заранее, и человек, мерило всего, уже после всех пришел на землю.

139. Сверх всего этого и естеством, и волей, и помыслами человек всегда стремится ко Христу, не ради Божества только, Которое составляет конец всего, но и ради другой природы, и Он, с одной стороны, прибежище человеческих желаний, с другой — наслаждение помыслов, и кроме Него иное что-либо любить, или об ином чем-либо рассуждать — очевидно есть опущение долга в уклонение от вложенного в душу от начала. А чтобы могли мы об Нем всегда иметь размышление и эту всегда имели ревность, Его, как главный предмет помыслов, должны мы призывать каждый час.

140. И не приготовление к молитвам, не место, не вопли нужны призывающим Его, ибо нет места, где не присутствовал, и где не был бы с нами Тот, Который для низших Его ближе их собственного сердца.

141. Потому и о молитвах весьма нужно верить, что Он исполнит их, и не сомневаться, так как мы злы нравами, но дерзать, потому что призываемый благ на безблагодатные и злые,

так что не только не презирает Он прошения оскорбивших Его рабов, взывающих к Нему, но когда они еще и не призывали Его и не говорили Ему никакого слова, Сам, сошедши на землю, первый призвал их.

142. *Пришел*, — сказал Он, — *призвать грешников* (Мф. 9, 13); а Взывавший тогда, когда этого не хотели, каким будет, когда станут призывать Его? И если возлюбил Он, будучи ненавидим, как отринет, будучи любим нами? На то указывая, Павел говорит: *если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его* (Рим. 5, 10).

143. Посмотрим еще и на форму прошения, так как просим мы не того, что прилично просить получать друзьям, но чего дозволено просить и оскорбителям, и виновным рабам, и особенно им. Мы просим Бога не о том, чтобы Он увенчал, или иную подобную даровал нам благодать, но чтобы помиловал нас. Помилования же, и прошения, и отпущения долга просить у человеколюбца, и прося, не с пустыми отходить руками, кому приличнее, если не виновным, ибо здоровые не имеют нужды во враче.

144. Если вообще указано людям воссылать к Богу глас, просящий помилования, то это есть голос людей делающих то, за что нужно помилование, голос грешников. Будем же призывать Бога и языком, и волей, и помыслами, чтобы ко всему, чем согрешаем, приложить одно спасительное врачевство, *ибо нет, сказано, другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян. 4, 12).

145. А для всего этого достаточествует, и доставляет ревности силу, и изгоняет прирожденную душе леность истинно укрепляющий сердце человека Хлеб, который, снизойдя с неба, принес нам жизнь, насыщения которым всячески нужно желать, и Вечеря эта постоянно приступающих к ней сохраняет от голода, и более должного не надлежит удерживаться от этих Таинств на том основании, что мы недостойны их, дабы не сделать душу более слабой и худшей всего, но приступая прежде к священникам с покаянием во грехах, надлежит пить очистительную Кровь.

146. Вообще же не столь много будем мы повинны, чтобы нам удаляться от Священной Трапезы, если только будем питать себя этими размышлениями. Как вообще было бы незаконно, когда бы кто, согрешая к смерти, дерзнул потом приступить к святыни, так тем, кто не болезнует столь тяжело, не следует удаляться Хлеба.

147. Тем, кто страдает еще ранами воли, надлежит опасаться огня, не сообщаться с ним прежде, нежели не изменятся, а тем, кто имеет правую волю, а впрочем немощны, нужно укрепляющее врачевство, и надлежит им приходиться к виновнику здоровья, который принял немощи наши и болезни понес, и желающим не быть больными паче всего нужно стараться прибегать к врачу.

148. Кровь эта заключает двери чувств наших и не позволяет войти в них ничему, могущему повредить, особенно же знаменую двери, отгоняет от них всегубителя, и то сердце, в какое излита она, соделывает храмом Божиим, лучшим стен храма Соломонова, хотя и кровь образная не допускала стоять в нем лукавому идолу, — мерзости, сказано, запустения на месте святе, но духом владычным, как поет Давид, утверждая помысл, подчиняет ему мудрование плоти, и человек наслаждается глубокой тишиной.

149. И что я говорю о Таинстве, когда прежде многое сказано о том, какими делает оно приемлющих Таинство! Но чтобы так соединиться нам со Христом Таинством, молитвами, размышлением, помыслами, будем всей душой подвизаться в добродетели, сохраним залог, как повелевает Павел, и соблюдаем благодать, вложенную в нас Таинствами. Ибо как сам Он есть совершитель, Сам же и Таинства, подобным образом Он же один и сохраняет в нас, что дает, и располагает пребывать в том, что приняли мы, *ибо без Меня*, — говорит Он, — *не можете делать ничего* (Ин. 15, 5).

СЛОВО СЕДЬМОЕ

1. Каков бывает принявший Таинства и тщанием к себе сохранивший благодать, полученную от Таинств.

После того как сказано, каким становится принявший Таинства и каким путем он может сохранить то, что получил от Таинств, следует рассмотреть, каков будет он, когда сохранит полученное и каким станет его нрав, когда к дарованному от Бога присоединит свое. Ибо жизнь состоит в том, что служило для нас предметом предшествующих слов, то есть, с одной стороны, в благодати от Таинств, с другой — в попечении принявших о сохранении дара.

2. Теперь остается осмотреть уже, всю жизнь так устроенную, и показать то, и другое вместе и указать, чего может достигнуть человеческая добродетель при помощи благодати. А это может быть тогда, если рассмотрим человека, соединившего в себе то и другое, как думаю, и в том случае, если захочет кто показать, каково здоровье и какая его польза, всего яснее будет видно это, когда выведет он на среду человека, вполне пользующегося здоровьем?

3. И мы пред глазами поставив человека, так живущего, узнаем его благосостояние, и со всех сторон осмотрим его красоту. Будем же смотреть не на то, чем украшается он, ни на то, сияет ли он чудесами и имеет ли иную подобную благодать, но посмотрим только на него самого и на красоту его внутреннюю, на добродетель его души.

4. И если с этими дарами сравнить ревность, одна она будет доказательством добродетели, а исследовать самый образ жизни, значит узнать самого человека. Потому если нужно узнать самую сущность, зачем искать свидетельств и знамений, когда нужно только исследовать самые дела? Поскольку и знамение не достаточно для добродетели.

5. Не всем ревнующим даются они, и не все, у кого они есть, бывают делателями добродетели. Ибо многие, имеющие вескую силу пред Богом, не обнаруживают ничего подобного, а между тем иногда и некоторым из нас бывает то возможно, и для

призывающих Христа нет ничего невозможного, так как не нравы дают сие, а то, чтобы явлен был призываемый.

6. И потому для добродетели установлены и Таинства, и всякий труд, а для получения силы свыше никто не измыслит ничего из известного, как только трудиться. И что я говорю? Когда не было таких знамений, не имели к ним никакого желания и не искали их, а когда явились они, не было дозволено даже радоваться им.

7. *Не радуйтесь, сказано, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лук. 10, 20). А если это не дает добродетели и не указывает на ее присутствие, то ищущий много заботится об излишнем.

8. Но если бы кто имел видения и откровения и знал все тайны, на этом основании не должно признавать его добродетельным и удивляться ему. Такое бывает иногда у живущих во Христе, но не составляет и не производит жизни, так как ничто не содействует к добродетели тому, кто взирает только на это. И как указал блаженный Павел, написав Коринфянам: *если... знаю все тайны, и имею всякое познание,.. а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий* (1 Кор. 13, 1, 2).

9. Потому будем смотреть на самое желание души, в котором и состоит добро человека и зло, истинное здоровье и болезнь, и вообще жизнь или смерть, его иметь добрым, устремленным к одному Богу и составляет блаженную жизнь.

10. В том цель Таинств и попечения человека, чтобы воля прилеплялась к одному истинно благому. Одна эта цель и всего Божественного промысления о роде человеческом, и к тому направлено все обещание благ и всякая угроза бедствиями, и для того Бог устроил нам мир, и положил законы, и наделил бесчисленными благами, и посещал многими скорбями, чтобы Обратить к Себе Самому, и убедить желать и любить одного Себя.

11. Явно, что за, все, чем Он благодетельствовал нам, желает Он только одного приношения от нас, чтобы мы желали добро-го и имели благую волю. И о том свидетельствуют все заповеди, свидетельствуют похвалы, и вообще, все Писание, полезное людям, направлено к этому.

12. Смирняя высокомерие и наказывая похоть плоти, и удерживая гнев, и изгоняя злопамятство, чего иного требует, как не доброты и воли? И наоборот, духовная нищета и плач, и милосердие, и кротость, и все прочее, в чем преуспевающих наименовал Христос блаженными, бесспорно суть дела хотения.

13. Даже и то, чтобы прилепляться правым догматам и истинно веровать в Бога, есть дело благомысленных, и вообще ради любви, говорят, Бог положил весь закон, а любовь есть добродетель воли. Когда же Бог со всяким вразумлением и промышлением требует от нас плодов хотения, явно, что в него Он влагает всякую силу и расположение ко благому.

14. Так и крещение даровал Он для сего и иными совершил нас Таинствами, чтобы соделать в нас благую волю; и вся сила Таинств и новая жизнь в ней. Вообще же какую имеют для нас силу Таинства?

15. Они готовят к будущей жизни, ибо, как говорит Павел, суть силы *будущего века* (Евр. 6, 5). Чем же одним мы можем быть приготовлены? Сохранением заповедей Того, Кто может увенчать и наказать в будущем, ибо это вселяет в нас самого Бога.

16. *Кто любит Меня, — сказано, — тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). А сохранять законы есть вполне дело воли.

17. Ибо и награды положены боящимся законодателя, и наказания не уважающим Его, а это дело произвола. Ибо дело души — все подвергать исследованию, и во всем дело произвола, избереет ли кто венец или наказание; итак, если раскроем волю живущего по Боге, найдем в ней сияние блаженной жизни; когда же узнаем всю силу ее, увидим ее в самом ее преизбытке, как и сила тела видна в зрелом возрасте.

18. Избыток же желания есть удовольствие и печаль, одно при достижении, другое при отклонении, потому в сем открывается, что такое человек, и оно показывает образ жизни каждого и различает худых от добрых.

19. И таким образом двойка бывает жизнь людей, поскольку злые утешаются постыдным и суетным, а добрые благим, одни

обременены кажущимися неприятностями, другие — истинными бедствиями, и этим различается не только зло и доброта, но также благополучие и трудность жизни, несчастье и благосостояние ее. А как не почесть необходимым рассуждение о том, в чем основание блаженной жизни, посредством чего возможно узнать и род жизни и благополучия?

20. Поскольку же печаль прежде удовольствия, так как последнее есть плод первого, — плачущие, сказано, утешатся, — прилично и слово начать о ней.

21. Кроме того, скорбеть о чем следует, значит убегать зла, а радость, с другой стороны, есть стремление к благому, потому первое предшествует второму: ибо сказано, уклонись от зла и сотвори благо.

22. И хотя в предшествовавших словах сказано о печали по Боге, содержанием которых служит то, что можно сказать об одном плаче, а что касается до иного и до всего, что сродно страсти, о том сказано недостаточно. Теперь должно рассмотреть, (Бог же да управит слово), о чем должен печалиться человек ревностный и каким образом, и о прочем, в чем то есть отличие похвальной печали от худой.

23. О чем и как должно печалиться живущему в Боге, это ясно для всех, но почему должно и какой в том отношении приличен способ, это не для всех и размышляющих ясно; потому не излишним будет возможное по нашим силам рассмотрение сего. Печаль зависит от ненависти, ненависть же от сознания зла.

24. Ибо мы отвращаемся того, что кажется злым, а что почитает кто вредным и чем отягощается, тому противодействует, когда наступает оно; потому живущий правильно и занятый истинным любомудрием знает, во-первых, что есть зло, на самом деле знает же, что должно ненавидеть, и противится тому, чем можно быть отягощену.

25. Потому поищем, что действительно составляет зло для человека. Многочисленно и разнообразно то, что носит это имя, и одно трудно для всех людей вообще, иное только для некоторых, но из всего этого ничто не составляет в собственном смысле зла для души и болезни воли.

26. Ибо и падение звезд, и замешательство времен, и бесплодие стран, и провалы, и землетрясения, и голод, и опять убожество и болезнь, и обиды, и темницы, и раны, и прочее — само в себе может быть и зло, но для человека никак не зло.

27. Оно вредит внешнему, но не касается ничего далее тела и имущества, человек же не тело, чтобы при болезни его больну быть и всему человеку, тем менее, терпит вред самая природа человеческая при потере того, что нужно для жизни тела. И еще мнения многих не делают человека худшим, хотя бы кто и думал о нем худо.

28. Так, если согласиться с этим, то надлежало бы человеку и худо делать, и лучшим быть в самом себе, быть злым и благим, злосчастливым и блаженным, в зависимости от того, думают о нем то или другое. Человек же на самом деле состоит из воли и разума, и кроме того, ничто иное не существенно для него, а сие может принести человеку иногда добродетель, иногда зло. И если случится подвергаться несчастью или поступать хорошо, подвергаться болезни или быть здоровым, жить в утеснении или наслаждаться; то одно бывает, когда удаляемся, другое, когда пребываем в том, в чем должно.

29. Поскольку же заблуждение разума есть ложь, а заблуждение воли — зло, остается рассмотреть, по какому ясному признаку можем мы распознавать заблуждение того и другого. Из множества их всех определеннее суд Самого Бога, и потому благо и истинно то, что приятно Ему, а зло и ложь, что не заслуживает Его одобрения; и чему Он удостоивает учить человека — то истина, чего повелевает желать — то благо, а противное ему полно лжи, полно зла.

30. И из Божественных вещаний одни достигли земли проповедью людей; вестником других был сам Бог, облекшийся в природу человеческую, и как человеку голосом изъяснил долг его. Что же может быть полезнее правил или истиннее догматов, которых Сам Бог был и законоположником, и Сам же провозвестником, Он единый истинный и единый благий.

31. Итак, нужно узнать, что, составляя извращение природы, печалит истинного человека, и избрать противоположное ему.

Постине худо то, что противостоит воле Божией, а когда оно зло, пекущимся о благе прилично ненавидеть его, а ненавидя не желать, когда нет его, и противиться, когда есть оно.

32. Опечалит же их существующее зло, когда или сами они уклонятся несколько от закона, или другие, вместе с которыми стремятся они к лучшему, а они всем людям желают того, чтобы прибегали они к человеколюбию Божию и желали видеть славу Божию, сияющую в каждом из них.

33. Таким образом, живущим во Христе приносит печаль один грех, во-первых, потому, что он зло, а они по правам своим благи, во-вторых, потому, что противодействует законам Бога, с Которым стремятся они соединиться волей, и в-третьих, потому, что живущим по правому слову всего менее прилично огорчаться понапрасну; тогда только не напрасно огорчение, когда печаль плодопринесит величайшую пользу.

34. В чем-либо ином ничего не произойдет оттого, если кто скорбит; и убожество, и болезнь, и иное подобное не будет удалено слезами, а для зла душевного печаль есть врачевство, она и будущее зло предуничтожает, и настоящее прекращает, и вину соделанного может разрешить. По этой причине, кажется мне, она от начала вложена в природу, так как ни в чем ином не может вспомоществовать нам.

35. Не даром соделываем грех, а возбуждаемые наградой некоторого удовольствия и обольщаясь приятностью благосостояния душевного (ибо гибель души и воспламенение ума не избрали бы ради него самого); и ясно зная все это, потом раскаявшись, чем согрешили, мы скорбим, гнушаясь этого удовольствия, и очевидно одну страсть изгоняем другой, отвергая то, что приняли, и принимая, что отвергли.

36. И вместе со скорбью совершается в нас наказание того, на что мы дерзнули, а для очищенных таким образом уже не нужны другие раны; почему и Бог от начала наказывает законами своими, когда их преступили, налагая на преступившего закон наказание печалью и трудом, чего не почел бы достаточным наказанием, если бы оно не вознаграждало за вину и не могло освободить от ответственности.

37. Тем же образом Сам впоследствии, пришедши, помог человеку против греха; и грех, который нужно было изгнать из природы человека, изгнал, претерпев скорбь.

38. С другой стороны, не напрасно происходит то, если кто скорбит о чем-либо, относящемся к телу, то вред от этого очевиден. Так как скорбь эта значит предпочитать что-либо иное Богу. Крайность такого лукавствия есть неистовство Иуды, который Бога и Спасителя променял на малое сребро, а причина и семя в том, что он погрешил против памятования о Нем, и расположение к Нему было изгнано любовью к чему-то иному.

39. Когда усилилась страсть и забвение Бога овладело областью души, любовь к Нему увяла, потому рождается и противоположное постоянному воспоминанию, а когда угасла любовь, тотчас встречается равнодушие к Его заповедям и беззаконие. Как любящий меня, сказано, заповеди Мои сохранит, так тем, кто попирает заповеди Божии и дерзновенны в том, нет ничего несообразного предать и слово веры, если нужно получить выгоду.

40. Ибо *некоторые, отвергнув добрую совесть, потерпели кораблекрушение в вере* (1 Тим 1, 19), сказал блаженный Павел, ибо мертва, сказано, (см.: Иак. 2; 17, 20) вера тех, кто не заботится о соответствующих ей делах, и если удобно развращаются, нет в том ничего странного. Три предмета сохраняют в нас благоговение к Богу — страх бедствий, угрожающих нечестивым, благая надежда благочестивых, любовь к Самому Богу и к благу; в душах же людей, научившихся беззаконию, не остается ничего действительного, но как в тех, жизнь которых располагается по законам Божиим, возрастает страх к Нему, подобным образом в презрителях повелений Его страх мало-помалу ослабевает, и нет ничего удивительного, если в людях, предпочитающих страсть доброму, он уничтожается совсем; но когда исчезает все могущее удерживать зло, и от частого умолчания совсем замолкнет помысел, влекущий к благому, нисколько не трудно дойти им до самого крайнего зла.

41. Посему ревностные сохраняют попечение и от начала противостоят источнику зол и сохраняют сердце свое для единого Бога, как бы сокровище некоторое, соблюдая память о Нем.

42. Ибо знают, что и в священных домах ко многому позволительно прикасаться, и сосудами и одеждами, а ничто из священного не равняется душе, посвященной Богу. Почему тем более не дозволено быть продающими и покупающими душу, и удаляться надлежит трапез и пиршеств и тому подобных дел.

43. И если так надлежит почитать дом молитвы, как же должно уважать Того, Кому молятся, для Которого и место это должно очищать от нечистот? Притом имя дома молитвы не всякий раз соответствует ему, и не всегда он был им, будучи лишенным молящихся, а христианам закон Павла повелевает прилежать общению с Богом на всякое время, молясь непрестанно.

44. И на то обратим внимание, что Спаситель, словами отклоняя от других грехов, здесь употребляет и язык, и гнев, и руку, и бич, давая разуметь, какого тщания удостаивает дело сие.

45. Это свойственно не столько желанию почитать тот храм, которым пренебрег при Его разрушении, сколько желанию каждому верующему, с которым обещался всегда пребывать, показать, сколь почитает Он удаление от забот и попечений, и вместе как дерзновенна страсть, и как нужна бодрость, и постоянство души, и бодрственный помысл, и паче всего самая рука Спасителя, не взявшимся за которую невозможно убежать от шума.

46. Закон положил святотатцев наказывать смертно и для Святая святых нужна была завеса. Оза умер, простерши нечистую руку к покачнувшемуся кивоту (ср.: 2 Цар. 6, 67), и Озия получил проказу от святилища (ср.: 2 Пар. 26, 19), и многое подобное законополагает, чтобы крестившаяся душа, это истинное святилище Божие, была истинно неприкосновенна.

47. Потому для живущих во Христе забота иметь душу чистой не важнее ли всего? И хотя бы занимало волю что-либо кажущееся полезным, оно не отвлекает помысла, как Петра ни сколько не озаботило бывшее в руках Его, как скоро услышал Он призывающего Спасителя.

48. И сии призываются званием некоторым постоянным и непрерывающимся посредством благодати, напечатлевающейся в душе от Таинств, которая, как сказал Павел, есть Дух Сына Божия, вопиющий в сердцах их: Авва Отче. И таким образом

каждый раз отвергаются всего, чтобы каждый раз могли следовать за Христом. Поскольку *нехорошо*, — сказано, — *оставив слово Божие, пеищись о столах* (Деян. 6, 2) и, во-первых, потому, что ничего нет для них важнее Бога, далее потому, что и все прочее ожидают получить от Бога, так как Он раздаятель всех благ.

49. Ибо ищущим прежде всего Царствия Божия, по обещанию не ложного, приложено будет и все прочее. Спаситель, отклоняя прилепляющихся к Нему от всякой заботы, великое обращает внимание на этот закон, чтобы не лишились лучшего и чтобы не напрасно трудились заботящиеся о том, прежде чего нужно заботиться о Нем.

50. Коли же попечение о том вредно, где поместим скорбь, которая состоит не только в том, что душа отдаляется от воспоминания о Боге, но и разум совершенно омрачается и слепотствует, так что и к падению различному имеет великую удобность?

51. Когда ум обдержится расслаблением, оттого что подвергается крушениям и падениям, он и для себя самого употребляет самое худшее, весьма скоро оставляя свою деятельность и достоинство и то, что приобрел, как одержимые глубоким усыплением роняют находящееся в руках их, и подобно рабам, увлекаясь страстями, которыми должен бы повелевать; и таким образом ничто не препятствует умереть душе, получившей тысячи ран, когда много есть с высоты воюющих против нее, а помогающего, как сказал Давид, нет.

52. Потому Павел говорит: *печаль мирская производит смерть* (2 Кор. 7, 10); взирая на то, желающие, чтобы господствовала и жила в них душа, не только избегают скорби, но удерживаются и от забот, далеко отстраняя зло. Хотя многим из ревностных, живущим в городах и общинах, случается быть занятыми попечениями и делами, но, тем не менее, не увлекаются они заботами, и помысл их не уклоняется от твердого основания.

53. Мы заботимся, когда неизвестно бывает, получим ли то, чего желаем, и о чем стараемся, чтобы оно случилось, так как мы имеем к нему некоторое расположение.

54. Одно то может составлять заботу и беспокоить душу, когда нет ничего известного как о желаемой любви, так и о конце,

какой получит забота о ней. Ибо если ничего не знаем о том, что любим или сообразно с желанием нашим знаем о том, что любим, нет никакого для нас труда и в заботе; если же ища того, что любим, ясно знаем, что не получим сего, не останется совсем и места для заботы.

55. Нет здесь никакого беспокойства, ни страха, в чем и состоит сущность заботы, но прямо остается страдание, как бы уже наступило зло. Поскольку же ничто из причиняющего заботу не огорчает души живущих во Христе, то очевидно, что они свободны и от бедствий, какие причиняют заботы. Ибо они не привязаны ни к чему настоящему, а если и делают что-либо для нужд тела, то цель каждого попечения указывает и меру его. Ибо пределом трудов поставляют они угодное Богу, и весьма ясно знают, как скоро может обмануть то, чего желают.

56. Заботятся же или те из бедных, которые, желая более надлежащего наслаждений, ищут нужного для жизни, или те из богатых, для которых нет ничего выше денег, которые, когда находятся у них деньги, страшатся, чтобы не пропали они, а когда издерживаются, скорбят, хотя бы расточались они на самое нужное для тела, и притом так неумеренно любят их, что лучше желали бы на вечное время сохранить их, хотя они и не могут принести там пользы, нежели отрехшись от них, получить какие нужно сокровища.

57. А что боятся они издержек, то бывает с ними не напрасно, потому что нисколько не могут они надеяться на конец трудов, поскольку не на руку Божию возлагают надежды, что всегда непоколебимо и твердо, но все обращают к себе самим и к своим помыслам, с какими совершают дела, а *помыслы сии боязливы и погрешительны* (Прем. 9, 14), говорит Соломон.

58. А у тех, кто ненавидит всякое наслаждение, презирают все видимое, во всем же, что делают для себя самих или для других, пользуются руководством светильника закона Божия и все делают с упованием на Него, и с надеждой, что все будет им полезно, для таковых какая нужда заботиться? О чем беспокоиться им, когда они почитают сие как бы уже полученным?

59. Они не отыскивают всячески цели, соответствующей стараниям, но довольные тем, что случится, не заботятся о будущем, а хорошо зная, что получают желаемого и что с любящими случится самое полезное из всего, верят, что будет то самое, чего желают они.

60. И как для путников, когда есть у них руководитель, хорошо знающий, как вести их куда нужно, нет никакого опасения заблудиться и нет никакой заботы о гостинице, подобным образом и они, возложив попечение о всем на могущего все, и Ему одному предав жизнь и заботу о ней, сами сохраняют душу свободной от всякой заботы, чтобы, обращая внимание на одного истинно благого; заботиться о Господнем, так чтобы если нужно бояться, то только за то, что приятно Ему и чувствовать только подобное сему.

61. Ибо здесь не себе только самим, но и другим бывают они полезны; и в сем случае не должно ли удивляться благодати Божией, так как никто не может освободиться от болезни, если другой станет пить лекарство, а от наказания освобождаемся мы, когда скорбят другие?

62. Желаящие жить во Христе скорбят, это ясно из сказанного, а как скорбят они, и с какими помыслами, о сем следует предложить нечто. Не все одного и того же ради скорбят о грехе, но одних побуждает плакать превозношение, именно, что почитая самих себя достойными многого, поступают сверх ожидания, другим прискорбна, думаю, утрата награды, многим невыносим страх наказания, а для лучших любовь к Законодателю делает нестерпимым преступление закона.

63. Ибо как из преуспевающих лучшую жизнь ведут те, в которых не страх бедствий и не надежда награды, а одна любовь к Богу производит труды в добродетели, так и из согрешающих и потому сокрушающихся лучше прочих те, в ком плач возбужден любовью к Богу.

64. Первые сами производят в себе страдание и о себе самих начинают плакать и плачут потому, что любят самих себя, а последних движет сам Бог. Потому так, как движение необходимо находится в соответствии с движущим, то последнее настолько

лучше первого, насколько лучше средства движущих, как и полет стрелы лучше и вернее достигает цели от рук хорошо умеющих пускать стрелы.

65. Потому нужно знать не только то, о чем и как, но и сколько должно скорбеть; ибо возможно скорбеть менее, нежели сколько прилично для согрешивших, и можно поддаться скорби более должного, — а плачущие с такими помыслами знают меру слез.

66. И как при ране тела, пока болит еще член, для очищения плоти или совсем ничего нельзя употреблять, или можно произвести и нарыв, больший естественного и обыкновенного, а когда природа очистится сама в себе и от болезни, она тотчас приходит в порядок и потом исцеляется, не вознаграждая ничем утраченного, подобным же образом бывает и с немощами души.

67. Как печаль о грехах, и злострадание, и слезы, и все подобное сему имеет целью то, чтобы уничтожить грех, восстановить благо души, насколько это возможно, то и печаль, происходящая от Божественной любви, одна из всех, будучи истинной, одна и ведет разумно, одна и меру полагает для прочего.

68. И хотя бы они и пали, но если останется в них любовь Божия, не пойдут они криво, не изменят направления, не останутся в неведении пути и того, где должно им остановиться. Правильно идти к Богу значит идти с любовью. Это есть путь непорочных, как сказал Псалмопевец, ибо они, говорит он, всем сердцем взыщут Его, показывая тем твердое их желание.

69. Ходящие в законе Господни суть живущие в любви, в которой весь закон. Но как скоро очищен весь грех, который один омрачает око души, ничто не препятствует им, даже при похотях, взирать на правое слово и ясно знать, сколько должно плакать.

70. Поскольку сущность человеческой добродетели, как сказано выше, состоит в том, чтобы сообщаться с Богом волей, а сущность зла — противное тому, и в первом случае человек достигает цели, а в последнем погрешает, то те, кто рассуждает о награде, и, преуспевая в добродетели, не ради ее самой любят ее, и, падая, скорбят о зле не по причине его самого, но первое

производит в них любовь к наградам, другое — потеря. Почему слишком мало ненавидя, так сказать, сущность греха, не совсем удаляются от него расположением своей воли, хотя, случается, перестают в действовании греховном.

71. Как человека, который ненавидит злых людей из-за их нравов, нельзя назвать человеконенавистником, так и ненависть ко злу, происходящая не от того, что оно противно закону Божию, но от того, что приносит вред делающим его, свойственна тем, кто страшатся вреда, а не тем, кто отвращается самого зла.

72. Они, очевидно, не стали бы и убегать зла, если бы можно было грешить без опасности; те же, кого к любомудрию возбудила любовь Божия и кто уважает закон потому, что любят Законодателя, когда познают, что оскорбили Бога, обвиняют и оплакивают самый грех в себе не потому, что лишились наград за добродетель, но потому, что не соответствуют Богу своей волей.

73. Почему первые и познав, в чем согрешили, имеют душу не совсем чистую от зла и потому должны желать скорби, и слез, и трудов за грехи, нужных для достижения некоторой меры здоровья; а другие могут успокоиться только тогда, когда извергнут из себя всю болезнь.

74. Но так как грех двояк, они избегают и той и другой части, ибо самое действие прекращают, раскаявшись, и не остается в них худая страсть или какое-либо расположение ко греху, поскольку внедренное в душе их стремление к доброму и к Богу не прекращается.

Сие о печали. 75. А радоваться случается и тогда, когда уже присуще нам то, что любим; случается радоваться и об ожидаемом. Ибо радуемся и упованием, как сказал Павел (см.: Рим. 12, 12). Так как любовь состоит в радости о сем, и потому мы радуемся о нас самих, насколько любим нас, и о других ради нас самих.

76. Есть такие, которые приятны сами по себе, поскольку они добры в жизни и обладают благими нравами. Потому ревностный, знающий, что должно любить одно доброе, ради Его радуется о себе самом, ради Его же и о других, частью потому, что достойны этого по правам, частью потому, что помогают ему ко благу.

77. И кроме того, добрый человек радуется и о чужом добре, и предел его желаний и стремлений в том, если кто хорошо поступает. И в том самый чистейший способ удовольствия, когда обще бывает удовольствие души, и не себя только самого, и не своего только желает и хвалится не своим только, и любит не из корысти, но руководит к венцу и других побеждающих.

78. В этом человек превосходит природу и уподобляется Богу, Который есть общее благо. Таким образом явно будет, что человек любит добро ради его самого, а не ради пользы, когда не менее будет радоваться, усматривая его и у других, и плодом иного может быть иное что-либо, а у добрых мужей то, чтобы всем желать добра и радоваться о благодетельных, и это можно поставить знаком совершенно добрых людей, как плодоносие произрастающего растения явным делает его силу.

79. Как природа, если не будет прежде совершенна сама в себе, не произведет рождения подобных, так никто и из людей не будет благ для других, если прежде не будет таковым сам в себе.

80. Для себя самого он существует прежде, нежели для других, себе самому близок, и прежде всех самим собою пользуется, и себе желает полезного и просит. Что же препятствует помочь прежде самому себе, если он радуется о добре, а природа и его самого и заботу его прежде всего обращает к нему самому, как поступает в отношении к каждому из существующих. Ибо для себя самого существует, для себя самого прежде всего благ, а чтобы каждый был тем же — это первое и общее всех желание.

81. Посему ясно, что если кто любит благополучие других и радуется о счастье их, сам он не лишен того же и не имеет в нем недостатка, ибо не стал бы думать о других, забывая о себе и о пользе своей, если бы сам имел в том нужду. Ибо как пожелал бы он видеть в руках других то, чего нет в его собственной руке?

82. Хотя и бывает, что некоторые из людей, мало расположенных ко благу и добродетели, принимая на себя личину лучших людей, прикрываются добродетелью, и чего совсем не знают сами, в том желают быть руководителями других, и делают это, желая приобрести некоторую известность и ложную славу, а не ради добродетели и блага, но желающим того против учения правого слова совершенно невозможно быть добрыми.

83. Это свойственно мужам, свободным от всякой зависти и ревности и имеющим искреннюю и совершенную любовь к подобным себе, в чем состоит приобретение высшего любомудрия. Итак, нужно, чтобы желающие участвовать в этом удовольствии были и самыми любомудрственными из всех и чтобы лучшие и самые любомудрственные из всех были участниками и в том удовольствии.

84. Так, сообразно, чтобы участвующие в благе показывали в душе природу блага, а природа блага состоит в том, чтобы изливаться и сообщаться. И как стремится она ко всему своему, так и к себе позволяет стремиться всему. Ибо она и не желала бы получить все свое, если бы не предлагала себя саму всем; а чтобы напрасно было столь общее желание, какая в том сообразность?

85. Поэтому понятие благости требует, чтобы благой человек, как себе самому, так и всем предлагал себя самого, и чтобы он скорбел и радовался, и вообще, терпел в душе что-либо подобное в отношении к другим не менее, как и к себе самому. И подлинно любовь Божия производит одну и ту же радость. Ибо любящему необходимо радоваться не только о любимом, но и о тех, о ком радуется он.

86. Перейдем же к самому совершенному и чистому удовольствию. Ибо так как живущий в Боге любит Его больше всего и радуется радостью, соответствующей Его любви, то нужно много тщательнее осмотреть, какова она и в каком отношении к имеющим ее.

87. И не себя самого поставляет он причиной радости, и не потому приятен ему Бог, что благ для него. Это свойственно не тому, кто истинно любит Самого Бога, но кто более любит себя самого, и в том, что делает, на себя самого смотрит, как на цель.

88. Какое добро в человеке, если он не любит истинно своего благодетеля? Какая в нем правда, если высшему из вожденных отделяет он меньшую меру любви? Какая в нем мудрость, если что-либо полагает он далее последнего конца? Поскольку же ему следует быть и добрым, и справедливым, и мудрым, то следует и любить Бога, и радоваться о Нем самым

лучшим образом, потом и радости следует быть и постоянной, и твердой, притом же превышеестественной и удивительной.

89. Постоянной, потому что часто соприкасается с тем, что принадлежит любимому, то имеет всегда, тем пользуется по телу, и о том размышляет, и тем живет, и существует, и действует во всем, что имеет и чем бывает. Ибо знает все дела Божии, все они постоянно перед ним, почему все для него сохраняет напоминание о Нем, все соблюдает любовь неугасимую, все утешает, и сам он не оставляет Его, и не перестает сопребывать с Ним, и нет возможности отнять радость эту.

90. Ибо мы радуемся не тогда только, когда живем вместе с любимыми, но и о делах их, и о всем, что каким-либо образом имеет общее с ними. Подлинно, и в том, что свойственно им самим есть некоторая великая радость, и очень может она утешать сама по себе, и тверда она.

91. Не может радующийся отказаться от нее, сопребывая с таковым удовольствием, и не может прекратиться радостное, будучи само по себе радостным. Ибо он ничего не будет требовать от страсти, не солжет самому себе, пребывая в таком удовольствии, о котором и говорить неудобно, и выше оно природы слова, и убегает от самого слова, но радостное существует и не должно бояться за него, ни подозревать перемены его, и ни тени изменения его.

92. Величие же удовольствия может уразуметь тот, кто взирает на самое радостное, ибо надлежит, чтобы радость соответствовала величию приятного. Как ничто не может превзойти Его, так для людей ничто не может быть подобно радости о Нем, когда и сила желания соответствует любимому.

93. И желаемое не так велико, и желающее не так худо, чтобы не быть достаточным для такого богатства благодати, но оно существует для этой беспредельности и приготовлено к ней. Хотя и определяют, что оно соразмерно с природой, но мы видим, что ничто из сотворенного не соответствует ему, но все меньше его, и стремится оно далее всех, какие бы то ни были блага, хотя бы все в совокупности, и, взирая на вечно существующее, желает не настоящего, и желание это ничем более не насыщается, и не

чувствует в полноте, и сила радости в душе никогда вполне не действует.

94. Откуда ясно, что желающая сила ограничивается этим, но приготовлена к беспредельному благу, и что природа имеет предел, а действие и стремление не имеет никакого предела, как и вообще знаем, что вся жизнь души не имеет конца в сотворенном.

95. А причина та, что Бог и жизнь души, и радость, и все наше приспособил к Самому Себе, и душа затем бессмертна, чтобы по смерти мы соблаженствовали с Ним, и не знает предела, чтобы в Нем одном могли мы радоваться всецелым удовольствием. Когда же соединится и то и другое, и беспредельное благо, которому нет границы, и исполнение беспредельного желания, какое еще возможно удовольствие?

96. Но и такого избытка не знает никто, поскольку не получает того, чего пожелал бы. Так как настолько радуется, насколько может получить, и насколько лишается, настолько теряет удовольствия, теперь же радуется по причине всего блаженства Божия, и поскольку все познает в Боге, все и доставляет ему удовольствие, ибо желает не себя самого, но Его.

97. И как жизнь имеет он не для себя самого, так и желание не для собственного блага, но имея его направленным к Нему, и радуется он о Божественных благах, не потому что сам наслаждается ими, но потому что присутствует в них Бог, и считает себя блаженным не в том, что получил сам, но во всем, чего желает.

98. И оставляет он себя самого, а к Богу идет всем желанием, и забывает о своем убожестве, желает же оно (на богатство смотрит, как на чуждую участь), другое же считает как бы собственным стяжанием. И не думает, что он несчастен, но признает себя богатым и блаженным.

99. Сила любви усваивает любящим то, что свойственно любимым, ибо сила хотения и желания святых вся устремлена к Богу, и Его одного они почитают собственным благом, и ни тело не может утешать их, ни душа, ни блага души, ни иное что-либо сродное и свойственное природе, потому что ничто из них само по себе не составляет предмета их любви, но как однажды

уже отрешившиеся от самих себя и в иное место перенесшие жизнь и все желание, они уже не знают самих себя.

100. В том нет ничего невероятного, ибо и любовь к людям убеждает презирать стяжания и тела, и не видишь ли, что страстно любящие не благоденствуют, хотя бы они чувствовали здоровье, когда увидят больными любимых ими, не отвращаются и болящих по причине их немощи, хотя лучше их имеют тела, и многие из любящих, будучи отвергнуты, с удовольствием умирают, предпочитая лучше предать тела, чем видеть себя презираемыми. А любовь к Богу настолько выше любви к людям, насколько выше качества любимого.

101. Так что же остается такого, чем могли бы мы пожертвовать для Него, или что больше дадим Ему, если одержимый любовно не презрит и самую душу? А истинно презирает душу не тот, кто умерщвляет тело, но кто предает ее саму и ее блага; предает же как развратный, продавая всего себя за удовольствия тела, так любящий Бога всю деятельность и желание перенося на Бога и ничего не оставляя душе.

102. Хотя и говорит он о том, какое имеет благосостояние, но не о том, чтобы искать свою душу и ее блага, но о том, чтобы любить Бога и заботиться о заповедях Его, как бы сохранить их. Как и говоря об орудии по причине дела, о клещах по причине повозки, мы желаем не клещей, но повозки.

103. И как это бывает — ясно. Что располагает душу прилепиться и весьма любить? Не что иное, как желание существовать. А желаем мы существовать для того, чтобы хорошо существовать, ибо не желает существования тот, кому тяжело, и многие потому убивают самих себя, и Спаситель сказал: *лучше было бы этому человеку не родиться* (Мф. 26, 24).

104. Поскольку же существовать хорошо невозможно иначе, как любя Бога, ясно, что мы по природе существуем для того, чтобы любить Бога, когда любим самую душу. Многие же, не зная откуда для них благобытие, имеют любовь к другому, и погрешая в цели стремления, часто берутся за то, от чего становятся худшими, и душу не уважают, в чем должно, и не презирают по сообразности.

105. Ревностные же, расположившие себя к Богу, как знающие, где искать бытия и как пользоваться самими собой, одного виновника любви полагают Бога, одного Его любят ради Него самого, и ради Него любят душу, и бытие, и все иное, и таким образом любя душу, на самом деле любят не ее, но Того, ради Которого любят ее.

106. Если же любим душу, как ничто собственное, то Спаситель собственнее нам и самой души нашей, и те, кто только на это обращают внимание в продолжение своей жизни, знают, что Спаситель со всеми ними соединен сродством и что ради Него только им приятны и сродны и душа, и самое бытие. Хотя бы и старался кто о себе самом, но потому входит в раздор с собой, и не получит тишины, что не обрел Бога. Сверх сего правые судии вещей, каковыми надлежит считать живущих во Христе, не отличают Бога от свойственного Ему.

107. А это бывает, когда совершенное благо любим несовершенной любовью, несовершенно же любим тогда, когда любим и что-либо иное, разделяя любовь. Посему и закон говорит: *и возлюбиши Господа Бога твоего от всея души* (Втор. 6, 5). Итак, поелику стремясь к Нему, на Него обращают всю любовь, и никакой частицы дружбы не оставляют ни другим, ни себе самим, то и от самих себя, и от всех удаляются своей волей.

108. Любовь соединяет все. Таким образом, к Богу одному повсюду устремляя себя, Им одним живут, Его одного любят, о Нем одном радуются. А когда мы желаем, и сожительствоуем, и радуемся о свойственном нам самим, то бывает не потому, что оно наше, но потому, что любим его, хотя бы оно было и не наше, так как собственность не может сама по себе сблизить нас с ней или побудить радоваться о ней.

109. Многое из нашего печалит нас, и даже в нас самих есть то, за что мы укоряем себя, а некоторые очевидно ненавидят самих себя и желают убежать от себя, и умерщвляют себя.

110. Есть и такие, которые были дерзки и умирали прежде времени, мечом или удавлением приняли себе насильственную смерть. Откуда ясно, что в отношении ко всем, с которыми мы живем и о которых радуемся, и в отношении к душе, и к собст-

венности нашей, и к нам самим любовь производит и сожитель-ство, и радость. Итак, если кто желает благ другого и любит их не меньше, чем свои, тому необходимо и сообразоваться волей, и сорадоваться другим в их благах более, чем самому себе в своих.

111. Потому любящему Бога, когда еще природа не преложи-лась и не переменилась в Божественное, так чтобы оно пребыва-ло в самой природе его, когда желание и любовь перенесены от своего к Богу, ничто не препятствует иметь совершенную радость о Нем, как будто бы он и переменился уже. Ибо хотя природу имеет еще человеческую и по естеству не соединяется с Божест-венным, как с своим собственным, но все желание свое имеет уже там, и оно так существенно, чтобы можно было радоваться истин-но, и такую имеет силу в нас, чтобы удержать оное удовольствие.

112. И как любящий себя самого радуется, помышляя о на-ходящемся у него благе, так любящие одного только Бога от Его благ получают себе удовольствие, и Его богатством хвалят-ся, и Его славой величаются и увенчиваются, когда поклоняют-ся Ему, и заслуживают уважение, когда удивляются Ему.

113. И живущие для самих себя, хотя бы радовались об истинных благах, не получают чистого удовольствия, но как раду-ются о благе присущем, так нужно им скорбеть и о благе отсут-ствующем, или о зле присущем, а у тех, кто в Боге положили жизнь свою, удовольствие чисто, а печали нет никакой, так как первое производится многим, а огорчающего нет ничего.

114. В Боге, которым живут они, нет ничего неприятного, ни в отношении к настоящему нет у них никакого чувства, которое бы могло опечалить, ибо искать своего не позволяет им закон совершенной любви, ибо *не ищет*, — сказано, — *своего* (1 Кор. 13, 5). Но и любящих так, как блажен любимый, необыкновенна и сверхъестественна страсть, земля и прах применяются в собст-венное Богу и становятся ближними Его, подобно тому, как если бы люди бедные и несчастные, вторгнувшись в дом царский, вдруг освободились от сопутствующего им убожества и облек-лись всей тамошней светлостью.

115. Потому, думаю, и нуждницами называются они и вос-хищающими Царствие, что не дожидаются тех, кто бы дал им,

и не обращают внимания на тех, кто бы избрал их, но самовластно емлются за престол и по собственному решению облачаются диадемою.

116. Хотя и получают они, но не в этом поставляют свое благополучие, и не в том имеют удовольствие, но в любимом познали Царство, и радуются не потому, что Он сообщает им блага, но что сам Он в благе, а его имеют они сами по себе и по собственному благорассуждению, так что если бы не было у них ничего общего с Царством и возлюбленный не сделал бы их участниками блаженства, тем не менее, они и блаженствовали бы, и царствовали, и увенчались, и наслаждались оным царством.

117. Почему справедливо ради сего называются они восхищающимися и нуждницами Божественных благ, втесняя самих себя в наслаждения их. Сии суть ненавидящие и погубившие души, и вместо них принявшие в себя Владыку душ.

118. Что же может быть выше и прочнее сей радости! Ибо для тех, кто радуется о самих себе, потерять радостное не есть дело не предвиденное, ибо ни в чем настоящем нет блага незыблемого, почему не столько радуется о том, чем наслаждается, сколько огорчается тем, о чем опасается в отношении к богатству. А у того и сокровище благ неприкосновенно, и удовольствие не смешано с печалью, и нет никакого опасения по причине постоянства и твердости дела.

119. Одни и сами основательно опасаются за радость, как бы она не довела их до превозношения, когда будут очень обращать внимание на самих себя (что всего более пресекает удовольствие), а других не беспокоит ничто подобное, ибо они не обращаются к самим себе, так как в Боге полагают свою силу, Им хвалятся, и вообще они не так торжествуют, как те, и радуются не так, как свойственно радоваться людям, но плодоприносят сверхъестественное некоторое и Божественное удовольствие.

120. Так, если бы кто переменял жилище на жилище, худшее на лучшее, и удовольствие получил бы вместо удовольствия, — вместо того, которым утешался, живя в первом жилище, другое, каким свойственно утешаться пользующемуся другим жилищем, подобно тому, как если бы по какому искусству произошло луч-

шее тело, то отбросив настоящее, оставила бы и радость о нем, и настолько более стал бы радоваться, насколько лучшим пользуется телом.

121. Итак, когда человек, отвергнув не только тело и жилище, но и себя самого, идет к Богу, Который заменяет для него и тело, и душу, и собственность, и друзей, и все, то необходимо, чтобы удовольствие превосходило всякое человеческое удовольствие, необходимо получить такое удовольствие, которое было бы сообразно с Божественным блаженством и соответствовало такой перемене.

122. Потому и говорится, что они радуются радостью Христовой, ибо о чем радуется Он, таковую же и им дарует радость; ибо радуется о себе самом; а когда могущее увеселять есть одно и то же, следует, что и удовольствие одно и то же, и о сем не догадываться только и рассуждать можно, но основательное знание сего — из ясного слова Спасителя.

123. Когда полагал Он законы о любви, и убеждал учеников до конца сохранять неизменную любовь к Нему, сказал им: *сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна* (Ин. 15, 11). Для того, сказано, повелеваю любить, чтобы когда любовь соделает все общим для вас, вы имели совершенно одно и то же со Мною удовольствие о Мне и Моем. *Ибо вы умерли*, — сказано, — *и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге* (Кол. 3, 3), равно и радость, и все иное, и человеческого в них нет ничего.

124. Изъясняя это в кратких словах, блаженный Павел говорит: *вы не свои... Ибо вы куплены дорогою ценою* (1 Кор. 6, 19—20), а проданный взирает не на себя самого, но на купившего его, и живет по его воле.

125. Работающий людям только телом одним обязан жить по воле господина, а своей волей и разумом он свободен пользоваться всем, чем хочет, а кого купил Христос, невозможно, чтобы он оставался своим. И так как никто из людей не покупает целого человека, и нет такой цены, за которую можно бы было получить душу человеческую, то никто не выкупал человека и не порабощал его, кроме тела, а Спаситель купил всего человека.

126. Потому и люди за раба отдают только деньги, а Он принес Самого Себя, и тело предал и душу за свободу нашу, и одно предал смерти, другая оставила собственное тело, одно страдало, подвергаясь ранам, другая скорбела не только в то время, когда убивали тело, но и прежде ран; *душа моя*, сказано, *скорбит смертельно* (Мф. 26, 38).

127. И таким образом, предав всего Себя Он купил всего человека, следственно, купил и желание, и преимущественно его. Ибо всего прочего Он был Владыка и владел всей природой нашей, а в чем мы можем убежать рабства, — это желание, и чтобы купить его, Он соделал все.

128. Но потому, что искал воли, не сделал Он ничего насильственного, не похитил, но купил. И никто из купленных, пользуясь хотением для себя самого, не может поступать справедливо, но будет несправедлив в отношении к Купившему, лишая Его имущества. Повредит же и себе самому тот, кто желает себя самого и о своем радуется.

129. Итак, следует, что никто из благих и праведных не любит себя самого, а только Купившего его, потому необходимо, чтобы некоторые из них, если не все, были купленными, ибо какая сообразность, чтобы напрасна была страшная оная купля? Любящим же Его одного следует наслаждаться удовольствием, свободным от всякого огорчения, потому что любимый ничего не делает против их желания, притом удовольствием самым высшим и сверхестественным и Божественным, так как здесь они истощают всю силу радости, и приятное для них превосходит весь избыток благодеяний.

130. И в самом деле, как рабу людей необходимо печалиться, так рабу Христа необходимо радоваться. Ибо первый достигает не своей радости, а радости купившего его, притом последую человеку, подверженному скорбям, печали и трудам, а сей отчето получит скорбь, когда руководит им истинная радость?

131. Заплативший деньги за раба, не с тем заплатил их, чтобы делать добро купленному, но чтобы самому получать выгоду, пользуясь, по крайней мере, трудами его; потому раб, как купленный для пользы приобретших, пока он подвергается тру-

дам, чтобы доставить им удовольствия, сам подвергается непрерывным скорбям.

132. А здесь напротив; ибо все сделано для благополучия рабов, и выкуп дал Он не для того, чтобы Самому наслаждаться чем-либо из принадлежащего искупленным, но чтобы свое сделать собственностью их, и прибылью рабов служит сам Владыка и труды Владыки, и Сам Купивший воспринял всего купленного.

133. Потому тем, которые не отвергли сего рабства, но приняли Его узы, лучшие всякой свободы, необходимо радоваться, так как они убожество переменили на богатство и узилище на царство, и самое крайнее бесчестие на самую высшую славу. Ибо что владыкам людей возможно по законам делать в отношении к рабам, то по человеколюбию Владыки дозволено рабам в отношении к общему Владыке.

134. Ибо оных закон поставляет владыками рабов и принадлежащего рабам, чтобы не убежали от господства и не оставили рабства, а сии будут обладать своим Владыкой и наследуют принадлежащее Ему, только бы полюбили иго Его и примирились с покупкой.

135. Это заповедовал Павел, говоря: *радуйтесь в Господе* (Флп. 4, 4), указывая на купленного Господом, и Спаситель, еще яснее обозначая нам причину радости, именует благим рабом приобщившегося Его радости, а себя господином: *верный раб*, — говорит, — *войди в радость* Господа Бога *твоего* (Мф. 25, 21, 23), оставаясь рабом, и не уничтожив записи купли, войди в радость приобретшего тебя.

136. Одна и та же возможна радость не потому только, что один и тот же предмет радости, но и потому, что один и тот же образ благомыслия. Ибо как Он не себе самому угождал, но для рабов жил, и умер, и родился вначале, и возшедши к себе, и восседя на престоле Отчем, воссидит там для нас и во веки ходатайствует пред Ним за нас, так и из рабов, Владыкой которых был, прежде нежели были их души, только те любят Его одного, кто не обращает внимания на самих себя.

137. Таков был Иоанн, и когда с явлением Его потерял он почет, не только не огорчился, но сам возвещал и указывал Его

не знающим, и для него не было ничего приятнее одного языка, от которого пришлось ему получить умаление славы, и он удовольствовался тем, чтобы на Него обратить взоры, и о Нем убеждать весь народ, и к Нему обратить помыслы всех, как помыслы невесты к жениху, а самому быть довольну, если, стоя, услышит голос Его, и наградой за все свое старание получить голос возлюбленного (см.: Ин. 3, 29).

138. А Павел, желая Его славы, не только презрел, но далее предал самого себя: ибо и в геенну ввергал себя ради Него, и просил страданий, и был как бы поношением, и поскольку сильно любил Его, то желал быть отлученным от Того, которого возлюбил, и кажется, что эта любовь не только сжигала его сильнее геенны, но была могущественнее самой радости сопребывания с возлюбленным.

139. И как согласился он пренебречь этой радостью, так удобно мог презреть геенну, хотя имел уже ясные доказательства красоты Господа и вкусил уже Его, но поскольку сопребывать, и сожительствовать, и соцарствовать с Ним было и его собственным благополучием, а он не искал своего ради Его славы, то готов был оставить и сие.

140. Он желал не для себя, а для Него, и чего нужно было избегать, избегал ради Него. И если не желал он единого вожденного для себя самого, чего оставалось ему желать из всего прочего? Ибо, если ради Кого все делал, все переносил, Кого искал, не на себя самого взирая, не для того, чтобы наслаждаться самому, тем менее мог искать прочего, что презирал. И ясно, что, всецело убегая от самого себя и отрицаясь от всей воли своей, был деятелен только в отношении ко Христу.

141. Поскольку же нет в нем ничего отталкивающего, ничего противного желанию, следует, что достойно удивления то удовольствие, в котором он сопребывал Ему и сожительствовал с Ним, а неприятности никакой не было в душе оной. Но хотя и было то, о чем он болезновал и беспокоился, однако печальное не преодолевало удовольствия, и ничто не могло отнять его, потому что и вид огорчения сего полон был радости: ибо печаль была плодом любви и величия души, и в сердце

его не входило ничего горестного, или тяжкого, или слабодушного.

142. Апостол Павел радовался постоянно, это ясно из того, что и других он убеждал радоваться постоянно: *радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь* (Флп. 4, 4), и конечно, не предложил бы другим того, чего сам не показал прежде на самом деле.

143. Такова жизнь святых и столь блаженна даже ныне, когда они упованием и верой получают блаженство, а когда они разрешатся, — оно будет настолько лучше, насколько действительное совершение упования и чистое созерцание Благого — совершеннее веры, насколько совершеннее сей жизни сущий у Бога Дух сыноположения, откуда совершенная любовь, по которой блаженна и жизнь.

144. Сей Дух даровал принимать Таинства Христовы, принявшим же его дал, сказано, *власть быть чадами Божиими* (Ин. 1, 12), а любовь чад совершенна, от нее далек всякий страх. Истинно любящему невозможно бояться ни лишения наград, ни ран, ибо одно свойственно наемникам, другое рабам, а так совершенно любить свойственно одним сынам.

145. И таким образом благодать в души приемлющих Таинства влагает истинную любовь. А что она производит в них и какую доставляет опытность, то знают наученные; можно же сказать вообще, что она влагает ощущение Божественных благ и вкусившим многое подает надежду на большее, и от настоящего влагает твердое упование на не открывшееся еще.

146. А наше дело сохранить любовь, ибо не достаточно только возлюбить и получить расположение, но должно и сохранить его, и к огню прилагать вещество, чтобы поддерживать его. Ибо это значит пребывать в любви, в чем все блаженство, пребывать в Боге и Его иметь пребывающим в себе: ибо *пребывающий в любви*, — сказано, — *пребывает в Боге, и Бог в нем* (1 Ин. 4, 16), а это бывает, и имеем мы любовь вкорененную в сердце, когда достигаем того посредством заповедей и сохраним законы возлюбленного.

147. Душа действиями располагает к тому или другому навыку, судя по тому, будут ли они иметь доброту, или зло, как и из художеств те усвоаем и тем научаемся, к которым приучаемся

действованием. А законы Бога, положенные касательно человеческих действий и определяющие их, и направляющие к Нему одному, влагают в исполняющих соответственный навык, то есть желать угодного законодателю, и Ему одному покорить всю волю, и кроме Его, не желать ничего, а это значит уметь истинно любить Его одного. И посему сказал Спаситель: *если заповеди мои соблюдете, пребудете в любви Моей* (Ин. 15, 10).

148. А плод таковой любви есть блаженная жизнь, ибо отовсюду собирая желание и отвлекая его от всего прочего, и самого желающего сосредоточивает на одном Христе, а все наше следует за желанием, и куда влечет оно, туда направляются и побуждения тела, и движение помысла, и всякое деяние, и все человеческое; словом, желание управляет и увлекает все в нас, и когда обуздывается оно, все бывает связано, и владеющий им имеет вполне здравый разум.

149. Потому в ком воля всецело направлена ко Христу и к Нему одному устремлена, и все, чего желают, что любят, и чего ищут — есть Он один, у тех все бытие и жизнь в Нем, потому и самое хотение не может жить и быть действенным, когда не пребывает во Христе, потому что все благо в Нем, как и глаз не мог бы исполнять своего назначения, если бы не пользовался светом.

150. В нем один свет только производит зрение, и только одно благое составляет то, в отношении к чему может действовать хотение. И так как раздаятель всех благ Он, то если не всю волю устремим к Нему, но несколько хотения будет направлено к чему-либо вне сего сокровища, оно останется недейственным и мертвым.

151. *Кто не пребудет во Мне, говорит Он, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают* (Ин. 15, 6). Потому и подражать Христу, и жить по Нему значит жить во Христе, и это дело воли, когда она послушна велениям Божиим.

152. Ибо как Он из своих хотений человеческое покорил Божескому, и чтобы научить сему и оставить нам образец правой жизни, Он не просил смерти за мир, хотя и надлежало Ему умереть, пока еще не пришло время, даже молился об отвращении

ее, показывая, что не Сам Собой избрал, от чего удерживался, но, как сказал Павел, будучи послушлив, вошел на крест, не как имеющий одно только или одно из двух хотение, но согласие двух хотений; Таким образом, из всего ясно открывается, что блаженная жизнь состоит в совершенстве хотения.

153. Говорю же я в отношении к настоящему времени. Поскольку человек имеет две главные силы, ум и волю, то чтобы быть ему всецело блаженным в будущем, необходимо, чтобы он обоими силами приблизился к Богу и соединился с Ним, умом чисто созерцая Его, волей совершенно любя Его.

154. Но никому из живущих в тленном теле невозможно быть блаженным в том и другом отношении, но таковых людей приемлет только та жизнь, которая свободна от тления, а в настоящей жизни по отношению к воле блаженные совершенны в божественном, а по действию умом никак не могут быть совершенны, любовь можно найти у них совершенную, а чистого созерцания Бога нельзя найти.

155. Хотя и во время жизни в теле присуща им будущая жизнь, и они имеют уже опыты наград, но не постоянно, не непрерывно, не совершенно, так как жизнь не дозволяет этого, и потому *мы радуемся, когда мы немощны*, говорит Павел, и *ходим верою, а не видением* (2 Кор. 5, 7; 13, 9), и хотя он видел Христа, но не постоянно пребывал в том созерцании.

156. Ибо он всегда только предрекал о том, что узрит он будущее, и сие показал сам, когда, сказав об оном Пришествии, прибавил: и тако всегда с Господем будем. Потому если кто, будучи в теле, живет во Христе, и может, как говорит Павел, здесь получить вечную жизнь, он имеет ее в воле, посредством любви достигая неизреченной радости, тогда как чистое созерцание ума соблюдается для будущего; а к любви руководит вера. Указывая на это, блаженный Петр говорит: *Которого, не видев, любите, и Которого доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною* (1 Пет. 1, 8).

157. В сей любви и радости состоит блаженная жизнь, а самая жизнь, с одной стороны, сокрыта, по слову Павла, *жизнь ваша*, говорит он, *сокрыта* (Кол. 3, 3), с другой — обнаруживается,

и как сказал Господь: *дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа* (Ин. 3, 8).

158. В отношении к тому, как приходит благодать для рождения и образования ее, что такое сама благодать и каким способом образует, — жизнь эта сокровенна; а обнаруживается в заслугах живущих, в неизреченной любви к Богу и радости о Нем.

159. Это явно само по себе и указывает на сокровенную благодать, во-первых, потому, что это есть плод благодати; *плод*, — сказано, — *духа есть любовь, радость* (Гал. 5, 22), а от плода познается древо; далее потому, что дух свидетельствует о благодати сыноположения, а любовь о самом сродстве их, и что они суть сыны Божии, не имеющие ничего наемнического, ни рабского.

160. Таким же образом и Соломон нашел мать живого младенца, и знаком, способным открыть ее, признал сильную любовь к рожденному, почему нет ничего несообразного и чад живого Бога узнать по этому свидетельству.

161. Ибо как оную мать, так как она не имела ничего общего с умершим младенцем, ясно указала любовь к живому и попечение о нем, так и в сих благоговение пред живым Богом и любовь к Нему служат очевидным указанием того, что они не мертвых имеют отцов, которых Спаситель так живущим не позволял и погребать: *предоставь*, сказано, *мертвым погребать своих мертвецов* (Мф. 8, 22). Поскольку не той любовью доказывают свое сыновство, что почитают Бога и любят Его, как Отца, но и тем, что любовью уподобляются Ему, потому что они исполнены любви, а *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 16), и они живы по причине любви.

162. Ибо истинно живы те, в ком воспитается эта прекрасная страсть, как совсем мертвы те, в ком нет ее. И поскольку они сыны, то почитают Отца тем, что делают, и живя сами, возвещают живого Бога, которым рождены, и неизреченное рождение, уверенные, что обновлением жизни, в котором, по слову Павла, ходят (Рим. 6. 5), прославляют небесного Отца.

163. Так неизреченно и человеколюбно радуются они, и потому следует, что *Бог не есть Бог мертвых, но живых* (Мф. 22, 32), поскольку в них обретает Он славу свою. А злым сказал Он; аще

Бог ваш есмь аз, где слава Моя? То показывая, Давид сказал: *не мертвые восхвалят тя, Господи, ... но мы живые* (Пс. 113, 25—26).

164. Такова жизнь во Христе, и так сокрывается, и так обнаруживается она светом добрых дел, а это есть любовь. Ибо в ней светлость всякой добродетели, и она, насколько возможно то человеческой ревности, поддерживает жизнь во Христе. Потому не погрешит тот, кто назовет ее самой жизнью, ибо она есть единение с Богом, а это и есть жизнь, как смертью признаем мы удаление от Бога.

165. Потому, говоря о любви, и сам Спаситель сказал, что *заповедь Его есть жизнь* (Ин. 12, 50). *Слова, которые Я говорю вам, суть дух и жизнь* (Ин. 6, 63), а сущность их есть любовь, и *пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем* (1 Ин. 4; 16) или что одно и то же, в жизни пребывает и жизнь в нем, ибо *Я есмь, сказано, жизнь* (Ин. 11, 25).

166. Если же жизнь есть сила, движущая живущее, что движет истинно живых людей, которых Бог есть Бог не мертвых, но Бог живых, как не самая любовь, которая не только увлекает и руководит их, но и легко выводит из самих себя, и таким образом может сделать в них больше всякой жизни, так что она оказывается сильнее жизни?

167. Ибо она убеждает презирать жизнь не только скоротекущую, но и постоянную. Потому что справедливее любви может быть названо жизнью? И что важнее всего сказанного — жизнь есть то, что не дозволяет живущему умереть, а это и есть любовь.

168. Ибо когда все прочее, по слову Павла, упразднится в будущей жизни, одной любви, которая останется, достаточно будет для жизни во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому подобает вечная слава. Аминь.

ИЗЪЯСНЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Приготовление к литургии

В священнодействии Святых Тайн Честные Дары прелагаются в Божественное Тело и Кровь; цель его — освящение верных, которые получают через приобщение Святых Даров оставление грехов, наследие Царства Небесного и тому подобное. Пособием и приготовлением как по отношению к самому делу преложения Святых Даров, так и в отношении к достижению цели священнодействия служат молитвы, псалмопения, чтения из священных книг, одним словом, все, что священносовершается и возглашается и перед освящением, и по освящении Даров. Ибо, хотя Бог подает нам всякую святыню даром, и мы ничего не можем принести Ему, и Его дары суть в строжайшем смысле дары, однако же Он настоятельно требует от нас, чтобы мы были способны и принять святыню, и сохранить; людям, не приготовленным к этому, Он и не подал бы освящения. Под таким условием подает Он благодать крещения и миропомазания; под таким условием допускает Он и к Своей Вечере и преподает страшную пищу, как это Он выразил в притче о семени (Мф. 13, 3—8), когда говорил: *Вышел сеятель* (не обрабатывать землю, но) *сеять* — так, что обработка и все вообще приготовление должно уже тому предшествовать. Итак, поскольку столь необходимо, чтобы мы приступали к принятию Тайн с таким добрым настроением и приготовлением, то должно было призвать в состав священнодействия и надлежащее приготовление, как и есть. Эту именно силу в отношении к нам имеют молитвы, псалмы, как и все, что на литургии священносовершается и возглашается. Ибо они освящают нас и благоустраивают то к надлежащему приятию святыни, то к сохранению и к дальней-

шему соблюдение ее в себе. Освящают они нас двояким способом. Первый способ тот, что мы получаем пользу от самих молитв, псалмов и чтений. Молитвы обращают нас к Богу, испрашивают нам отпущение грехов, подобно как и псалмопения умилоствивляют к нам Бога и привлекают к нам помощь свыше. Ибо *принеси в жертву*, — сказано, — *Богу хвалу, и Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня* (Пс. 14,15). А чтение Священного Писания возвещает благодать и человеколюбие Божие, а вместе с тем правду и суд, внедряет в наши души страх Божий и воспламеняет любовь к Богу, и таким образом вселяет в нас решительную готовность к исполнению Его заповедей. И все это как в священнике, так и в народе делает душу лучше, боголюбивее, делает способным как его, так и народ к принятию и соблюдению Честных Даров, что составляет цель священнодействия. В частности, священника это приготавливает к тому, чтобы он достойно мог приступить к совершению жертвоприношения, что составляет, как сказано выше, предмет таинственного священнодействия. Это-то и содержится в молитвах — во многих местах; священник молится о том, чтобы не оказаться ему недостойным предстоящего священнодействия, но чтобы чистыми руками, душою и языком он мог послужить Таинству; и, таким образом, уже и сами слова, которые читаются и поются, сами по себе помогают нам при совершении Таинства. А с другой стороны, и через это, а вместе и через все, что совершается в священнодействии, мы получаем освящение и другим способом — тем, что во всем этом мы созерцаем здесь образ Христа, Его дела в отношении к нам и Его страдания. Ибо и в псалмах, и в чтениях, и во всем том, что совершается священнослужителем во все продолжение священнодействия, изображается домостроительство Спасителя, так что то, что составляет первое в этом домостроительстве, объясняется в первых действиях этого священнослужения, второе — во вторых, следующее затем — в последних священнодействиях; так что у тех, кто смотрит на это, все те обстоятельства находятся как бы пред глазами. Так, например, освящение даров или сама жертва возвещает Его смерть, Воскресение и Вознесение, потому что эти честные дары претворяются

в само Тело Господне — то самое, Которое все это приняло на себя, Которое было распято, воскресло и вознеслось на небо. А что предшествует этой жертве, изображает то, что было до смерти Спасителя — Его пришествие, Его явление, Его окончательное вступление в дело служения спасению рода человеческого; а что следует после жертвоприношения — обетование Отца, о котором Сам Он сказал, сошествие на апостолов Святого Духа, обращение через них к Богу и введение язычников в общение с Богом. Вообще все священнодействие есть как бы один образ единого Тела Царства Спасителя — образ, представляющий все его части от начала до конца во взаимном порядке и согласии. Таким образом, псалмы, которые поются в самом начале, все, что предшествует им, что совершается и говорится в предложении даров, все это означает первоначальное время Христова домостроительства. А что следует за псалмами — чтение Священного Писания и прочее — изображает дальнейшее. Хотя выше показана другая польза от чтений и псалмопений, ибо они введены, очевидно, для того, чтобы увещевать нас к добродетели и умиловать Бога, однако же ничто не мешает им иметь и такое назначение; одно и то же, конечно, может и вести верных к добродетели, и изображать домостроительство Христово. Ибо как одежда выполняет, с одной стороны, простое назначение — прикрывать собой тело, а с другой стороны, смотря по тому, какая она бывает, означает собой и ремесло, и образ жизни, и достоинство того, кто ее носит, так точно и здесь. Что Священное Писание заключает в себе и богодухновенные изречения, и песни во славу Божию и увещевает к добродетели, через это оно освящает тех, кто читает его и поет; а что избраны именно такие чтения и расположены именно в таком порядке, поэтому оно имеет и другое значение, изображая нам довольно ясно пребывание Христово на земле и Его Царство. И притом такой смысл имеет не только то, что поется или читается, но и что совершается. Каждая вещь совершается здесь по настоящей надобности: она означает или что-нибудь из дел Христовых, из Его деяний, или страданий. Таков, например, вход во святилище с Евангелием или вход с Честными Дарами; то и дру-

гое делается по надобности: первое — для того, чтобы Евангелие потом читалось, последнее — для совершения жертвоприношения, а то и другое означает явление и открытое вступление Христа в дело служения спасению рода человеческого; одно — явление неясное, неполное, когда Он только что начал Себя открывать, другое — явление совершеннейшее, последнее. В числе того, что здесь совершается, конечно, есть нечто и такое, что делается вовсе не для удовлетворения какой-нибудь необходимости, но совершается только для выражения известной мысли, например, прободение хлеба и изображение на нем креста, или то, что нож для прободения бывает сделан в виде копья, или, наконец, приливание к Святым Дарам теплой воды. Много такого можно встретить и в других Таинствах, например, в крещении: кому предстоит креститься, должны снять с себя обувь и одежду и, обратясь к западу, протянуть руки и дунуть; через это внушается, какова должна быть в нас ненависть к злему духу и до какой степени должно простираться отвращение к нему в том, кто хочет быть истинным христианином; другое что-нибудь в этом же роде при совершении Таинств имеет другое какое-нибудь значение. А что совершается при священнодействии Святых Даров, все имеет прямое отношение к домостроительству Спасителя и с той целью, чтобы созерцание этого домостроительства, находящегося как бы у нас перед глазами, освящало наши души и, таким образом, мы делались способными к принятию Святых Тайн. Как тогда это домостроительство воскресило вселенную, так точно и теперь, если постоянно будем созерцать его, оно делает душу созерцающего лучше и боголюбивее. А если говорить точнее, то и тогда оно нисколько не принесло бы пользы, если бы его не созерцали, если бы в него не веровали.

Потому-то о нем и было проповедано, и потому-то Бог и употребил бесчисленные средства для того, чтобы в него уверовали, ибо иначе оно не могло бы произвести и своего действия — спасти людей, если бы существование его было сокрыто от тех, кто имел спастись. Но тогда об этом домостроительстве только еще проповедовали и оно возбуждало почитание ко Христу, веру и любовь к Нему в душах людей неведущих, — возбуждало, значит,

чувства, которых не было, а теперь, когда оно с благочестивым усердием созерцается людьми, уже уверовавшими, оно не возбуждает в них этих благочестивых чувств потому, что они уже есть в них, а только сохраняет, обновляет, усиливает; оно придает им большую твердость в вере, большую горячность в благочестии и любви. Если уж оно в состоянии было дать бытие тому, чего не было, то еще легче, конечно, может это соблюсти, сохранить и обновить. Между тем, благочестие, вера, любовь к Богу, полная горячности, — это такие чувства, которые непременно мы должны иметь, приступая к Святым Тайнам, без которых даже и смотреть на них крайне нечестиво. Поэтому чин священнодействия, естественно, должен служить выражением того созерцания, которое могло бы возбудить в нас такие чувства, чтобы мы не умом только размышляли, но некоторым образом видели глубокую нищету Богатого, странническую жизнь Того, Кто объемлет всякое место, перенесение оскорблений Благословенным, страдания Бесстрастного видели, до какой степени Его ненавидели, и, однако же, как Он сам любил, Кто Он был и как уничижил Себя, что претерпел, что сделал и какую после того уготовал нам Трапезу, и, таким образом, пораженные удивлением при виде неожиданного спасения, изумленные множеством Его щедрот, мы почтили бы Того, Кто оказал нам такую милость, Кто даровал нам такое спасение, вверили Ему свои души, предали Ему свою жизнь и воспламенили сердце огнем любви к Нему; потом, достигнув такого состояния, безбоязненно, как свои, приступали к пламени Святых Тайн. Ибо, чтобы достигнуть нам такого состояния, недостаточно того, чтобы в известное время изучить все, касающееся Христа, и знать это; нет, для этого необходимо, чтобы око нашего ума было постоянно обращено к этим предметам, чтобы мы созерцали их, употребив все усилия к тому, чтобы удалить все другие помыслы, так как мы должны при этом иметь в виду сделать свою душу, как я сказал уже, способной к освящению. Ибо, если мы будем иметь только понятие о благочестии так, что когда нас спросят о нем, мы могли бы отвечать здраво, а когда нужно приступать к Таинствам, не будем созерцать всего как

следует, а, напротив, внимание наше будет обращено на другие предметы, то от этого знания нам не будет никакой пользы потому, что при этом в нас не может пробудиться ни одно из тех чувств, о которых было сказано, — мы будем иметь настроение, соответственное тем мыслям, которые будут занимать нас в это время, в нас будут преобладать такие чувства, какие они в состоянии пробудить. Поэтому-то и присвоен священнодействию такой вид, при котором одно не только высказывается словами, но и представляется подробно взорам; другое выражается во всем священнодействии для того, чтобы посредством этого удобнее действовать на наши души, — чтобы в нас было возбуждено чувство, а не простое только созерцание, так как воображение при содействии глаз гораздо яснее представляет нам образы предметов; посредством другого не дать места забвению, не допустить мысли обращаться на другие предметы, пока дело не дойдет до самой трапезы, чтобы таким образом, будучи исполнены таких мыслей и имея сознание в полной силе, мы приобщились Святых Тайн, присовокупив к освящению освящение, к освящению в созерцании — освящение самим делом и преобразуясь от славы в славу, от меньшей в такую, которая больше всех. Вот смысл всего священнодействия, говоря вообще. Далее надобно будет, по возможности, рассмотреть его с самого начала по частям: сначала предварительные молитвы, священные слова, священные песни и чтения; потом — само священнодействие, саму жертву; потом — освящение, которым при помощи этой жертвы освящаются души христиан, как живых, так и умерших; потом — следующие за тем песни и молитвы, возносимые от лица народа и священника к Богу, что здесь будет иметь необходимость в рассмотрении и объяснении; главнейшим же образом и постоянно мы должны будем иметь в виду домостроительство нашего Спасителя, изображаемое во всем священнодействии, объясняя предметы, относящиеся к этому домостроительству, теми или другими действиями в священнослужении.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Почему Честные Дары не с самого начала полагаются на престол

Прежде всего рассмотрим то, что совершается и говорится в предложении Святых Даров, и само принесение и предложение даров. Зачем не вдруг они приносятся для священной жертвы на престол, но сперва предлагаются Богу как дары? Это потому, что древние приносили Богу жертвы, состоявшие в заклании животных, — жертвы кровавые, но приносили также и дары, как, например, золотые или серебряные вещи. А Тело Христово представляет собой и то, и другое: оно было и жертвой — это под конец, когда предано было на заклание ради славы Отца; но сначала оно было предложено Богу, служило честным даром Ему и как бы было принято Им, с одной стороны, как начаток нашего рода, с другой же — по закону, потому что Он был первородный. По этой-то причине и то, что приносится ныне и чем знаменуется это Тело, не сейчас же возлагается как священная жертва на престол, — это бывает уже под конец, — а сначала оно предлагается, оно служит и называется Честными Дарами Богу. Так поступил и Христос, когда, взяв хлеб и вино в руки, показал Богу и Отцу, принося их Ему как дары, когда предложил, представил их Ему. Откуда это видно? Из того, что так поступает Церковь и называет это Дарами. Ибо она не делала бы этого, если бы не знала, что так поступил и Христос; она слышала Его повеление: *сие творите* (Лк. 22, 19), и если бы в этом действии не было сходства с тем, как поступил Христос, тогда здесь не было бы с ее стороны подражания Ему.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ**О том, что Дары предлагаются Богу
как начатки человеческой жизни**

Каков же вид даров? Древние приносили начатки от плодов, от стад, от скота или от других тварей. А мы как начатки нашей жизни посвящаем Богу эти дары, служащие человеку пищей, посредством которой поддерживается телесная жизнь; мало того, жизнь не только поддерживается пищей — пища служит признаком жизни. Мы ели и пили вместе с Ним по Воскресении, — говорили о Христе апостолы (см.: Деян. 10, 41), желая показать, что они видели Его живым. И Господь, когда воскресил одну мертвую девушку, велел дать ей есть, чтобы посредством пищи удостоверить всех в ее жизни (см.: Мк. 5, 35—43; Лк. 8, 49—55; про юношу в Лк. 7, 12—15). Кто начинает употреблять пищу, о том без малейшей несообразности можно заключать, что он начинает жить. Но, может быть, кто-нибудь скажет, что почти все, что приносили Богу и древние, также может служить пищей человеку? Это были плоды, над которыми трудятся земледельцы, и животные из числа употребляемых в пищу. Так что же? Все это служило начатками человеческой жизни? Нет. В числе этих предметов нет ни одного, который составлял бы пищу собственно человеческую, они служат пищей и для других животных: одни — для птиц и травоядных, другие — для плотоядных. Человеческой пищей мы называем то, что является отличительной принадлежностью одного человека, а между тем потребность в приготовлении хлеба для пищи, в выделывании вина для питания свойственна только человеку. Под этим самым видом и приносятся Святые Дары.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Почему нужно было, чтобы Дары служили начатками человеческой жизни

Какова же причина, каково основание тому, что мы должны приносить эти дары Богу как начатки жизни? Это потому, что Бог за эти дары дает нам жизнь. А справедливость требует, чтобы дар не совершенно разнился от воздаяния, но чтобы имел с ним какое-нибудь сходство, и если последнее есть жизнь, то первый также должен быть жизнью, в каком бы то ни было смысле, особенно потому, что установитель дара и податель воздаяния есть один и тот же праведный Судия, всему полагающий вес и меру. Он заповедал приносить хлеб и вино; Он же и воздаст за это хлебом жизни и чашею жизни вечной. Как апостолам за ловлю Он воздал ловлей же (за ловлю рыб ловлей людей (см.: Мф. 4, 19)) и богатому человеку, который предложил Ему вопрос о царстве, вместо земного богатства обещал богатство небесное (см.: Мф. 19, 16–22; Мк. 10–22; Лк. 18, 18–23), так точно и здесь, только наоборот: посредством чего Он имел дать нам жизнь вечную (я говорю о Животворящем Его Теле и Крови), то самое заповедал нам приносить под видом того, чем поддерживается временная жизнь, чтобы жизнь мы получали за жизнь, вечную жизнь — за временную, чтобы благодать имела вид воздаяния, чтобы безмерная милость заключала в себе и свою меру правды, — чтобы исполнилось изречение: *Я положу Свое милосердие на весы* (ср.: Ис. 28, 17). И так бывает не только в этом Таинстве, но и в Таинстве крещения: мы получаем жизнь в обмен на жизнь, одну отдаем, другую вместо нее принимаем. Но отдавание жизни представляет, изображает собой смерть, а возвращение к жизни есть в собственном смысле жизнь. Так как Спаситель, вкусив смерть и воскреснув, благоволил и нас сделать причастниками новой Своей жизни, то Он повелел нам, чтобы и мы приносили Ему что-нибудь из этого великого дара. Что же именно? Подражание Его смерти. Каким образом? Скрывая свое тело в воде, как бы в гробе, и сделав это три раза. После

этого Он принимает нас уже как участников в Его смерти и погребении и удостоивает нас Своей новой жизни. И здесь точно так же.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Почему полагается не весь хлеб, но вырезается особая часть

Надобно сделать несколько замечаний и касательно того, почему священник делает даром, предлагает Богу и, возложив на престол, освящает не просто те самые хлебы, какие будут принесены, а тот хлеб, который он сам от них получает. Это также особенность, принадлежащая приношению Христову. Другие дары их владельцы отделяли от однородных с ними предметов, приносили в храм и отдавали в руки священников, а священники принимали и предлагали их, или приносили в жертву, или поступали так, как следовало с той или другой из принесенных вещей. Но Тело Христово отделено от предметов одного с ним рода, принесено, принято, предложено Богу и, наконец, принесено в жертву самим же священником, потому что Сын Божий Сам избрал его для Себя, отделив его от нашего существа, Сам принес его в дар Богу, положив его в лоне Отца, так как Сам Он никогда не отлучался от Его лона, а пребывал там даже и после того, как создал это Тело и облекся в него, так что оно уже было посвящено Богу с того самого времени, как только лишь получило образование, а, наконец, также Сам Он и вознес его на крест, и принес в жертву. Потому-то и хлеб, который должен быть преложен в Тело Христово, сам священник отделяет от однородных с ним хлебов, сам предлагает Богу, положив его на священное блюдо, а потом, перенеся его на престол, приносит в жертву.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Почему над хлебом священник изображает страдания Христовы

Вырезанный хлеб, пока он лежит на жертвеннике, есть простой хлеб. Он только лишь предложен Богу и сделался даром. Этим означает тот период времени, когда и Христос был даром; а Он был им, как сказано выше, с самого рождения, так как Он был даром и по самому рождению Своему, по закону, потому что Он был первородный. Но так как то, что совершилось над этим Телом в последующее время, — страдания ради нашего спасения, крест и смерть, — было прообразовано гораздо прежде, еще древними, по этой причине и здесь священник, прежде перенесения хлеба на престол и принесения его в жертву, предварительно старается представить на нем эти образы. Каким же образом? Когда, отделив его от цельного хлеба, делает из него дар, изображает на нем, как на доске, страдания и смерть Господню и, что ни делает, делает или по необходимости, или с намерением, соединяя со своими действиями именно это самое значение: эти действия составляют повествования самим делом о страданиях Христовых и о Его смерти. И это древний обычай: было время, когда и повествовали, и убеждали, и пророчествовали действиями. Например, пророк, желая показать пленение евреев, наложил на себя цепи; наконец, и Агав поступил точно таким же образом, означая через это узы Павла (см.: Деян. 21, 10); рассказывают также, что один из богоносных отцов, когда его спросили, что такое монах, не отвечал ни слова, а снял одежду, которая на нем была, и начал ее попирать ногами. И саму смерть Господню, и все Его домостроительство древние и сами выражали, и от Бога узнавали не посредством только слов одних, но и при помощи действий; таково, например, было море, рассекаемое жезлом (см.: Исх. 14, 16), купина, горящая в огне (см.: Исх. 3, 2—4), Исаак, ведомый отцом на заклание (см.: Быт. 22, 1—13), и другие действия, посредством которых с самого начала знаменуема была тайна искупления. И священник представляет собою лицо, которое действует точно таким же образом: что знает он об этой жертве, то он излагает и словами, то же показывает и посредством действий, насколько

это возможно показать над таким веществом. Он как бы так говорит: «Вот как Господь шел на страдание, вот как Он умер, вот как у Него было прободено ребро, вот как из прободенного ребра излилась тогда эта кровь и вода», — и так поступает, во-первых, для того, чтобы, как я уже сказал, показать, что этой истине, этой действительности сначала предшествовали образы и известные писания, служа для людей предзнаменованиями, подобно тому, как и сам он прежде перенесения хлеба на престол и принесения его в жертву изображает на нем обстоятельства жертвы Христовой. А потом он еще выражает через это и ту мысль, что этот хлеб скоро будет пресуществлен в тот истинный Хлеб, Который был распят, принесен в жертву. А сверх всего этого еще, так как нужно провозвещать смерть Господню, то, чтобы не оставить без внимания ни одного из способов провозвещать и повествовать, — для чего нам нужно было бы иметь тысячу уст, — он повествует и словесно, и посредством действий.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В чем состоит воспоминание Господа

Сперва, взяв просфору, из которой должно вынуть священный хлеб, говорит: «В воспоминание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, по Его заповеди, ибо, сие творите, говорит Он, в Мое воспоминание». И это говорит иерей не об этом только хлебе, но о всей службе, как бы начиная священнодействие с заключения, так как Господь уже по совершении всего Таинства присовокупил эти слова: *сие творите в Мое воспоминание*. Но в чем же состоит это воспоминание? Каким образом мы вспоминаем при священнослужении Господа? Какие Его действия и какое состояние? Я хочу сказать: о чем размышляем, о чем повествуем мы при этом воспоминании? Может быть, о том, что Он воскрешал мертвых, возвращал зрение слепым, останавливал Своим словом ветры, напитал досыта немногими хлебами тысячи, — что показывало в нем Бога и Всемогущего? Нет. Напротив,

воспоминаем то, что видимо служит признаком немощи, — крест, страдания, смерть, — вот на чем Он повелел нам останавливаться при воспоминании о Нем. Откуда же это видно? Так думал Павел, который знал это хорошо. Когда он пишет к коринфянам о Таинстве причащения, то, передав им, что сказал Господь (*сие творите в Мое воспоминание*), присовокупил: *ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете* (1 Кор. 11, 25–26). И Сам Господь выражал эту же мысль, когда преподавал Таинство, ибо сказал: сие есть Тело Мое, сия есть Кровь Моя; не чудеса приложил к ним, сказав, что они воскрешали мертвых, очищали прокаженных. А что? Одно страдание и смерть: за вас ломимое, за вас изливаемая. Какое же основание тому, что Он напоминает не о чудесах, а о страданиях? То, что страдания необходимее чудес, судя по тому, что они, — я разумею страдания, — составляют причину нашего спасения и без них невозможно было бы для человека и воскресение, а чудеса служат только доказательством, ибо они совершались для того, чтобы все веровали в Господа, что Он воистину Спаситель.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О том, что совершается над хлебом

Поскольку таким именно образом должно быть совершаемо воспоминание Господа, то для этого священник, говоря «в воспоминание Господа», присовокупляет то, чем выражается мысль о Кресте и смерти. Ибо, раздробляя хлеб, он приводит древнее пророчество о спасительной страсти: *как овца, веден был Он на заклание* (Ис. 53, 7 и далее), повествуя об этом сколько возможно и словом, и делом. Совершая раздробление хлеба, с одной стороны, по необходимости — чтобы вынуть дары, он делает это также и для изображения того, о чем сказано выше, означая этим отшествие Господа из мира и возвращение Его к Отцу путем смерти, как Сам Он сказал: *Оставляю мир и иду к Отцу* (Ин. 16, 28); поэтому священник многократно вонзает

копье, потом разрезает хлеб и на столько же частей разделяет и пророческое слово, приспособляя каждую часть слова к той или другой части хлеба, чтобы показать, что дело здесь служит выражением слова, что как этот хлеб, чтобы быть предложенным Богу и освященным, отделен от однородного с ним вещества, так и Господь отошел от людей, с которыми по человеколюбию имел одну и ту же природу, и *как овца веден был на заклание*, и таким образом была взята *от земли жизнь Его* (Деян. 8, 33). Потом, присовокупив, что следует в пророчестве далее, и положив хлеб на священном блюде, он делает и говорит то, чем изображается само жертвоприношение, — смерть Господа. Жрется (приносится в жертву. — *Изд.*), — говорит он, — *Агнец Божий, Который берет на себя грех мира* (Ин. 1, 29), — этими словами и действиями он выражает сам вид смерти, так как на хлебе он изображает крест и этим самым высказывает, каким образом совершено жертвоприношение: что именно посредством креста. После того он прободает хлеб, и притом с той стороны, которая представляется правой, выражая прободением хлеба прободение ребра; по этой же причине и орудие для прободения называется копием и бывает устроено в виде копья для того, чтобы оно напоминало собой то копье. Изображая таким образом это действиями, он в то же время передает само событие и словами: *один из воинов копьем пронзил Ему ребра* (Ин. 19, 34). Подобным образом и то, что оттуда излилась кровь и вода, он и повествует словами, и изображает действиями, вливая в Священную Чашу вино и воду (и это воспоминание Господа!), и присовокупляя слова: *и тотчас истекла кровь и вода* (там же).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Для чего Господь повелел творить это в Его воспоминание?

Но зачем Он дал нам такое повеление? Что имел Он в виду, когда потребовал от нас такого воспоминания? То, чтобы мы не оставались неблагодарными. Известно, что для благодетелей

служит в некотором роде наградой со стороны благодетельствованных ими и то, когда последние помнят их: помнят те дела, которыми оказано им благодеяние. Для этого воспоминания люди придумали разные средства: памятники, статуи, столбы, празднества, торжества, состязания. Цель всего этого одна — чтобы благодеяния людей не предавались забвению. Эта же цель и у Спасителя; «но только другие, — как бы так говорит Он, — ищут другие пособия против забвения для того, чтобы помнить тех, кто оказал им благодеяние, а вы *сие творите в Мое воспоминание*». И как на столбах, воздвигнутых в память доблестных мужей города, изображают те победы, посредством которых они были спасены, приведены в лучшее положение, так точно и мы на этих дарах изображаем смерть Господа, посредством которой была одержана полная победа над лукавым. Только города при помощи изображений имеют у себя один лишь телесный образ своих благодетелей, а мы при посредстве этого приношения имеем у себя не телесный образ, а Самого Подвигоположника — собственное Его Тело. И еще в Ветхом Завете заповедано было совершать в образах то самое, что теперь Он повелел нам совершать в действительности, самим делом; это самое и значила Пасха — заклание агнца и воспоминание об этом заклании и о крови, которою в Египте были спасены первенцы еврейские. Такой вот смысл имеет это воспоминание!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О том, что говорится при приношении Даров после воспоминания Господа; также о том, что это приношение есть вместе и благодарственное, и просительное

Между тем священник все еще совершает приношение: отделяя часть от каждого принесенного хлеба, он обращает ее в Священный Дар, но говорит и делает уже не то, что сначала, чем обозначалась смерть Господня; то хотя и бывает сказано однажды, но относится ко всему священнодействию, ибо все вообще

приношение даров совершается в воспоминание Господа, и в нем постоянно возвещается смерть Господня. Так что же говорится далее? Во славу Пресвятой Божией Матери, в честь того или другого святого, в оставление грехов душ живых или умерших. Что же это значит? То, что увещеванием, по которому приносятся дары, служит благодарность Богу и прошение. Ибо таков уже порядок вещей, что никакой дар не дается без цели, идет ли речь о том, чтобы благоугодить дарами Богу или чтобы почтить дарами кого-нибудь из людей, но всегда ради какого-нибудь блага или полученного, или еще ожидаемого. Мы приносим дары или в благодарность благодетелю за то, что получили, или ищем через них милости у того, кто может для нас что-нибудь сделать, чтобы получить то, чего еще не было. А эти дары представляются дарами, приносимыми по той и другой причине: и за то, что мы получили, и для того, чтобы получить; мы благодарим Бога и просим Его: благодарим за то, что для нас сделано, просим, чтобы получить блага, так что одни и те же дары суть и благодарственные, и умиловительные. Что же это за блага, которые нам уже даны и каких еще мы ищем? Те и другие совершенно одно и то же: оставление грехов и наследие Царствия. Вот чего мы должны прежде всего просить себе и по Его заповеди, что уже и получила Церковь, о чем она и просит. Как же теперь нужно понимать то, что Церковь получила эти блага, и как понимать то, что она их еще не получила и, чтобы получить, молит об этом Бога? Получила она их, во-первых, в том смысле, что ей дано право на эти блага, ибо она приняла *власть быть чадами Божиими* (Ин. 1, 12), и это общий для всех христиан дар, преподанный нам через смерть Спасителя; в этом-то и заключается сила Божественного крещения, равно как и прочих Таинств, посредством которых мы становимся *свои Богу* (Еф. 2, 19) и делаемся наследниками Царства Небесного; но затем еще Церковь наследовала и само это Царство и наследовала самым делом — в лице бесчисленных своих членов, которых она предпослала на небо как на новое место жительства, которых блаженный Павел называет Церковью *первенцев, написанных на небесах* (Евр. 12, 23). В этом смысле Церковь получила уже великие блага. Но она еще не

получила этого Царства в лице тех своих чад, которые еще только бегут на ристалище (см.: 1 Кор. 9, 24) или, говоря проще, которые находятся еще в этой жизни и конец которых неизвестен, а также тех, которые отошли от этой жизни не с совершенно отрадными и несомненными надеждами. По этой причине она воспоминает смерть Господню, воспоминает и святых, отшедших от этой жизни, но воспоминает также и еще не достигших совершенства; за тех она благодарит, а за этих ходатайствует. Таким образом, первая часть приношения, равно как и вторая, есть благодарственная, а следующая за тем — просительная: воспоминание Господа во славу Блаженной Его Матери, в честь святых. «Благодарим Тебя, — говорит священник, — что смертью Своею Ты отверз нам врата жизни, что избрал Себе из нас Мать, что человек получил такую славу, что мы имеем ходатаев за себя одной с нами природы, что единокровным с нами Ты даровал такое дерзновение». Ибо слова «во славу», «в честь» значат «ради славы и чести», точно так же, как и слова «во оставление грехов» суть то же, что и слова «ради оставления» и имеют двоякое значение: то есть ради оставления грехов, уже полученного или еще ожидаемого. Между тем, кто не знает, что слава Блаженной Девы, предстательство и дерзновение святых принадлежат к числу благ, уже полученных? А приносить дары за блага полученные, очевидно, есть не что иное, как благодарность. После того, что сказано, ясны стали и эти слова: в воспоминание Господа — это значит как бы «в воздаяние Ему за Его смерть», «в благодарность Ему»; эти слова при принесении даров и произносятся прежде всего потому, что смерть Господа была для нас причиной всех благ. Наконец, после всего иерей совершает моление, испрашивая оставления грехов, упокоения душ и тому подобное. И это правило благоразумия, чтобы мы, обращаясь к Богу, не сейчас же высказывали Ему свои нужды и требовали того, в чем терпим недостаток, а лучше сначала приводили бы себе на память то, что уже получили и имеем, и возносили Богу за то благодарение и славословие, возводя таким образом славу Божию выше, чем свои нужды.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ**Для чего Дары покрываются и
что при этом говорится**

Но так как то, что было сказано и совершено над хлебом и чем знаменовалась смерть Господня, служило лишь изображением и подобием, а хлеб остается все еще хлебом, сделался только даром Богу и потому изображает собою тело Господне в первое время Его жизни, потому что оно тоже сначала было даром, как сказано выше, по этой причине священник прилагает к хлебу и представляет на нем те чудеса, которые совершались над телом Господа в то время, когда Он был новорожденным и еще лежал в яслях. Поставив над ним так называемую звездицу, он говорит: «И пришедши звезда ста верху, идеже бе Отроча»; повторяет также слова, задолго до того времени изреченные о Нем пророками и приличные одному Богу, для того чтобы люди из-за Его плоти и из-за внешности не составили о Нем понятий унижительных, не достойных Его Божества: «Словом Господним небеса утвердишася; Господь воцарися, в лепоту облечеся; покрыла есть небеса добродетель Его и разума Его исполнь земля». Говоря это, он покрывает дары, то есть хлеб и чашу, честными покровами и кадит со всех сторон, ибо и сила воплощенного Бога в течение известного времени, до времени чудес и свидетельства с неба, была сокровенна; но кто был так мудр, что мог говорить о Нем: «Господь воцарися, в лепоту облечеся», — и прилагать к Нему и все прочие изречения, приличные Богу, те узнавали Его, чтили как Бога и различали тот покров, который на Нем был. Это-то самое и изображая, иерей говорит при покрывании даров: «Покрый нас кровом крилу Твоею», — и кадит повсюду. После этих слов и действий священник молит Бога, чтобы в этом священнодействии все достигло Его по назначению; потом идет к престолу и, став перед Священной трапезой, начинает священнодействие.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ**О начальном славословии**

Первое место в ряду священных слов занимает начальное славословие: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа». Молитва к Богу обыкновенно состоит в благодарении в славословии, в исповедании, в прощении. Но первое место между ними принадлежит славословию, в особенности потому, что таково правило людей благоразумных, приступающих к Господу, — прежде всего выставлять на вид не то, что касается их самих, а то, что как будто бы только и относится к Господу. А таково именно и есть славословие, ибо кто просит, тот водится желанием поправить свои обстоятельства; кто приносит исповедание, стараясь освободиться от зла, тот также выставляет себя на вид; и кто благодарит, очевидно, действует под влиянием удовольствия при виде своих благ; а кто приносит славословие, тот оставляет в стороне и себя, и все свое и славословит Господа ради Самого Господа, ради Его силы и славы. Затем и сам порядок вещей, сама сообразность с существом дела требуют, чтобы на первом месте здесь было славословие. Как только мы приступаем к Богу, мы прежде всего познаем Его неприступную славу, силу и величие; следствием этого бывает удивление, изумление и тому подобное, а это уже и есть славословие; если мы пойдем далее, узнаем Его благодать и человеколюбие, следствием того бывает благодарение; после того мы начинаем созерцать все величие благодати Его, все богатство Его человеколюбия; первым и вполне достаточным доказательством этого величия, этого богатства для нас служит то, что мы сами так плохи и что, несмотря на то, Он не перестает нам благодетельствовать; это доказательство убеждает нас, как человеколюбив Бог, и убеждает лучше других, потому что оно ближе к нам, оно в нас, оно у нас перед глазами; между тем, если мы будем припоминать свои дурные поступки пред Богом, это и будет то, что называется исповеданием. Прощение же занимает четвертое место; после таких размышлений, посредством которых мы познаем благодать и человеколюбие Божие в отношении к нам, само

собой следует, что мы должны смело быть уверены в том, в чем мы нуждаемся, то непременно получим, если будем просить. Если уже Он был так благ к людям плохим, то каким будет для тех, кто меняется к лучшему, кто уже оправдан за то, что исповедал свои грехи, по слову пророка: *Говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26)? Таким образом, славословие занимает первое место в ряду молитвы; по этой причине прежде всякой молитвы, прежде всех священных слов священник славословит Бога. Но зачем он провозглашает троичность в Боге, а не единство Божие? Не говорит «благословен Бог» или «благословенно Царство Божие», но различает Лица: «благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа»? Потому, что через вочеловечение Господа люди в первый раз узнали, что в Боге три Лица; а между тем, что совершается здесь, то служит таинственным изображением этого самого вочеловечения Господня; поэтому и нужно, чтобы в самом начале этого священнодействия просияла, была провозглашена Троица.

После славословия он предлагает прошение, говоря: «Миром (в мире) Господу помолимся». *Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно* (Рим. 8, 26); чтобы поэтому мы не пустословили, он дает нам касательно молитвы необходимые наставления и прежде всего научает, как нужно молиться: нужно молиться миром. Но почему он после славословия непосредственно велит воссылать прошение, между тем как еще не было ни исповедания, ни благодарения Богу? Потому, что в этом слове «мир» заключается уже мысль о тех видах молитвы, если только кто захочет настоящим образом об этом поразмыслить, ибо кто недоволен встречающимися с ним в жизни обстоятельствами, тот не может иметь и мира в самом себе; его имеет только человек благоразумный, который за все благодарит, по правилу блаженного Павла (см.: 1 Сол. 5, 18); не может иметь и тот, у кого нечиста совесть, а чистая совесть без исповеди — дело невозможное. Таким образом, кто молится с миром, у того в душе уже было и благодарение, и исповедание. А притом и прошение, которое они приносят Богу, представляет их и благодарящими, и исповедающимися. О чем они просят? О помиловании. А это просьба

осужденных: когда у этих последних нет более никаких средств к защите, когда им нечего уже бывает говорить в свое оправдание, они обращаются к судье с этим последним словом в надежде получить просимое если уже не по праву, то по его человеколюбию. А кто поступает так, тот этим самым свидетельствует, с одной стороны, об особенном добродушии Судии, с другой — о своих дурных качествах; здесь одно есть свойство исповеди, а другое — свойство благодарения. К молитве же народ увещевает священник, как лицо, на то поставленное. Для этого-то, собственно, он и поставлен во главе народа как ходатай за него и посредник, чтобы его молитва была действительна и имела больше силы, как сказал и апостол Иаков: *Много может усиленная молитва праведного* (Иак. 5, 16); когда и все те, за кого воссылается молитва, прилагают к тому все, что только нужно с их стороны: благие нравы, молитву, покорность и другие добрые качества, о которых знают, что они приятны Богу.

Какое же первое, непосредственно следующее за тем прошение? О свышнем мире и спасении душ наших. Дав наставление сначала о том, какое расположение духа надобно иметь во время молитвы, теперь он научает и тому, чего прежде всего надобно просить, а именно: сперва Царствия Божия и правды его, так как спасение душ означает Царствие, а свышний мир — правду Божию. Об этом мире сказал апостол Павел: *Мир Божий, который превышает всякого ума* (Флп. 4, 7). Его оставил Господь апостолам, отходя к Отцу, когда сказал: *Мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). Как там слово «правда» означает не одну только раздачу всего поровну, а выражает собой добродетель в каком бы то ни было роде, так и здесь слово «мир» означает нечто общее, потому что он есть плод всех добрых качеств в совокупности, плод всякого вообще любомудрия, ибо невозможно стяжать совершенный мир тому, у кого недостает хотя бы одной какой-нибудь добродетели; напротив, необходимо пройти по всем степеням добродетели тому, кто хочет наслаждаться миром. Таким образом, нужно сначала приучать себя к тому, чтобы иметь мир с людьми, какой только возможен для нас, а потом просить у Бога Его мира. Такой порядок существует

и в отношении ко всякой добродетели: есть целомудрие, которое достигается посредством подвига, и есть целомудрие, которое дается душе от Бога; и любовь, и молитва, и мудрость, точно так и в отношении ко всему прочему. Потому и священник сначала говорит нам о том мире, который в нашей власти, который достигается нами самими, и с таким миром повелевает нам возносить свои прошения к Богу; а затем — о том мире, который дается от Бога, и о нем он заставляет нас молить Бога, когда говорит: «О свышнем мире помолимся». Он говорит здесь не о мире только в отношении друг к другу, когда мы бываем не злопамятны друг к другу, но и о мире с самими собой, когда сердце наше не осуждает нас. А от такого мира великая польза; можно сказать даже — он необходим нам на каждом шагу и потому, что для души, волнуемой смятением, совершенно невозможно достигнуть единения с Богом по самому свойству смятения: как мир производит то, что многие представляют собой одно лицо, так смятение одно лицо разделяет на многих. Каким же образом такое лицо может быть в согласии с Богом, Существом единым и простым? Да и потому еще, что кто молится без мира, тот не может ни хорошо помолиться, ни получить что-нибудь хорошее от своей молитвы. Волнует ли человека гнев и злопамятство изгнало мир из его души, он не обретет через свою молитву и прощения грехов, а тем больше не получит какой-нибудь другой милости; или вследствие каких-нибудь других грехов человек мучится совестью, и в сердце своем носит упреки, и его волнует такое смущение, и в таком случае он потерял всякое дерзновение пред Богом, по известному изречению (??); и, когда молится, молится без дерзновения, то есть без веры; а кто молится без веры, тот молится напрасно, без всякой пользы. Поэтому-то нам и повелевается, чтобы мы и молились Богу с миром, и прежде всего просили себе мира свыше, а после этого воссылали бы с добрым намерением прошения к Богу и о других предметах: не только о Церкви и государстве, о начальствующих в той и другом, о тех, кто находится в опасностях, в напастьях и в несчастиях, но, одним словом, обо всех людях, о целой вселенной, ибо «о мире, — говорит далее, — всего мира». И это

в особенности потому, что своего Господа мы почитаем общим Господом всех их и верим, что Он обо всех их заботится, как Творец о Своих творениях, что кто печется о них, тот угождает Ему даже лучше того, кто приносит Ему жертву; а, с другой стороны, по словам блаженного Павла, *дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. 2, 2); и молимся мы не об одних только благах, относящихся к душе, но и о благах телесных, для нас необходимых, — о благорастворении воздушных и изобилии плодов земных, чтобы виновником и подавателем всех этих благ мы почитали Бога и к Нему одному обращали свои взоры, ибо Сам Христос повелел нам просить у Него, между прочим, и насущного хлеба (см.: Мф. 6, 11).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Что значит постоянное моление о милости

Исследуем и то, почему в то время как иерей призывает к молитве о многих и разнообразных вещах, предстоящие верные молят об одном только помиловании и при каждом случае обращаются к Богу с этим одним и единственным прошением. Во-первых, это потому, что, как сказано выше, эта молитва прошения заключает в себе и благодарение, и исповедание. Притом просить у Бога милости — значит искать Его Царствия, которое Христос обетовал даровать ищущим, и не только его, но и при нем все прочее, в чем мы имеем нужду; поэтому-то и достаточно одной этой мольбы, как имеющей силу исходатайствовать все вместе. Откуда же, спросят, видно, что милость Божия означает Его Царство? Из того, что Христос, говоря о награде, уготованной милостивым, о том воздаянии, какое они получают от Его благодати, в одном месте говорит, что они помилованы будут, а в другом — что получают Царствие, так что выходит одно и то же, что получить от Него милость, что принять наследие Царствия. *Блаженны*, — говорит Он, — *милостивые, ибо они помилованы будут* (Мф. 5, 7); а в другом месте, как бы

изъясняя Сам Себя и показывая, что значит быть помилованным, говорит: *Скажет Царь тем, которые по правую сторону Его* (разумеются милостивые): *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34). С другой стороны, если кто по действиям, совершаемым людьми милостивыми, захочет заключать и о делах милосердия Божия, тот найдет, что оно состоит не в ином чем, как в даровании Царствия. Что же такое делают милостивые? *Алкал Я*, — говорит Он, — *и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня* (Мф. 25, 35). Так значит и Христос кого помилует, тому предложит Свою трапезу. Что же это за трапеза? *Да ядите*, — говорит Он, — *и пиете за трапезою Моею в Царстве Моём* (Лк. 22, 30). И дабы знал ты, как светоносна будет эта трапеза, что это не трапеза рабов, а трапеза царей, обрати внимание на то, кто будет тут служить: Сам Он, Владыка всех. *Он препояшется*, — говорит Писание, — *и посадит их, и, подходя, станет служить им* (Лк. 12, 37). Но Он еще и оденет человека помилованного, если он наг. То есть даст ему царскую одежду? Да, оденет его Своим собственным одеянием; а у Него, истинного Царя, нет ничего рабского, точно так, как у нас, рабов Его, нет ничего царственного своего. Это-то и есть брачное одеяние, облеченные которым непременно должны быть в Царствии, потому что Царю не за что будет с укоризной изгнать их из чертога. Еще что? Он откроет для них Свое жилище, введет туда и упокоит их, *ибо был странником*, — говорит Он, — *и вы приняли Меня* (Мф. 25, 35). Но кто удостоится такой милости, тот уже не раб, а сын, *ибо раб*, — говорит Писание, — *не пребывает в доме вечно* (Ин. 8, 35); сыны же суть наследники не только Царствия, но и Самого обладающего Царствием, *ибо наследники Божии*, — говорит Писание, — *сонаследники Христу* (Рим. 8, 17). Таким образом, просить у Христа милости — значит просить у Него унаследовать Царствие.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ**О предании себя Богу**

После молитв обо всем священник воззывает нас предать самих себя Богу следующими словами: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувше, сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Не у всех преданность Богу составляет истинную добродетель: для этого недостаточно только сказать, что предаешь себя всего, а нужно еще иметь и Божие соизволение; для этого непременно требуется дерзновение, а дерзновение происходит от чистой совести, когда сердце наше не осуждает нас, когда мы печемся о том, что к Нему относится, и при этом попечении презираем то, что собственно нас касается. Тогда-то мы и освобождаемся истинно от заботы о себе самих и вполне возлагаем промышление о нас на Бога с твердой уверенностью, что Он примет вверенное Ему нами и сохранит. Поскольку для этого требуется столько любомудрия и усилий, то мы или призываем сначала на помощь Всесвятую Матерь Божию и весь сонм святых, а потом уже и предаем себя Богу, так как слово «помянувше» значит «призвав», или сперва испрашиваем себе соединения веры и причастия Святого Духа, а потом сами себя и друг друга и весь живот наш предаем Богу. Что же это такое — единение веры? *Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих*, — говорит Писание (Иак. 1, 8), называя человеком с двоящимися мыслями человека нерешительного, который ни на чем твердо не останавливается, кто склоняется на обе стороны и ни в ту, ни в другую не направляется с решимостью.

Единением же веры означаетсЯ противоположное тому — твердость, решительность, постоянство, потому что, кто твердо верит, тот знает о предмете что-нибудь одно: или что он есть, или что его нет; между тем как переменчивый склоняется то на то, то на другое, как показывает и само название. Так вот что значит единение веры: это непоколебимость, чуждая всякого двоедушия. А причастие Святого Духа означает благодать Его;

она называется причастием потому, что после того, как Христос разрушил Крестом Своим средостение ограды между Богом и нами, подобало еще соединить и привести в общение тех, которые были удалены друг от друга и не имели ничего общего между собой, сблизиться и иметь общение; а это-то и совершенно сошествием Святого Духа на апостолов. Отсюда и святое крещение, и открылся обильный источник всех даров Божественной благодати, и соделались мы, по слову блаженного Петра, причастниками Божественного естества (см.: 2 Пет. 1, 4). Итак, тому, кто хочет предать себя Богу как должно, нужна твердая вера и помощь от Святого Духа. И мы предаем Богу не каждый только себя самого, но и друг друга, так как, по закону любви, должно заботиться не только о себе, но каждому и о других (см.: Флп. 2, 4).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Об антифонах и произносимых в продолжение их молитвах

В то время, когда диакон возглашает прошения и благочестивый народ молится, священник внутри алтаря совершает молитву тихо, про себя, о предстоящих и о святом доме, чтобы излились на них от Бога богатая милость и благодать, и присоединяет причину, по которой и сам просит об этом, и Бог может подать милость и благодать по правде своей — не потому, то есть, что молящиеся достойны того и что мы вправе принять это, а потому, что Ему подобаает всякая слава, честь и поклонение. «Ради Твоей славы, — говорит, — молю Тебя об этом, ибо являть такое человеколюбие к нам, недостойным, Твоя слава. Она подобаает Тебе по оному слову блаженного Давида: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу*» (Пс. 113, 9). Поэтому, совершив молитву, он причину эту, как заключение славословия, произносит, чтобы слышали все, чтобы славословие достигло каждого из участвующих в хвалебном пении и чтобы вся Церковь восхваляла Бога. И на самом деле слушающие

становятся общниками его в хвалении, ибо, когда священник произносит славословие, все верные приговаривают «аминь» и, провозглашая это слово, воспринимают все слова иерея. Потом священник начинает священное псалмопение, а предстоящие выполняют его до конца, воспевая богодухновенные изречения святых пророков. *Благо есть исповедатися Господеви и пети имени Твоему, Вышний* (Пс. 92, 1). Вот именно слово, приличествующее началу, так как говорит о самом пении, что оно благо, а это, конечно, надобно знать прежде всякого пения; «благо, — говорит, — исповедатися», то есть, благодарить, восхвалять. Когда это и все стихи по порядку будут пропеты, диакон воззывает верных к молитве, повелевая им, как и прежде, воссылать прошения. А между тем, как верные по окончании псалмопения молятся, священник произносит про себя молитву к Богу и вообще о целой Церкви, и в частности — об украшающих святой дом Божий и старающихся явить его во всех отношениях светолепным, чтобы и им самим ради него быть прославленными, и при этом указывает благоприличнейшую причину: «Яко Твоя держава и Твое есть Царство». Слава, говорит, есть и у царей, которые, когда захотят, могут окружить себя блеском; но Ты — Царь вечный, Твоя есть Держава и Твое есть Царство. Провозгласив эту причину, как славословие, во всеуслышание верных и приняв от них в ответном «аминь» участие в хвалении Богу, как и прежде, он опять начинает псалмопение, а верные опять довершают его и потом, как и прежде было сказано, по гласу диакона возносят Богу прошения. Священник же, снова совершая молитву о молящихся с ним верных, чтобы каждый из них получил на пользу себе от Бога то, чего просит собственно для себя, и сверх того вечную жизнь за гробом, присоединяет в качестве причины благодать Его и человеколюбие и, произнеся это заключение во всеуслышание, начинает третье псалмопение, во время которого выносятся Евангелие в предшествии служебных чинов, светильников и фимиама и в сопровождении всех, предстоящих престолу. Евангелие выносит диакон, если же диакона нет — священник. Священник при входе в алтарь останавливается неподалеку от врат, и, пока совершается

псалмопение, молит Бога, чтобы вместе с его вхождением в алтарь вошли святые ангелы и, присоединившись к священнодействию, приняли участие в его славословии Богу, и присоединяет причину: потому что Ему подобает слава и поклонение от человеков и ангелов, ибо это именно значит «всякая слава, честь и поклонение» — от всех существ, умеющих славить Бога и поклоняться Ему. Молясь об этом, он входит в алтарь и Евангелие полагает на святой трапезе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Знаменование священнодействия в общем очертании

Необходимо, впрочем, сначала по частям пройти слова псалмопений, сделав предварительно замечание, что Таинство домостроительства Христова знаменуется и самой жертвой, знаменуется и теми действиями и словами, которые предшествуют жертве и последуют за нею. Ибо жертва возвещает смерть, воскресение и вознесение Господа, так как Честные Дары предлагаются в само воскресшее и вознесшееся на небо тело Его; предшествующее жертве указывает на события перед смертью: на пришествие, явление и вступление Спасителя в открытое служение спасению рода человеческого; а последующее за жертвой напоминает об обетовании Отца, как Сам Он называл, то есть о сошествии Духа на апостолов, об обращении через них и введении народов в общение с Богом. И все таиноводство есть как бы одно некое тело истории, от начала до конца сохраняющее стройность и целость, так что каждый отдел действий или слов сообщает целому особую законченность. Псалмы, так как они поются в начале таиноводства, означают прежнее время Христова домостроительства, а следующее за ними, то есть чтение Священных Писаний и прочее, указывает на дальнейшее. Но хотя иная, сказано, причина псалмопений, то есть предочищение для Таинства и предуготовление, и иная — чтение Писаний, однако же ничто не препятствует последним иметь

силу первых и одному и тому же как освящать верных, так и знаменовать домостроительство. Так и платье, с одной стороны, и удовлетворяет потребности в одеянии, и прикрывает тело, а с другой, — оно означает и занятие, и жизнь, и достоинство лиц одевающихся. Так и в этом: поскольку воспеваемое и читаемое есть вообще Священное Писание и слово Богодухновенное, оно читающих и поющих освящает; а поскольку избрано такое и установлено так, оно имеет и другую силу, имея назначение обозначать пришествие и порядок дел Христовых. Ибо не только воспеваемое и читаемое, но и совершаемое сохраняет такое свойство, что, взятое само по себе, оно и удовлетворяет настоящей потребности, и вместе обозначает нечто из дел или подвигов и страстей Христовых. Так, внесение Евангелия в алтарь и вхождение Честных Даров — то и другое — бывает по необходимости: первое, чтобы прочесть Евангелие, а последнее, чтобы совершить жертву; но оба эти действия обозначают также откровение или явление Господа: одним указывается на явление только начинательное, или темное и несовершенное, а другим — на совершеннейшее и окончательное. Есть, однако же, между действиями совершающегося тайноводства и такие, которые не имеют в виду удовлетворить необходимости, но исполняются только для обозначения, каковы копие, водружение его в хлеб, начертание на хлебе знамения креста и напоследок вливание воды в Святые Дары. Много такого нашел бы ты и в других Таинствах: так, например, в крещении те, кому предстоит омыться, должны снять с себя одежду и обувь и, обратившись к западу, протянуть руки и дунуть. Это и другое тому подобное не вносит в Таинство ничего существенно необходимого для Таинства, но принимающему его внушает ненависть и вражду, которую необходимо иметь к лукавому, и научает, что желающий быть истинным христианином должен всячески отвращаться от диавола. Понимая это таким образом, рассмотрим по частям все священнодействие, так как оно носит образ Спасителя домостроительства, и прежде всего — псалмопение.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Изъяснение первого антифона

Первое увещание к славословию подобает начинающим; оно говорит: *Благо есть исповедатися Господеву* (Пс. 92, 1). Это — песнь к Богу и Отцу, а вместе и песнь о Единородном. *Благо есть исповедатися Господеву и пяти имени Твоему, Вышний.* Она Вышним называет Отца, а Единородного — Господом. Благо есть воспеть Сына и Тебя, Отца. Что это значит? В этом подход к дальнейшему слову. Эта песнь должна совершить общую Им хвалу. Каким образом? Возвестить дела Сына, через которые прославляется Отец. Ибо какой повод к хвалению? Унижение Сына и нищета, дела, совершенные во плоти, и страдания. Здесь-то милость и истина. Милость, поскольку нас, наиболее уязвленных и пораженных врагом и противников Своих, по великой Своей благодати и человеколюбию Он не презрел и не только явил сострадание к нашему бедствию, но и соделался причастником бедствий наших, нашей смерти; и не только восстановил нас от того губельного падения, но еще удостоил Царствия и величайших благ. Потому и Павел говорит: *Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога* (Тит. 3, 4), тогда-то открылось в первый раз, сколь велика она. И Господь словами *так возлюбил Бог мир* (Ин. 3, 16) изъяснил, что любовь эта безмерна. Поэтому-то псалом и называет домостроительство милостью. А истиной — потому, что на все древнее в отношении к нему взирает, как на тень и образ. Поэтому пророк, упоминая о себе, истинно говорит: *Клятса Господь Давиду истинною* (Пс. 131, 11). Какой здесь предмет клятвы? Пришествие и житие Господа во плоти. *От плода чрева твоего, говорит, посажду на престоле твоем* (Пс. 131, 11), чем указывает на Самого Спасителя. Откуда это видно? Этому научает Гавриил, когда возвещает Деве о неизреченном рождении, и внушает, каким будет Имеющий родиться. *Даст Ему Господь Бог, говорит он, престол Давида, отца Его, и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца* (Лк. 1, 32–33). Под самой же истиной разумеются суд и правда. Почему? Потому,

что Спаситель, изгнав ими грех и умертвив диавола, сотворил это не преизбытком силы и могуществом победы, а судом и правдой, как сказано: *правда и судьба уготовление престола Твоего* (Пс. 88, 15). Так и ты в своих судах побеждаешь противников приговором судей. Потому-то и Спаситель говорит: *Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон* (Ин. 12, 31). Ведая это, блаженный Дионисий говорит, что непостижимое человеколюбие Богоначальной Благости разрушило тяготеющую над нами власть отступнического полчища, то есть демонов, не преодолевающей силой, но через тайно преданные нам слова — судом и правдой. Так как восхваляемое есть не только милость и истина, но еще правда и суд, то песнопевец прибавляет: *Яко прав Господь Бог наш, и нет неправды в Нем* (Пс. 91, 16). *Благо есть, — говорит, — возвещати завтра милость Твою и истину Твою на всяку ночь* (Пс. 91, 2, 3). День и ночь надобно, говорит он, восхвалять Бога, ибо это именно означают слова *завтра и на всяку ночь*. В другом месте (см.: Еф. 6, 18) то же самое выражается словами *во всякое время*. Таков смысл первого антифона.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Что означают пророческие изречения,
которые поются в начале священнодействия

Второе псалмопение восхваляет само Царство Бога Сына, великолепие Его, к которому восшествовал Он путем унижения и нищеты. Но какая здесь потребность в этих пророческих изречениях? И что обозначают они по отношению к домостроительству Спасителя? Они обозначают начальные времена Его Пришествия, когда Он пришел уже, но еще не явился людям: когда Он в мире был, но мир еще не познал Его; обозначают время до Иоанна, время, до которого не был еще возжжен светильник. Тогда была еще Ему нужда в словах пророческих. Когда же после этого явился Сам, предопределенный пророками, уже не было Ему нужды в пророчествах; на явившегося указал

уже Иоанн, а прежде Иоанна — Отец, *ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна* (Мф. 11, 13). Это время до Иоанна и обозначается пением пророчеств, ибо и Честные Дары, коими Христос обозначается, в это время еще не вынесены на середину, но остаются сокрытыми в особом отделении алтаря.

Теперь рассмотрим изречение псалма *Господь воцарися, в лепоту облечеса* (Пс. 92, 1). Царством псалом назвал познание, какое получили о Господе люди, ради которого и покорились Ему, ибо познали Его благолепие, красоту и могущество, каким и должны были познать. Это именно значит слово Спасителя: *Дана Мне всякая власть на небе и на земле* (Мф. 28, 18), — ибо после сынов неба и жители земли познали Господа истинного. Рассмотря и дальнейшие изречения — найдешь то же самое. Итак, определяя образ царствования и власти, пророк говорит: *Ибо утверди вселенную, яже не подвижится* (Пс. 92, 1). Утверждением называет псалом веру: утвердил Господь преклоненных лествью и соединил с Собой. Таков увлеченный заблуждением: он не может ни в чем остановиться. Но Господь говорит: *Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28, 19). А это и есть учение веры. Впрочем, для Царства этой веры недостаточно; нельзя было бы покорить народы только таким способом. К этому надлежало присовокупить и хранение заповедей.

Пророк продолжает: *Свидения Твоя уверишася зело* (Пс. 92, 6); а Господь к слову крещения прибавляет слово о заповедях, говоря: *Уча их соблюдать все, что Я повелел вам* (Мф. 28, 20). Ибо что Спаситель называет заповедями, то пророк — свидениями, и это найдешь повсюду в Писании: законы Божии везде называет оно свидениями. Потом: *Дому Твоему подобает святыня, Господи*, говорит пророк (Пс. 92, 6), — и под святыней разумеет жертву, то есть дары, всякое подобающее Богу служение; словами *дому Твоему подобает* он показывает, что дом этот не пуст и не чужд Богу, но что в нем обитает Сам Домовладыка, потому что, если бы в нем не было Бога, ему не подобало бы то, что подобает одному Богу. Эти слова подтвердил и Господь, дав обетование всегда быть с Церковью: *Се, Я с вами* (Мф. 28, 20); да и

Павел называет Церковь домом Бога живого, ибо говорит: *Чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живаго* (1 Тим. 3, 15). И что сказал пророк словами *в долготу дней* (Пс. 92, 6), то же говорит и Господь словами *во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Так и это псалмопение есть точное пророчество о том, что совершил Спаситель Своим Крестом и смертью.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Изъяснение третьего антифона

Следующий антифон представляется как бы встречей уже пришедшего и явившегося Господа, почему он положен и поется при внесении и явлении Евангелия, которым обозначается Христос. А что пророк пел эту песнь, имея пред очами души явление Христа, видно особенно из его радования о Нем и веселия, которым и сам он, как можно видеть, исполнен, и приобщиться к которому призывает всех других: *Приидите, возрадуемся Господеви* (Пс. 94, 1). Человеку до пришествия Господа нельзя было радоваться, потому что радость принес нам один Христос, и если кто на земле радовался прежде, чем Он пришел, то радовался, будучи посвящен в Его тайны. Так радовался, говорит, Авраам: *рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался* (Ин. 8, 56), — и сам Давид: *воздаждь ми радость спасения Твоего* (Пс. 50, 14), ибо какую радость о Христе имел он до греха, той наслаждаться молил Бога, когда лишился ее через грех. Поэтому как, говоря *приидите и просветимся*, возвещал о пришествии Света, так словами *приидите, возрадуемся Господеви* (Пс. 94, 1) показывает, что Он явился и принес радость. Потом называет Его Спасителем и Господом. А Спасителем и спасением Писание именует Христа потому, что из Богоначальственных Ипостасей один Сын был Самосовершителем нашего спасения и что через Него все соделано. Так сказал и Павел: *Совершив Собою очищение грехов наших* (Евр. 1, 3), — что и Сам Он выразил в образе Доброго Пастыря,

Который не других послал искать погибшую овцу, но искал ее Сам, и нашел, и взял, и на плечах принес к Отцу; потому принял и соответствующее Своему служению имя — назван Иисусом. *Предварим лице Его во исповедании* (Пс. 92, 4). Говорит «лице», разумея явление Господа. Не будем ожидать лицезрения Его, когда Он уже войдет в дом, но выйдем Ему навстречу во исповедании, то есть в славословии, и в псалмах воскликнем Ему — воздадим Ему подобающую Богу честь. Он восхотел явиться в образе раба; но мы не будем забывать в Нем Владыку, не будем соблазняться плотью, судя по являемому, не будем увлекаться низкими мыслями о Высоком, ибо в этой плоти сокрылся *Бог велий Господь, и Царь велий по всей земли* (Пс. 94, 3). К этому пророк далее прибавляет и все богоприличное. Таковы пророческие изречения, и вот так именно поются они.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

О явлении Евангелия и о Трисвятой песни

Тогда, как это поют, священник, став посредине перед престолом, поднимает вверх Евангелие и показывает его, обозначая этим явление Господа, когда Он начал являть Себя, ибо Евангелием обозначается Христос, подобно тому, как книги пророческие называются пророками. Так, Авраам говорит богатому: *У них есть Моисей и пророки* (Лк. 16, 29), то есть книги их. Когда же Тот, о Ком возвещали пророки, явился Сам и открыл Себя, тогда внимать словам пророков никто уже не считает исключительным долгом. Поэтому с явлением Евангелия пророчества прекращаются. С этой минуты мы поем то, что относится к Новому Завету: либо воспеваем Всесвятую Матерь Божию, либо восхваляем иных святых, либо песнословим Самого Христа то за Его к нам пришествие, то за Его страдания по пришествии, то за Его дела, которые Церковь каждый раз празднует. Потом восхваляем и Самого Бога в Троице, каковым исповедовать Его научило нас явление Спасителя. Песнь эта взята от ангелов, заимствована

из псаломской книги пророка, принята Христовой Церковью и посвящена Троице, ибо слово «святой», трижды взываемое, есть слово ангелов (см.: Ис. 6, 3), а слова «Боже», «крепкий» и «бесмертный» суть слова блаженного Давида, когда он говорит: *Возжада душа моя к Богу крепкому, живому* (Пс. 41, 3); принятие же и соединение последних с первым и прибавка молитвы, то есть «помилуй нас», есть дело Церкви, ведающей и исповедающей Единого Бога в Троице, чтобы показать частью согласие Ветхого Завета с Новым, частью — то, что через явление Христа, пренебесного и вместе земнородного, ангелы и человеки составляют единую Церковь, один хор. Поэтому-то после явления Евангелия и входа в алтарь мы поем эту песнь, как бы взывая: «Сей, пришедший к нам, поставил нас с ангелами и присоединил к хору их». Это так.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О молитве, читаемой во время пения Трисвятой песни, и о священных возгласениях

Перед этим пением священник молит Бога принять Трисвятую песнь и поющим ниспослать благодать. Какую благодать? Соответствующую песни, то есть освящающую души и тела их, подающую прощение грехов, чтобы они в святости служили Богу *на всяк день*. И прибавляет причину: «Яко свят еси и во святых почиваеши», — ибо истинно Святому свойственно радоваться о святых и подавать им освящение. Провозгласив это и присоединив славословие, подает иерей тем знак священному собранию воспеть Трисвятное; и собрание, по обычаю, закончив славословие словом «аминь», начинает песнь. После же песни священнослужитель повелевает всем стоять не легкомысленно и беспечно, но быть внимательными к тому, что совершают и поют, ибо это означает слово «вондем». Потом испрашивает всем мира и воспоминает премудрость, с которой должно внимать Таинству. Что же такое премудрость? Соответ-

ствующие священнодействию помыслы, с которыми исполненные веры должны смотреть и слушать совершаемое и производимое, не имея ничего человеческого. Это и есть христианская премудрость, и таково именно значение этого слова, которое священник во время священнодействия многократно производит верным; об этих помыслах напоминает оно, ибо так нередко мы одним словом напоминаем друг другу целую мысль и возобновляем ее в душах слушателей. А для чего нужно напоминание? Велика сила забывчивости, и из человеческих страстей ни одна столь часто и легко не одолевает человека, как эта. Когда же необходимо стоять с надлежащими помыслами и принимать участие в священнослужении, в слушании и созерцании священных песней и действий, чтобы не бесплодно находиться при этом и не тратить понапрасну время, — что нелегко, — то нужно, чтобы мы сами себя возбуждали и сами собой грезвились; да нужно также и внешнее напоминание, чтобы свой ум, непрестанно уловляемый забвением и увлекаемый к суетным надеждам, могли мы снова восстанавливать. Этого хочет и песнь, которую мы поем во время внесения Честных Даров в алтарь, ибо, говорит, «всякое житейское отложим попечение», и это именно означает данное выражение. И возглас «прости» есть также увещание. Какое же? Оно хочет, чтобы мы находились пред Богом и Таинствами в подвиге не леностно, а с усердием и со всяким благоговением держали себя, видим ли, говорим ли, слушаем ли что-либо из священных молитвословий, и первый знак такой ревности и такого благоговения показывали бы в прямом положении тела, то есть совершали это не сидя, а стоя, ибо таков образ молящихся, таков образ слуг. А мы ведь молим Бога о важнейшем, мы слуги во всех родах служения. Таков смысл этих слов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О чтении Писаний, порядок их и обозначения

После Трисвятой песни читается Апостольская книга, а потом, когда Церковь пропоет Богу хвалебный гимн, читается и само Евангелие. Но для чего перед чтением Писаний мы восхваляем Бога? Для того, что это надобно делать во всех случаях, в которых Он всякий раз непременно посылает нам Свои дары, особенно же — когда мы получаем какое-нибудь великое благо, например слышание Божественных словес. Впрочем, при Апостоле мы поем песнь с прошением, ибо присоединяется «помилуй»; а при Евангелии делаем славословие без прошения, чтобы знать, что Евангелием обозначается Христос, Которого обретшие имеют всё, ибо Жених внутри, и имеющим всё нет надобности просить Его о чем-либо, так что сынам брачным даже и не приличествует поститься, поскольку с ними Жених (см.: Мф. 9, 15; Мк. 2, 19—20; Лк. 5, 34—35), но должно только чтить и восхвалять Его. Такова и песнь Ангелов, как передают ее пророки; и она по той же причине есть только песнь и лишена всякого прошения. Но что значит здесь чтение Священных Писаний? Если хочешь знать назначение, то, как сказано, чтение приготавливает нас и благовременно делает чистыми перед великим освящением через Таинство. А если доискиваешься значения, то оно обозначает откровение Господа, которое Он совершил вскоре после Своего явления. Ибо Евангелие сперва показывается закрытым, что обозначает явление Господа, когда явился Он по воле Отца в безмолвии и, ничего не проповедуя Сам, имел при Себе глас вопиющего.

А чтение Евангелия есть уже знак совершенного Его откровения, во время которого Он открыто беседовал со всеми и обнаружил в Себе не только то, что Сам говорил о Себе, но и то, что учил говорить апостолов, посылая их к погибшим овцам дома Израилева. Для того-то и читаются писания апостольские, читается и само Евангелие. А почему не прежде Евангелие? Потому, что откровения Самого Господа совершеннее, чем те, которые изречены апостолами. А так как Господь не вдруг явил людям, каков Он по Своей силе и каков по Своей благодати (ибо это от-

носится ко второму Его пришествию), но шел по пути от менее ясного к более ясному, то желающим показать постепенное Его явление естественно читать апостольские писания прежде Евангелия. Для того и соблюдаются к концу и знаки совершеннейшего Его явления, как это видно будет из последующего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О прощениях, следующих за Евангелием

По прочтении Евангелия диакон повелевает народу молиться. Молится тихо, про себя, и священник внутри алтаря, чтобы Бог принял молитвы народа, а потом, громогласно славословя Бога, принимает к общению в славословии и народ. Но какая молитва из всех особенно приличествует после Евангелия? Молитва о хранящих Евангелие, молитва о подражающих человеколюбию Христа, обозначаемого Евангелием. Кто же эти хранители Евангелия? Предстоятели Церкви, пастыри народа, учредители порядка, ибо именно они, если хранят обет, и соблюдают верно, и преподают написанное в Евангелии, и, по апостолу (см.: Кол. 1, 24), восполняют недостаток в плоти скорбей Христовых после Него, пася стадо Его, как Ему благоугодно. Они также суть строители и попечители священных домов и учителя добродетели; и если кто как-либо полезен общему делу Церкви и священным лицам и вещам, то, конечно, они стоят в этом сонме и достойны общих молитв. Намереваясь же, наконец, перейти к жертве, при которой непосвященным присутствовать не следует, которых мы называем также и оглашенными, потому что они приняли христианство только слухом, сколько возможно это через наставление, священник, совершив прежде молитву о них, высылает их из сонма верных христиан. А молитва его бывает о том, чтобы они достигли совершенства, по прошествии времени удостоившись крещения. Цель же молитвы — слава Божия. «Да и тии, — говорит, — с нами славят пречестное и великолепое имя Твое». Провозгласив это как славословие и

приняв к общению в славословии весь сонм верных, он совершает другую молитву, в которой прежде благодарит Бога, что удостоился стать пред Ним и воздевать к Нему руки за себя и за других; потом просит удостоить его делать это всегда с чистой совестью. А цель этой молитвы — слава Божия. «Яко Тебе подобает, — говорит, — всякая слава». Совершив так, по обычаю, славословие вместе с народом, священник опять молится про себя и о самом себе, и о народе, чтобы ему неосужденно предстоять Святой трапезе, предстоять чистым от всякой скверны плоти и духа, а сомолящимся верным удостоиться причащения Тайн без вины и осуждения и, кроме того, получить наследие Небесного Царствия. Причина же молитвы опять слава Божия, для которой все делать повелел Павел, говоря: *Все делайте в славу Божию* (1 Кор. 10, 31). «Да будет, — говорит, — всегдашней нашей целью славить Бога. Земледельцы целью своих трудов почитают сбор плодов, ради которых они охотно работают; купцы — прибыль; другой — другое что-либо; а вы во всем, что ни делаете, ищите славы Божией, ибо мы рабы, призванные именно на это служение Владыке; для этого служения мы сперва сотворены Им, а потом искуплены». Потому-то ты найдешь, что Церковь всегда заботится о славе Божией и это слово провозглашает постоянно; славу Божию она во всем восхваляет, везде ее видит и все для нее совершает: и молитвы, и прошения, и Таинства, и увещевания, — все священное. Это так.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О внесении Честных Даров в алтарь

Потом священник, совершив громогласно славословие Богу, идет к дарам и, благоговейно подняв их на голову, выходит. Неся их таким образом, он входит в алтарь и идет по храму нарочито спокойно и медленно. Сами же верные поют и со всяким смирением и благоговением наклоняются пред священником, прося, чтобы он при возношении даров помянул их. А он идет в предше-

ствии светильников и фимиама и в таком чине вступает в алтарь. Это бывает по необходимости, ибо надобно внести и положить в алтарь дары, которые должны быть принесены в жертву, и притом совершить это сколько можно благоговейно и благоприлично. Так и цари, когда желают принести дар Богу, не другим поручают это дело, но несут и вносят их сами, имея на голове корону. Это может означать и последнее явление Христа, которым особенно воспламенилась ненависть евреев, и шествие Его из отечества в Иерусалим, в котором надлежало Ему принести Себя в жертву, и въезд Его в город в предшествии и при хвалебных восклицаниях народа. В это время надобно припадать к ногам священника, прося, чтобы он помянул нас в тех молитвах, ибо нет иного способа прошения, который имел бы столь великую силу и подавал нам столь твердые надежды, как способ, представляемый этой страшной жертвой, которая, не требуя за себя платы, очистила нечестия и беззакония. А кто из припадающих к ногам священника, когда он входит с дарами, поклоняется и обращается к несомым дарам как бы к самим Телу и Крови Христовой, тот поступает несправедливо, смешивая этот вход со входом Преждеосвященных даров, по незнанию делая различие между этим и тем священнодействием. Во время этого входа дары еще не священнодействованы и несовершенны, а в том священнодействии они совершенны и освящены: они Тело и Кровь Христовы. Это так.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

О том, что совершается по внесении Даров,
о молитвах и наставлениях священника народу

Священник полагает дары на престоле, а сам, так как уже приступает к тайнодействию и намеревается прикоснуться к страшной жертве, благоговейно настраивает себя, очищается молитвами и готовится к священнодействию. И не себя только готовится, но и предстоящий народ располагает к этой благодати молитвой, любовью друг к другу и исповеданием

веры. А в этом и состоит все приготовление, которое заповедал Господь, говоря: *Вы будьте готовы* (Мф. 24, 44), — ибо здесь и вера, и дела; вера обнаруживается посредством исповедания, а дела — посредством любви, которая есть конец всякого доброго дела и венец всякой добродетели. Но это немного после. А сперва он повелевает предстоящим верным молиться, о чем в то время должно молиться: «О предложенных дарах, — говорит, — Господу помолимся». Будем молить Бога о предлежащем, чтобы освятились дары и сделанное в начале предложение приведено было к концу. Потом предлагает и другое, о чем надлежит молить Бога, и, наконец, повелевает предать Богу и себя, и друг друга, и всю жизнь; а окончание молитвы, которую возносил к Богу про себя, возглашает, по обычаю, во всеуслышание, и славословит Бога и, приняв народ к общему славословию, молится о взаимном мире между всеми и увещевает к тому. Ибо, сказав: «Мир всем», — он прибавляет: «Возлюбим друг друга». А так как молиться друг за друга есть заповедь апостольская, то народ молится о даровании того же мира и ему, говоря: «И духови твоему». И поскольку за нашей любовью друг к другу следует и любовь к Богу, а любовь к Богу сопровождается совершенной и живой верой в Бога, то, сказав о любви и сделав увещевание любить друг друга, он тотчас говорит об исповедании веры: «Да единомыслием, — говорит, — исповеваемы»; и верные призывают Святую Троицу, которую должно исповедовать как Бога.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Об исповедании веры и о том, к чему после него священник увещевает верных и о чем молится, и что они отвечают ему

Потом священник повелевает всем провозгласить, что знают они о Боге и во что веруют, — провозгласить истинную премудрость, о которой говорит апостол: *Мудрость... мы проповедуем между совершенными* (1 Кор. 2, 6), которой мир не познал, то есть мудрые мира, ничего не знавшие больше и выше познаний

чувственных и вовсе не верившие в существование лучших познаний. Для этой премудрости повелевает он отворить все двери — и уста наши, и уши наши. «Для сей премудрости, — говорит, — отверзите». Ее непрестанно и произносите, и слушайте, и делайте это не леностно, а с ревностью и внимая самим себе; и они возглашают всё исповедание — Символ веры. Потом священник говорит: «Станем добре, станем со страхом». Будем стоять в этом исповедании, не смущаясь разглагольствиями еретиков; будем стоять со страхом, так как великая опасность угрожает тем, кто питает в душе какое-либо сомнение касательно этой веры. Таким образом, твердо стоя в вере, говорит он, совершим и приношение даров наших Богу разумно. Что значит разумно? В мире. «Вонмем, — говорит, — святое возношение в мире приносить». «Помните, — как бы говорит он, — слова Господни: *Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя,...* пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5, 23, 24). Верные же отвечают, что приносят не только с миром, но и сам мир вместо дара и другой жертвы; «приносим, — говорят они, — милость Тому, Кто сказал: *Милости хочу, а не жертвы*» (Мф. 9, 13). А милость есть порождение твердого и чистого мира, ибо когда душу не возмущает никакая страсть, то ничто не препятствует ей быть исполненной милости. И не только милость, но и жертву хваления. Когда они это скажут, священник спрашивает то, что всего божественнее и важнее: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами». А верные, спрашивая того же священнику по заповеди, повелевающей молиться друг за друга, отвечают ему: «И со духом твоим». Молитва же эта взята из писаний блаженного Павла (см.: 2 Тим. 4, 22; 2 Кор. 13, 13). Она спрашивает нам у Пресвятой Троицы благо, *всякий дар совершенный* (Иак. 1, 17); и благо от каждой из блаженных Ипостасей именуется особым именем: от Сына — благодатью, от Отца — любовью, от Духа — причастием. Ибо, тогда как мы ничего не привнесли своего, а еще подлежали и осуждению, Сын соделался Сам нашим Спасителем, *ибо когда мы были еще*

грешниками, сказано, *Христос умер за нас* (Рим. 5, 8), а потому рассмотрение Его о нас есть благодать. И поскольку Отец через страдания Сына примирился с человеческим родом и возлюбил врагов, то Его благодеяние в отношении к нам называется любовью. А так как врагам, ставшим друзьями, подобало сделаться участниками в благах Богатого милостью, то это совершает сошедший на апостолов Дух Святой, и поэтому Его благодать к людям именуется причастием. Но, может быть, скажет кто-нибудь, что все эти блага уже даровал людям пришедший Спаситель, а потому какая нужда теперь в молитве о том, что уже дано нам? Очевидная — именно, чтобы, получив эти блага, нам не потерять их, но постоянно пользоваться ими до конца. Оттого сказал не «да подастся всем вам», ибо уже дано, но «буди со всеми вами». «Да не отступает от вас, — говорит, — данная благодать». Сподобив их такой молитвы и воздвигнув таким образом души их от земли, священник возвышает их помыслы и говорит: «Горе имеим сердца; да мудрствуем горняя, а не земная» (о горнем помышляйте, а не о земном) (Кол. 3, 2)); и верные, соглашаясь с этим, отвечают: «Имамы ко Господу», — что сердца их там, где наше сокровище, *где Христос сидит одесную Бога* (Кол. 3, 1).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Об освящении Даров и о предшествующем ему благодарении

Кто настроен так хорошо и свято, тому что остается, как не обратиться к благодарению Подателя всех благ Бога? Таким образом, подражая первому Иерею, Который перед тем, как сообщить Таинство причащения, принес благодарение Богу и Отцу, и священник перед совершительной молитвой, которой священнодействует Святые Дары, приносит благодарение Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа: «Благодарим Господа»; и когда все согласится с этим и воспоют: «Достойно и правед-

но», — он и сам возносит благодарение Богу; и, воздав Ему славословие, восхвалив Его с Ангелами, исповедав благодарение Ему за все блага, которые Он даровал нам от века, и, наконец, совершив воспоминание неизреченного и постоянного смотра о нас Спасителя, он затем священнодействует Честные Дары и совершает всю жертву. Каким образом? Возвестив о той страшной Вечере, как Спаситель перед Своими страданиями преподал ее святым Своим ученикам, как взял чашу, как принял хлеб и, возблагодарив, освятил и как изрек те слова, которыми показал, что это — Таинство. Произнеся эти самые слова, священник потом преклоняется до земли, молится и просит, применяя к предлежащим дарам Божественные изречения Единородного Сына Божия, Спасителя нашего, чтобы Всесвятой и всемогущий Дух Божий, почив на них, преложил хлеб в самое Честное и Святое Тело Христа, а вино — в самую Честную и Святую Кровь Его. После этих слов все священнодействие окончено и совершено: дары освящены, жертва уготована, великого и священного Агнца, закланного за грехи мира, мы видим лежащим на священном престоле. Ибо хлеб Тела Господня уже не образ, не дар, представляющий только вид истинного дара, уже носит в себе не изображение некое спасительных страданий, как бы на картине, но есть сам истинный дар, само Всесвятое Владычнее Тело, истинно принявшее все оскорбления, поношения, раны, распятое, прободенное, свидетельствовавшее *пред Понтием Пилатом доброе исповедание* (1 Тим. 6, 13), претерпевшее пощечины, побои, плевки, вкусившее желчь. Подобным образом и вино есть сама Кровь, истекшая из прободенного тела. Это та Плоть и та Кровь, которые соединены Духом Святым в одно Тело, рожденное от Святой Девы, погребенное, воскресшее в третий день, восшедшее на небеса и сидящее одесную Отца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ**На каком основании
мы несомненно веруем в Таинство**

Какое же ручательство за верность этого? Спаситель Сам сказал: *Сие есть Тело Мое, сия есть Кровь Моя*; Сам Он повелел и апостолам, а через них и всей Церкви совершать это. *Сие*, — сказал Он, — *творите в Мое воспоминание* (Лк. 22, 19). Но не повелел бы Он совершать это, если бы не хотел дать силы, чтобы мы могли это совершать. Какая же эта сила? Дух Святой — сила, свыше вооружившая апостолов согласно с тем, что сказал им Господь: *Оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше* (Лк. 24, 49). Это есть дело Того нисшествия, ибо, однажды сойдя, Он потом не оставил нас, но с нами пребывает и всегда будет. Для того-то Спаситель и послал, чтобы пребывал с нами ввек, *Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет* (Ин. 14, 17). Он-то руками и языком священников совершает Таинства. И не только Духа Святого послал нам Господь, чтобы пребывал с нами, но и Сам Господь обещал быть с нами до скончания века. Но Утешитель находится с нами невидимо, потому что не носит тела; а Господь и видим, и позволяет осязать Себя в страшных и священных Тайнах, потому что воспринял и во веки носит наше естество. Такова освящающая сила, таков Иерей: единожды принеся Себя в жертву, Он не перестал быть освящаемым, но непрестанно совершает для нас эту службу и потому является вечным Ходатаем нашим пред Богом, ради чего и сказано Ему: *Ты священник вовек* (Пс. 109, 4). Поэтому касательно освящения даров и других Таинств у верных нет никакого сомнения, хотя они и совершаются по предложению и по молитвам священников. Об этом довольно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

О том, в чем латиняне относительно этого укоряют нас,
и ответ на их укору

Относительно этого некоторые латиняне порицают нас. Они говорят, что после слов Господа *приимите, ядите* и так далее для освящения даров не нужно еще никакой молитвы, так как они уже совершены словом Господним. Поэтому кто по произнесении этих слов именуется дары хлебом и вином и продолжает молиться об освящении их, как будто они еще не освящены, тот, говорят латиняне, кроме того, что страдает неверием, делает суетное и излишнее дело. А что дары освящаются именно этими словами, об этом, говорят, свидетельствует блаженный Златоуст, говоря, что как то творческое слово *плодитесь и размножайтесь* (Быт. 1, 28) изречено было Богом однажды, а действует всегда, так и это слово, изреченное Спасителем однажды, действует во все времена. Итак, более полагающиеся на свою молитву, чем на слово Господне, во-первых, осуждают Его в слабости; во-вторых, кажется, более доверяют себе; а, в-третьих, от дела сомнительного, от человеческой молитвы, ставят в зависимость такое дело, как Таинство, и, тогда как в него надобно веровать несомненно, подвергают его сомнению. Молящемуся в этом случае не нужно и внимать, хотя бы по своей добродетели он был подобен Павлу. Но все сие разрешить нетрудно. И, во-первых, надобно начать с тех слов божественного Иоанна, на которых латиняне основываются. Положим, что это слово имеет силу слова творческого, но вникнем в него. Сказано Богом: *Плодитесь и размножайтесь*. Что же? После такого слова мы уже не имеем нужды ни в чем другом? И ничто другое не нужно нам для размножения? Или еще требуется брак, супружество и другие заботы, без которых нельзя существовать и распространяться человеческому роду? Следовательно, как там для чадорождения мы почитаем необходимым брак, а после опять молимся о самом браке и этим не думаем уничтожать творческое слово, зная, что оно, конечно, есть причина рождения, однако же через брак, через пищу и через многое другое, так и здесь мы веруем, что само слово Господне

совершает Таинство, но именно через священника, через предстательство его и молитву, ибо оно действует не просто через все и не как-нибудь, но требуется многое, без чего оно не окажет своего действия. Кто не знает, что смерть Христа есть единственное средство, принесшее в мир отпущение грехов? Но знаем и то, что после Его смерти нужны и вера, и покаяние, и исповедание, и молитвы священников; и человек не может разрешиться от грехов, если этому не будут предшествовать все эти действия. Что же? Уничужаем ли мы ту смерть и признаем ли ее слабой, когда думаем, что недостаточно будет совершенное ею, если не привнесем того, что нужно и с нашей стороны? Нет. Следовательно, несправедливо осуждать и тех, которые молятся о совершении даров. Притом полагающиеся на молитву полагаются не на себя, а на Бога, обетовавшего даровать по молитве; само значение молитвы указывает на это. Ибо, совершая молитву, молящиеся выражают то, что они не надеются сами по себе получить просимое, но веруют, что только от Бога получают его. Таков вопль молящегося, когда, оставив себя, он прибегает к Богу, потому что, не признавая силы в себе, все вверяет Ему одному. Не мое, говорит он, это дело, не моей силы, Ты только можешь, на Тебя все возлагаю, — особенно когда мы молимся о предмете сверхъестественном и все превышающем, каковы Тайны. Тогда молящимся совершенно необходимо полагаться на одного Бога, потому что человек, не наставленный Богом, не в состоянии и помыслить об этом, без Его внушения не может и пожелать этого, без надежды на истинность Обещавшего нельзя ему чаять и получения; так что никто не дерзнул бы и молиться о таких предметах, если бы Сам Он несомненно не показал, что Ему угодно, чтобы об этом молились, и что Он готов даровать это просящим. Поэтому молитва здесь несомненна и цель ее очевидна, так как Сам дарующий Господь всячески показал, что Он хочет даровать. Для того-то мы и веруем в освящение Тайн по молитве священника, полагаясь на нее не как на какую-нибудь молитву человеческую, а как на силу Божию, и не потому, что молится человек, а потому что внимает Бог; не потому также, что умоляют Его, а потому, что Истина обещала даровать по молитве. А что Христос

показал, что Он всегда готов даровать эту благодать, о том нечего и говорить. Для того пришел Он на землю, принес Себя в жертву и умер, для того алтари и священники, и всякое очищение, и все заповеди, и наставления, и увещевания, чтобы предложить нам эту трапезу; потому говорил Он, что возжелал той пасхи (см.: Лк. 22, 15), что намеревался тогда преподавать Своим ученикам Пасху истинную; потому повелел творить это в Свое воспоминание, что хотел, чтобы мы всегда священнодействовали ее. Какое же еще сомнение касательно просимого могут иметь молящиеся, если, с одной стороны, они надеются получить то, о чем просят, и если, с другой, — Могущий дать желает дать? Итак, верующие, что молитвой освящаются дары, как не уничижают слов Спасителя и не полагаются на себя, так не от сомнительного дела, какова человеческая молитва, ставят в зависимость Таинство, как напрасно обвиняют нас латиняне. Ибо и всесвятое миро, которое, по словам блаженного Дионисия, единичинно с Божественным причащением, совершается и освящается молитвой; и благочестивые нисколько не сомневаются, что она имеет силу совершительную и освящающую. Таким же образом через молитву священнодействуется рукоположение священника и архиерея, ибо говорится: «Помолимся о нем, да придет на него благодать Всесвятаго Духа», — как взывает к клиру рукополагающий по возложении руки. И в Церкви Латинской рукоположение священника совершается так, что по возлиянии мира на главу рукополагаемого совершитель таинства молится о нисшествии на него обильной благодати Святого Духа. Точно так же и отпущение грехов кающимся даруется через молитву священническую. Наконец, подобным образом молитвой же священников совершается и Таинство елея, которое принимающим его дарует и исцеление от телесной болезни, и отпущение грехов, как говорит апостольское предание: *Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему* (Иак. 5, 14—15). Что же скажут на это те, которые не одобряют молитвы в Таинствах? Если, как говорят они, не видно, что производят молитвы,

то равным образом не видно, священник ли тот, кто называется этим именем, не видно, может ли он освящать мир; и, таким образом, не может совершиться Таинство святого причащения, потому что на самом деле тогда нет ни священника, ни алтаря, так как они и сами не скажут, что слово Господне, независимо от лица и без алтаря, имеет силу совершительную. Но алтарь, на котором должно полагать хлеб, освящается миром, а мир священнодействуется через молитвы. Точно так же, кто несомненно дает нам оставление грехов, если и священники, и их молитвы сомнительны? После этого последователям таких нововведений ничего более не остается, как уничтожить все христианство. Явно, что сомнительны действия, скорее, тех, кто так думает, и опасно дело тех, кто придумывает чуждое отеческим преданиям, имеющим в себе речительство несомненности. Что Бог вземлет, когда Ему молятся, что просящим у Него дает Он Духа Святого и для тех, кто обращается к Нему с верой, делает все возможным, о том сказал Сам Бог, и это никаким образом не может быть неистинно; но, чтобы с пересказывающими только какие-либо слова случалось что-либо подобное, нигде не говорится. Притом совершение Тайн молитвой предали отцы, принявшие от апостолов и их учеников и все прочее, как я сказал, и святую Евхаристию; предали после многих других и Василий Великий, и Иоанн Златоуст — великие учителя Церкви; кто им противоречит, тех желающие быть правоверными не должны удаивать и ответа. Что же до того, будто для освящения даров достаточно слова Господня о Тайнах, произносимого в виде повествования, не видно, чтобы о том сказал кто-либо из апостолов или из учителей. Что однажды изреченное Господом — потому именно, что изречено Им, — как слово творческое, всегда действует, о том, говорит и блаженный Иоанн; но что, будучи произнесимо теперь священником, оно имеет силу, потому что им произнесено, этого ниоткуда нельзя видеть, ибо то творческое слово действует не потому, что в известных случаях произносится каким-нибудь человеком, а потому, что однажды изречено Господом.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ**О том, что и в Латинской Церкви Таинство Евхаристии совершается таким же образом**

Совершенно же заграждает им уста то, что и Латинская Церковь, на которую они, по-видимому, ссылаются, после слова Господня не отказывается приносить молитву о дарах. Они забывают это потому, что молятся не тотчас после слов Господних и что об освящении и преложении в Тело Господне просят неясно, а употребляют другие, относящиеся к этому именованию, хотя они и имеют ту же самую силу. Что же это за молитва? «Повели вознестись дарам сим рукою Ангела в пренебесный Твой алтарь». Пусть скажут они, что значит «вознестись дарам сим»? Они молятся либо о местном их перемещении от земли и от низшей области на небо, либо о каком-то особенном превращении: из состояния униженного в высокое. Но если здесь разумеется первое, то какая польза нам молиться о взятии от нас святыни, когда мы молимся и веруем, что она у нас и с нами пребывает, и когда это и значит, что Христос пребывает с нами до скончания века? Как они не верят, что, если признавать это Телом Христовым, то оно и с нами — и пренебесное, и сидит одесную Отца, а каким образом, только Он знает. Как бы могло оно быть пренебесным, если бы не было самим пренебесным Телом Христовым? Как ему и вознестись рукой Ангела, когда оно выше всякого начала, и власти, и силы, и всякого имени, именуемого под небом? Если же они молятся о преложении особенном — в нечто лучшее, то не знаю, сколь великое принимают они на себя бремя нечестия, когда, признавая, что это — само Тело Господа Христа, думают, что оно придет в лучшее и святейшее состояние. Из этого ясно видно, что хлеб и вино они не признают еще получившими освящение, и потому молятся о них, потому что они еще требуют молитвы, — молятся вознестись им, так как они еще лежат внизу, не освящены на небесном алтаре, чтобы они, будучи на нем положены, сделались жертвою, ибо имеют нужду в руке Ангела, так как низшая иерархия человеческая, по словам великого

Дионисия, вспомоществуется высшей иерархией ангельской. Итак, молитва эта в отношении к дарам производит не что иное, как то, что прелагает их в Тело и Кровь Господа, ибо под именем того алтаря надобно разуметь не какое-нибудь ограниченное на небесах место, на котором следует приносить жертву, иначе мы не много отличались бы от тех, которые говорят, что в Иерусалиме или на горе Самарийской есть место, где должно поклоняться Богу. Поскольку, как говорит блаженный Павел, *един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус* (1 Тим. 2, 5), то все, что имеет силу ходатайства и дарует нам освящение, истекает только от одного Спасителя. Но чем дается нам ходатайство и что имеет силу освящать? Священник, освящаемое, алтарь, ибо, по слову Господню, алтарь освящает приносимое в жертву: «Жертвенник, — говорит Он, — освящающий дар» (Мф. 23, 19). Итак, если освящающий один Он, то и священник, и освящаемое, и алтарь суть одно. Что и священник, и освящаемое суть одно, об этом Он Сам сказал. *За них, — говорит, — Я посвящаю Себя* (Ин. 17, 19); а что касается до алтаря, то об этом свидетельствует святейший Дионисий в главе о мире, говоря: «Если Божественнейший наш алтарь есть Иисус, Богочначальное освящение святых умов, через Которого, как сказано, будучи освящаемы и таинственно всесожигаемы, имеем доступ к Отцу (см.: Еф. 2, 18), то будем премирными очами созерцать тот Божественный алтарь». В этот-то пренебесный алтарь и молит священник вознести дары, то есть молит освятить их, преложить в само пренебесное Тело Господне, а не дать им другое место, или с земли перенести на небо, потому что и после молитвы мы тем не менее видим их перед собой. Ибо если алтарь освящает положенные на нем дары, то одно и то же — об освящении ли даров молиться, или о возложении их на алтарь. Что же это за освящение, которым алтарь освящает возложенные на нем дары? Это то освящение, которым Сам Единый Иерей освятил Себя, принеся Себя Богу и соделавшись жертвой, и так как Сам Он есть и Иерей, и алтарь, и жертва, то все одно значит быть освященным от того Иерея, или преложиться в то освящаемое, или быть возложенным на тот пренебесный алтарь. Поэтому, если ты станешь про-

силь о чем-либо одном из этих трех, то будешь просить обо всем; и ты имеешь просимое, ты совершил жертву. Таким образом, ваши священники, созерцая Христа, как освящаемое, молятся о возложении на Него даров, — молятся о том же самом, только в других выражениях и словах. Поэтому наши священники, помолвившись о преложении даров в Божественное Тело и Кровь и вспомняв о пренебесном алтаре, уже не молятся о возношении на него даров, но так как они вознесены туда и приняты, то они молятся о ниспослании нам благодати и дара Святого Духа. Помолимся, говорят, об освященных дарах, для того чтобы они освятились? Нет, они уже освящены; но чтобы ими освятились мы, чтобы освятивший их Бог и нас освятит через них. Итак, ясно, что и Латинская Церковь не пренебрегает молитвой о дарах после слов Господа, а поступают так только некоторые, немногие и позднейшие, которые и в других отношениях повредили ей, стремясь только к тому, чтобы говорить и слышать что-либо новое. Это — о молитве.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Почему священник призывает освятить Дары не Сына, а Отца

Но для чего священник к освящению даров призывает не Сына, тогда как Он, как сказано, и Священник, и освящает, а Отца? Чтобы ты знал, что Спаситель освящает не как человек, а как Бог, по Божественному Своему могуществу, которое у Него одно с Отцом. Желая показать это, и Сам Господь, когда совершал Таинство, воззрел на небо и показал хлеб Отцу (см.: Мф. 14, 19; Лк. 24, 30). По этой-то причине подобным же образом являл Он Себя и при совершении некоторых чудес — принимал вид молящегося Богу, чтобы показать, что это дело не человеческого естества, по которому Он имел на земле Мать, а Его Божества, по которому Он имеет Отцом Бога. И когда намеревался Он вознестись на крест, то, желая показать две Свои воли — Божескую и человеческую, волю Своего Божества предал Отцу, а волю

Своего человеческого естества назвал Своим хотением. *Не как Я хочу*, — сказал, — *но как Ты* (Мф. 26, 39), и *не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22, 42). Что Сам Он хотел той волей, которой исполнял волю Отца, это видно из тех самых слов, где Он отличает хотение Свое от хотения Отчего, ибо выражение *не Моя воля, но Твоя да будет* свойственно соглашающемуся и желающему того же самого. Это же показал Он, когда укорил Петра, умолявшего Его не идти на крест и смерть (см.: Мф. 16, 23); также, когда говорил: *Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания* (Лк. 22, 15). «Очень желал, — говорит, — пасхи прежде мук». Как бы так выразился: «Очень желал Я видеть приготовление к Моим страданиям». Об этом довольно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

О самой жертве и о том, над чем совершается жертва

Касательно самой жертвы надобно рассмотреть следующее. Так как жертва есть не вид жертвы и не образ крови, но поистине заклание и жертва, то исследуем, что приносится в жертву, — хлеб ли или Тело Господне, то есть когда дары становятся жертвою, прежде ли освящения или по освящении? Если приносится в жертву хлеб, то, во-первых, как хлеб может быть жертвой? А, во-вторых, не в том состоит Таинство, чтобы видеть приносимый в жертву хлеб, но — видеть Агнца, Своим закланием принимающего на Себя грех мира. Если же сказать, что приносится в жертву святое Тело Господне, то это тем более невозможно, потому что, как уже неразрушимое и бессмертное, оно не может подвергнуться закланию, то есть ему нельзя причинить раны. Если бы даже и возможно было случиться чему-нибудь подобному, то в таком случае надлежало бы быть и распинателям, и соединиться всему другому, чтобы совершить ту жертву, так как предполагается, что это не вид заклания, а истинное заклание.

Далее, каким же образом Христос однажды умер и, воскреснув, уже не умирает, однажды пострадал по исполнении веков

и, как сказано, *однажды* принес Себя в жертву, чтобы *поднять грехи многих* (Евр. 9, 28), когда Он приносится в жертву каждый раз при совершении Таинств и каждый раз умирает? Что сказать на это? Жертва совершается и не прежде освящения хлеба, и не по освящении его, но в самом освящении, ибо надобно вполне соблюдать учение о ней веры, не опуская ничего. Какое же разумею учение? То, что эта жертва есть не образ или вид жертвы, а истинная жертва, что не хлеб принесен в жертву, а само Тело Христово, и, к тому же, что жертва Агнца Божия только одна и однажды совершилась. И прежде всего рассмотрим священнодействие: действительное ли оно жертвоприношение или только подобие его? Как при жертвоприношении овцы из вовсе не закланной превращается она в закланную, так бывает и здесь, то есть хлеб нежертвенный предлагается тогда в жертву, так как из хлеба незакланного превращается в само Тело Господне, истинно закланное. Следовательно, как перемена в овце делает из нее истинную жертву, так и здесь, через такое предложение совершается истинная жертва, ибо хлеб предлагается не в вид заклания, а в само заклание, в само Тело Господа, принесенное в жертву. Но если бы был приносим в жертву хлеб как хлеб, то хлеб же подвергался бы и закланию и закланием тогда было бы принесение в жертву хлеба. А так как в обоих отношениях в нем произошла перемена (из нежертвы он сделался жертвой, а из хлеба — Телом Христовым), то оное заклание, созерцаемое не в хлебе, а как бы в подлежащем Телу Христовом, есть и называется принесением в жертву не хлеба, а Агнца Божия. Явно, что если предположить это, то никакой не будет нужды думать, что приношений Тела Господня бывает много, ибо, так как эта жертва совершается не через заклание в то время Агнца, а через предложение хлеба в закланного Агнца, то явно, что тогда бывает предложение, а заклания не бывает, и, таким образом, предлагаемое многократно и предложение совершается часто, а тому, во что предлагается, ничто не препятствует быть одним и тем же; и как Тело — одно, так и заклание Тела — одно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О молитвах после жертвоприношения и о том, по какой причине здесь воспоминаются святые, особенно же Пресвятая Богородица

По совершении жертвы священник, видя предлежащий залог Божия человеколюбия — Агнца Его, принимая его уже как Ходатая и имея с собою Утешителя, выражает свои приношения пред Богом, изливает молитву уже с доброй и твердой надеждой и молится, чтобы молитвы, которые он приносил о тех, кого воспоминал, предложив хлеб, и о ком творил предсовершительные прошения, с которыми приносил дары и просил принять их, чтобы они, будучи приняты, исполнились на деле. Какие же молитвы? Общие и за живых, и за отшедших, чтобы принявший дары Бог взамен их послал благодать Свою, в частности отшедшим — упокоение душ и наследие Царствия с прославившимися святыми, а живым — причастие Святой трапезы, освящение, свободу от всякого осуждения, отпущение грехов, мир, плодородие, получение необходимого и, наконец, чтобы они явились пред Богом достойными Царствия. Поскольку само приношение жертвы есть не только действие молитвенное, но и благодарственное, то как в начале совершения Таинства священник, посвящая Богу принесенные дары, выражал и благодарение, и прошение, так и теперь, по принесении в жертву и освящении даров, он и благодарит за них Бога, и присоединяет прошение, при этом излагает и побуждения к благодарности и указывает предмет молитвы. Какие же это побуждения к благодарности? Это, как и прежде сказано, суть святые, ибо в них Церковь обрела просимое и получила то, о чем молится, — Царствие Небесное. А каков предмет прошений Церкви? Это еще не достигшие совершенства и имеющие нужду в ее молитве. И о святых говорит она: «Еще приносим Ти словесную службу о иже в вере почивших отцев, праотцев, патриарсех, пророцех, евангелистех, апостолех, исповедницех, воздержницех и о всяком душе в вере скончавшемся, изрядно о Пресвятей, Пречистой, Препоблагословенней, Славней Влады-

чице нашей Богородице и Приснодеве Марии», — и потом перечисляет весь сонм святых. Они-то составляют для Церкви побуждения благодарить Бога, за них приносит она словесную эту службу, как благодарность Богу, и преимущественно перед всеми другими — за Блаженную Матерь Божию, как высшую всякой святости. Потому священник ни о чем не просит относительно их, а, скорее, молит их, чтобы они помогали ему своими молитвами, потому что творит за них, как сказано, не молитвенное, а благодарственное приношение даров. После же этого он выражает и прошение и, перечисляя тех, о ком просит, молится даровать всем спасение и соответственное каждому благо; между прочим, говорит и следующее: «Еще приносим Ти словесную сию службу о вселенной и о Святей Соборней и Апостольстей Церкви, о иже в честном жительстве пребывающих, о правителях наших», — и об этом молится.

Таким образом, блаженный Иоанн, означая, что эта священная служба имеет две стороны, благодарственную и просительную, особо выделяет тех, за кого благодарит, и особо тех, о ком молится. Но божественный Василий благодарение соединяет с прошением и это делает во всей Литургии; так что ты найдешь, что почти все его молитвы имеют и ту, и другую силу. Так, он воспоминает святых, которых перечисляет святой Иоанн, и в том же месте священнодействия, но неодинаковым образом, ибо, молясь, чтобы все сподобились причащения Тайн не в суд или во осуждение, прибавляет: «Но да обрящем благодать со всеми святыми, от века Тебе благоугодившими, праотцы, отцы, патриархи, и т. д.»; потом — «изрядно о Пресвятей». Впрочем, и эти слова, хотя заключают в себе и прошение, выражают и благодарение, и проповедуют Бога, благодеющего человеческому роду; в них священник воспоминает прославленных Им и освященных людей, говоря как бы так: «Даруй нам благодать, которую прежде даровал святым; освяти нас, как еще прежде освятил едиnorodных с нами».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ**О том, как священник молится о Святых Дарах про себя
и о чем повелевает молиться верным**

Помолившись о том, что потребно всем, священник молится и за себя, чтобы от даров получить и себе освящение. Какое освящение? Отпущение грехов, ибо это первое действие этих даров. Откуда это видно? Из слов Господа, которые Он изрек апостолам, показав на хлеб: *Сие есть Тело Мое, за вас ломимое* во оставление грехов, — подобно как и на чашу (1 Кор. 11, 24; Мф. 26, 28). «Помяни, Господи, — говорит священник, — и мое недостойнство, прости ми всякое согрешение, вольное же и невольное, и да не моих ради грехов возбраниши благодати Святаго Духа от предлежащих даров. Да подаст Святыи Дух причащающимся сих даров отпущение грехов. Благодать сия, — говорит он, — да не возбранится ради моих грехов от святых даров», ибо благодать двояким образом действует в честных дарах: один способ ее — так как они ею освящаются; другой — так как через них она освящает нас. Первому способу действия благодати в дарах никакие человеческие беззакония не могут препятствовать, но так как освящение их не есть дело добродетели человеческой, то и человеческие неправды несколько не могут ему препятствовать. Но второй требует и нашего старания, а потому и встречает препятствие в нашем нерадении. Ибо благодать освящает нас через дары, если найдет нас способными к освящению; если же встретит нас неприготовленными, то и не принесет никакой пользы, и причинит бесчисленный вред. Об этой благодати — будет ли то оставление только грехов или вместе с тем и другой дар, подаваемый людям, которые с чистой совестью вкушают эту Священную Вечерю, — священник молится, чтобы она не была возбранена от даров, так как она может быть возбранена человеческой порочностью. Немного спустя он совершает эту молитву и вместе со всем народом. Испросив всем единомыслие, чтобы едиными устами и единым сердцем славить Бога, и тем, которые так расположены, возвестив милости великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа,

вслед за тем он действительно повелевает молить Бога о том, о чем сам молился, призвав в ходатайство всех святых, ибо это значит помянуть всех святых — призывать их, помолиться им. И что же говорит? Помолимся Господу об освященных дарах не для того, чтобы они получили освящение, — потому и назвал их освященными, чтобы кто не подумал этого, — но чтобы они нам сообщили его, ибо это значат слова молитвы: «Яко да Человеколюбец Бог, приемь я, возниспослет нам благодать». Помолимся, говорит, о дарах, чтобы они в нас стали действовать, чтобы не были бессильны к сообщению этой благодати, подобно тому, как всесильное Тело Господа в то время, как Он обращался с людьми, в некоторых городах не могло совершать чудес по причине неверия их. Когда же таким образом он возгласит это к народу, то затем и сам по себе тайно молится, умоляя Бога о людях, чтобы они с чистой совестью причастились страшных Тайн и насладились этой Священной Трапезы в прощение согрешений, в общение Духа Святого, в наследие Царствия, не в суд или во осуждение. Затем, испросив всем от Бога помощи и охранения, повелевает молиться о том, чтобы провести весь день совершенно, свято, мирно и безгрешно, имея хранителем Ангела мирна, верного наставника, — так как есть ангел лжи, которому небезопасно вверять себя. Молимся же мы об Ангеле-Хранителе не для того, чтобы он в то время нам дарован был, ибо ангел дан каждому верующему с самого начала, но для того, чтобы он действовал и совершал свое дело, сохранял нас и наставлял на правый путь и не отступал от нас, негодую на грехи наши. Сверх того, священник заповедует просить оставления грехов и всего доброго и полезного душам нашим и мира миру, а притом и безопасности на будущее время, чтобы в мире и покаянии провести остальное время жизни так, чтобы конец жизни был приличный христианам. Затем, испросив единения веры и причастия Святого Духа, повелевает предать Богу самих себя и друг друга и всю жизнь. А о том, что значит единение веры и причастие Святого Духа и для чего об этом здесь мы молимся, уже не раз и подробно сказано.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

О ЖИЗНИ ВО ХРИСТЕ

СЛОВО ПЕРВОЕ

<i>О том, что она создается посредством Божественных Таинств: крещения, миропомазания и священного приобщения</i>	<i>7</i>
---	----------

СЛОВО ВТОРОЕ

<i>Какое содействие оказывает ей Божественное крещение</i>	<i>24</i>
--	-----------

СЛОВО ТРЕТЬЕ

<i>Какое содействие доставляет ей Божественное миро</i>	<i>55</i>
---	-----------

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

<i>Какое содействие дарует ей священное приобщение</i>	<i>63</i>
--	-----------

СЛОВО ПЯТОЕ

<i>Какое содействие доставляет ей освящение жертвенника</i>	<i>93</i>
---	-----------

СЛОВО ШЕСТОЕ

<i>Каким образом сохранить нам жизнь, полученную через Таинства</i>	<i>100</i>
---	------------

СЛОВО СЕДЬМОЕ	130
---------------------	-----

ИЗЪЯСНЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ**ГЛАВА ПЕРВАЯ**

Приготовление к литургии 160

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Почему Честные Дары
не с самого начала полагаются на престол* 166

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*О том, что Дары предлагаются Богу
как начатки человеческой жизни* 167

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Почему нужно было, чтобы Дары
служили начатками человеческой жизни* 168

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Почему полагается не весь хлеб,
но вырезается особая часть* 169

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Почему над хлебом
священник изображает страдания Христовы* 170

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В чем состоит воспоминание Господа 171

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О том, что совершается над хлебом 172

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Для чего Господь повелел творить это в Его воспоминание 173

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*О том, что говорится при приношении Даров
после воспоминания Господа; также о том, что это приношение
есть вместе и благодарственное, и просительное* 174

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

*Для чего Дары покрываются и
что при этом говорится* 177

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О начальном славословии 178

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
<i>Что значит постоянное моление о милости</i>	182
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
<i>О предании себя Богу</i>	184
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
<i>Об антифонах и произносимых в продолжение их молитвах</i>	185
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	
<i>Знаменованье священнодействия в общем очертании</i>	187
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	
<i>Изъяснение первого антифона</i>	189
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	
<i>Что означают пророческие изречения, которые поются в начале священнодействия</i>	190
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	
<i>Изъяснение третьего антифона</i>	192
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	
<i>О явлении Евангелия и о Трисвятой песни</i>	193
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	
<i>О молитве, читаемой во время пения Трисвятой песни, и о священных возгласениях</i>	194
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	
<i>О чтении Писаний, порядок их и обозначения</i>	196
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	
<i>О прошениях, следующих за Евангелием</i>	197
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
<i>О внесении Честных Даров в алтарь</i>	198
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	
<i>О том, что совершается по внесении Даров, о молитвах и наставлениях священника народу</i>	199
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	
<i>Об исповедании веры и о том, к чему после него священник увещевает верных и о чем молится и что они отвечают ему</i>	200

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Об освящении Даров и о предшествующем ему благодарении 202

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

На каком основании мы несомненно веруем в Таинство 204

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

*О том, в чем латиняне относительно этого
укоряют нас, и ответ на их укоры* 205

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

*О том, что и в Латинской Церкви
Таинство Евхаристии совершается таким же образом* 209

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Почему священник призывает освятить Дары не Сына, а Отца 211

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

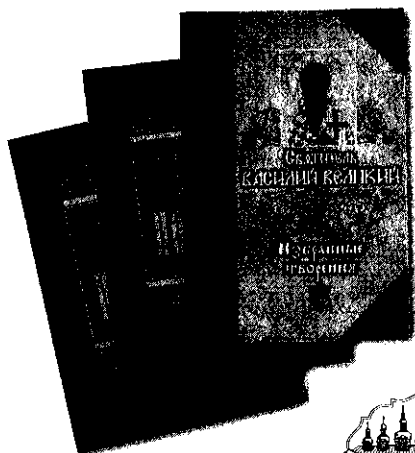
О самой жертве и о том, над чем совершается жертва 212

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

*О молитвах после жертвоприношения и о том,
по какой причине здесь воспоминаются святые,
особенно же Пресвятая Богородица* 214

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*О том, как священник молится о Святых Дарах про себя и
о чем повелевает молиться верным* 216

ИЗДАТЕЛЬСТВО СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

**В серии «Творения святых отцов» издательства
Сретенского монастыря ранее вышли следующие книги:**

Добротолюбие: В 5 томах

Святитель Григорий Богослов. Избранные творения

Святитель Иоанн Златоуст. Избранные творения: В 2 т.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе

Преподобный Антоний Великий. Поучения

Преподобные Варсонофий и Иоанн. Руководство к духовной жизни

Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения

Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры

Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица

Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические

Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы

Преподобный Никодим Святогорец. Невидимая брань

Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник: В 3 т.

Епископ Петр (Екатериновский). Указание пути к спасению

Епископ Илия (Минятей). Проповеди

Три святителя в изданиях Сретенского монастыря:

Издательство Сретенского монастыря продолжает выпускать творения святых отцов Церкви. В 2005 году особенное внимание было уделено духовному наследию Трех святителей. Помимо календаря «Год со святителем Иоанном Златоустом», Сретенское издательство в серии «Письма о духовной жизни» выпустило сборники:

«Примите слово мое»

(письма святителя Василия Великого)

В сборник входят избранные письма Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, — вселенского учителя и святителя. Сохранившаяся переписка великого пастыря со своими современниками, которая охватывает весь период его церковного служения, содержит послания, в которых и сегодняшний читатель найдет для себя ответы на многие вопросы духовной жизни.

«За страдания обещана награда»

(письма святителя Григория Богослова)

Сборник писем святителя Григория Богослова является замечательным памятником эпистолярного жанра. Изящество слога непревзойденного каппадокийского ритора IV века отличает каждое письмо святого — будь то духовное наставление, богословская полемика, выражение любви к друзьям или обличение порока.

«Слава Богу за всё»

(письма святителя Иоанна Златоуста)

Сборник включает в себя письма, которые святитель Иоанн Златоуст писал в горестные дни своего изгнания в 404—407 годах. Любвеобильный пастырь наставляет своих чад в терпении скорбей, в радостном перенесении гонений и лишений. В книгу целиком вошел цикл писем к диакониссе Олимпиаде.

Отдельными томами были изданы:

«Избранные творения» святителя Григория Богослова

«Избранные творения» святителя Василия Великого

СВЯТОЙ
ПРАВЕДНЫЙ
НИКОЛАЙ
КАВАСИЛА

О ЖИЗНИ ВО ХРИСТЕ

Художник — Г. А. Комаров
Редактор — И. Е. Ковынева
Корректор — Л. В. Березникова
Верстка — Н. Л. Харитоновна
Технический редактор — А. Н. Кузнецова
Технолог — М. Ю. Мыскин

© Сретенский монастырь, 2006 г.

ЛР № 030613 от 24.07.99

Отпечатано в полном соответствии электронному
оригинал-макету издательства Сретенского монастыря
на Ярославском полиграфкомбинате

Формат 70x100/16 Объем 14 п.л. Тираж 3 000 экз.

Печать офсетная. Бумага офс. «Enso». Гарнитура «Ньютон»

Подписано в печать 31.01.2006. Зак. № 0601020

Адрес типографии: 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Адрес издательства: 107031, Москва, ул. Б. Лубянка, 19

По вопросам приобретения книг издательства Сретенского монастыря
обращаться по телефону в Москве: (495) 928-82-10